

Кочегин Павел Захарович
В небе полярных зорь

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: Кочегин П. З. В небе полярных зорь. — Челябинск: Юж.-Уральск, кн. изд-во, 1978.

Scan: AAW

Правка: Polarnik

{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Кочегин П. З. **В небе полярных зорь**. Повесть. — Челябинск: Юж.-Уральск, кн. изд-во, 1978. — 207 с. — Тираж 15000 экз. Цена 45 коп.

Аннотация издательства: К 60-летию Вооруженных Сил СССР. Повесть об авиаторах, мужественно сражавшихся в годы Великой Отечественной войны в Заполярье. Ее автор — участник событий, военком и командир эскадрильи.

В книге ярко показаны интернациональная миссия советского народа, дружба советских людей с норвежскими патриотами.

1	Часть первая.....	3
1.1	Глава I.....	3
1.1.1	1.....	3
1.1.2	2.....	3
1.1.3	3.....	4
1.1.4	4.....	5
1.1.5	5.....	7
1.2	Глава II.....	8
1.2.1	1.....	8
1.2.2	2.....	9
1.2.3	3.....	12
1.3	Глава III.....	13
1.3.1	1.....	13
1.3.2	2.....	14
1.3.3	3.....	15
1.3.4	4.....	16
1.3.5	5.....	18
1.4	Глава IV.....	18
1.4.1	1.....	18
1.4.2	2.....	19
1.4.3	3.....	20
1.4.4	4.....	21
1.4.5	5.....	23
1.5	Глава V.....	26
1.5.1	1.....	26
1.5.2	2.....	26
1.6	Глава VI.....	28
1.6.1	1.....	28
1.6.2	2.....	30
1.6.3	3.....	32
1.7	Глава VII.....	34
1.7.1	1.....	34
1.7.2	2.....	34
1.7.3	3.....	36
1.7.4	4.....	38
1.7.5	5.....	38
1.7.6	6.....	39

1.7.7	7.....	39
1.7.8	8.....	40
1.8	Глава VIII.....	41
1.8.1	1.....	41
1.8.2	2.....	43
1.8.3	3.....	44
1.8.4	4.....	45
1.9	Глава IX.....	46
1.9.1	1.....	46
1.9.2	2.....	46
1.9.3	3.....	47
1.9.4	4.....	49
1.9.5	5.....	50
1.9.6	6.....	51
2	Часть вторая.....	52
2.1	Глава I.....	52
2.1.1	1.....	52
2.1.2	2.....	54
2.1.3	3.....	55
2.1.4	4.....	58
2.1.5	5.....	59
2.2	Глава II.....	59
2.2.1	1.....	60
2.2.2	2.....	60
2.2.3	3.....	61
2.2.4	4.....	62
2.2.5	5.....	63
2.2.6	6.....	65
2.2.7	7.....	67
2.3	Глава III.....	68
2.3.1	1.....	68
2.3.2	2.....	71
2.3.3	3.....	72
2.3.4	4.....	74
2.3.5	5.....	75
2.3.6	6.....	76
2.4	Глава IV.....	77
2.4.1	1.....	77
2.4.2	2.....	79
2.4.3	3.....	81
2.4.4	4.....	83
2.5	Глава V.....	86
2.5.1	1.....	86
2.5.2	2.....	89
2.5.3	3.....	91
2.5.4	4.....	92
2.5.5	5.....	93
2.5.6	6.....	94
2.5.7	7.....	96
3	Часть третья.....	97
3.1	Глава I.....	97
3.1.1	1.....	97
3.1.2	2.....	99
3.1.3	3.....	100
3.1.4	4.....	102
3.2	Глава II.....	105
3.2.1	1.....	105
3.2.2	2.....	106
3.2.3	3.....	106
3.2.4	4.....	107

3.2.5	5.....	108
3.3	Глава III.....	110
3.3.1	1.....	110
3.3.2	2.....	110
3.3.3	3.....	111
3.3.4	4.....	113
3.3.5	5.....	113
3.3.6	6.....	114
3.4	Эпилог.....	115
3.5	Примечания.....	116

Норвежским друзьям — Сигварду Ларсену, Харальду Кнудтсену и Бьерне Беддари, удостоенным советских правительственных наград, посвящаю.

Автор

Часть первая

Глава I

1

Уже несколько дней воет ветер, стонут сосны, снежные вихри обрушиваются на сопки. Забились в ущелья звери, попрятались птицы, и только люди не имеют права укрыться от непогоды.

Свист ветра не заглушает гула моторов, лязга гусениц. Это большими катками прикатывают снег на взлетной полосе. В лучах мощных прожекторов, раздвинувших тусклый снежный полумрак, мелькают силуэты женщин, помогающих аэродромной команде расчищать аэродром.

Своим порядком идет жизнь в истребительном авиационном полку. Механики прогревают моторы, оружейники проверяют пулеметы и пушки, собираются на командный пункт летчики. В любую минуту вьюжная кутерьма может прекратиться, внезапно выглянет солнце. На аэродроме все должно быть готово к боевым вылетам.

Старший сержант Бозор Мирзоев, с трудом переставляя ноги в глубоком снегу, шагает к командному пункту. Вдруг в затылок ударил снежок, холодные струйки поползли по спине. Бозор оглянулся. Позади озорно смеются две девушки. Бозор скатал снежок, кинул его в девчат, но те пригнулись, и ком пролетел мимо.

— Истребитель, промазал! — задорно прокричали подруги, и одновременно два снежка полетели в Бозора.

Он подбежал, схватил ту, которая была в шубке, и взгляды их встретились. В ее больших светло-синих глазах играли яркие искорки. Что-то знакомое почудилось в них Мирзоеву, но в это время вторая девушка схватила его за плечи и свалила в снег.

— Не сдавайтесь, девчата! — раздались голоса женщин. — Идет подкрепление!

— Держись, Борис! — врезался в них зычный баритон Семена Блажко. — Держись, прикрою!

Мирзоева в полку чаще называли русским именем — Борис.

Образовалась куча-мала. Но, видя численное превосходство «противника», летчики вырвались из цепких рук девчат и поспешили ретироваться. Вдогонку летели снежки, смех и шутки.

2

На границе летного поля зажата между валуном и старой сосной с отбитой вершиной

притулилась приземистая землянка. Это командный пункт эскадрильи.

В помещении жара, в раскаленную печурку беспрестанно подбрасывает дрова дежурный по КП.

За столом собрался летный состав. Нет Блажко и Мирзоева. Из-за них задерживается постановка задачи. Капитан Ветров, хмурая брови, нетерпеливо оглядывает летчиков. Под его тяжелым взглядом все сидят молча, чувствуют — не миновать грозы.

Командир эскадрильи, Николай Гаврилович Ветров, человек твердого характера и крутого нрава, поблажек никому не дает. Крепкого телосложения, с гордо посаженной головой, орлиным носом, острым взглядом карих глаз, волевым голосом — он вызывает у подчиненных чувство робости.

Комиссар эскадрильи Никита Кузьмич Комлев, коренной сибиряк, прямая противоположность командиру. Он щупловат, среднего роста, лицом смахивает на монгола. Между слегка обостренными скулами посажен крупный нос. Темно-русые волосы поднялись над высоким лбом волной, а глубоко вдавшиеся залысины окаймлены кольцами.

Характер у Комлева мягкий, покладистый. Душа открыта, как говорят, нараспашку.

В землянку вошли двое. Старшина Блажко вытянулся перед командиром в струнку. Раскрасневшееся от мороза лицо — кровь с молоком, из-под шапки выбивается пышный чуб, глаза плутовато бегают по сторонам. (Глаза и чуб были гордостью Блажко и, как он сам любил выражаться, служили реактивными снарядами, без промаха поражающими девичьи сердца.) За широкой спиной друга притих Бозор Мирзоев. На его губах застыла детская улыбка.

— Почему опоздали? — спрашивает Ветров.

Блажко растерянно топчется у входа, невнятно бормочет:

— Задержались, товарищ капитан...

Ветров посуровел. Тонкие ноздри его расширились, на высоком лбу собрались морщины.

— К делу, товарищи! — он поднялся из-за стола. — Приближается полярная ночь. Враг постарается использовать каждый световой час, чтобы до ее наступления как можно больше напакостить нам. Наша задача: умело используя погоду и солнце, летно-тактические качества машин, успешно отражать налеты вражеских самолетов на Мурманск. Через час эскадрилья заступает на дежурство. Вылет по тревоге, сигнал — зеленая ракета. Моя четверка — ударная группа. Военком эскадрильи Комлев и старший сержант Мирзоев — группа прикрытия. У вас что будет, Никита Кузьмич?

— Небольшое добавление. Отразить налет — этого мало, надо врагов уничтожать, сколько бы их ни было и где бы они ни появились. Помните истину: в воздушном бою кто первым увидел, тот и победил. Следовательно, смотреть в оба. Второе — не отрываться от ведущего, не увлекаться.

— Существенно! — удовлетворенно заметил комэск. — Задача ясна? Тогда по местам.

Задвигались скамейки, скрипнул стол.

В дверях Блажко столкнулся с Мирзоевым.

— Понимаешь, Боря, нам бы за этот «бой» благодарность объявить, на худой конец в боевом листке пропечатать, а тут — смотри, чуть по выговору не отхватили.

— Не унывайте, Блажко, в боевом листке вы обязательно будете, — заметил шедший сзади Комлев.

Блажко прикусил язык и часто заморгал глазами. Через минуту на командном пункте остался только дежурный.

Ветер прогнал тучи за вершины гор и северное солнце осветило аэродром.

Прищурившись, Комлев оглядел летное поле от края до края. Кротовыми норами окружают его капониры, даже в подножье сопки, в южном углу аэродрома, выдолблены две

ниши. Еще совсем недавно в каждом капонире и в каждой нише была жизнь. Теперь многие из них пустуют. Вскоре после гибели Федина сгорел Ефимов, выпрыгнул с подбитого самолета и утонул в Туломе Ишутин. При воспоминании о друзьях у Комлева защемило сердце.

Летчики в меховых комбинезонах и теплых собачьих унтах, с планшетами и шлемофонами в руках, вразвалку идут юкапонирам.

Семен Блажко уже у самолета.

— Ну, как, Петро, мой «харитоша» готов?

Старший сержант Петр Зайцев расправил на куртке складки и, приложив руку к шапке, отрапортовал:

— Товарищ старшина! Самолет «Хаукер Харрикейн-12» готов к боевому вылету.

Блажко небрежно расписался в формуляре. Подмигнув механикам, пропел:

Англия России
Подарила самолет,
Горбатый, неуклюжий
И ужасно тихий ход...

Как всегда, прежде чем сесть в самолет, Мирзоев бросил взгляд на сосну. Громадный кривой сук ее своими игольчатыми ветвями накрыл землянку. Эта сосна напоминала ему родную таджикскую арчу.

Надевая парашют, Мирзоев чувствовал неприятную легкую дрожь в локтях, учащенное биение сердца.

Не один бой провел он, но всякий раз перед вылетом волнуется. Однажды он рассказал об этом военкому эскадрильи, тот улыбнулся: «Летчика, который не волновался бы перед боем, в природе нет».

Мирзоев поднялся в кабину, застегнул ремни, натянул шлемофон, и волнение как рукой сняло. Осталось одно желание — быстрее взлететь.

Все дальше отходят тракторы, оставляя за собой длинную прикатанную полосу.

Летчики с беспокойством смотрят в бездонную высь бледно-голубого неба.

Посты воздушного наблюдения, оповещения и связи, или, как их сокращенно называют, ВНОС, сообщили о противнике.

— Запускай моторы! — командует инженер эскадрильи Голубев, длинными жилистыми руками описывая круги над головой.

— Запускай моторы! — повторяют команду сразу несколько голосов.

Идут драгоценные секунды. Пилоты, с нетерпением ожидая сигнала к вылету, медленно рулят к старту. Над КП взвилась зеленая ракета, а впереди все еще тот же красный флажок. Стартер знает свою службу, и никакой приказ не заставит его выпустить самолет на препятствие. В нетерпении поднимается в кабине Блажко, потрясая кулаками, кричит:

— Белый, белый давай!

Скрылся за сугробом последний трактор. Взлетная полоса свободна. Стартер взмахнул рукой, и белый флажок затрепетал на ветру. Взревели моторы, задрожала земля. Шесть истребителей — все, что могла поднять эскадрилья после ожесточенных осенних боев, — плотным строем поднялись в воздух, оставляя за собой тучу снежной пыли.

Перед глазами Мирзоева промелькнула знакомая фигура на сугробе, и, как ему показалось, девушка махнула рукой.

4

Когда снег улегся, истребителей уже не было видно. Зато с запада по небосводу, словно нитки за иголками, ползли белые полосы инверсионного следа от немецких бомбардировщиков, идущих курсом на город.

— Ой! — вскрикнула девушка в меховой шубке и в бессилии опустилась на снег.

— Танюша! Что с тобой? — спросила подбежавшая подруга.

— Так ведь они летят к нам!

— Разве это впервые?

— Да бабушка-то болеет, не сможет унести Леночку в укрытие.

Таню окружили подруги, начали успокаивать. А белые нити все ползли, как предвестники неотвратимой беды.

— Да куда же запропастились наши-то?

Словно серебристые рыбки, блеснули в лучах солнца советские истребители. Круто развернувшись, они ринулись наперехват врага. Прикрывая товарищей, Комлев и Мирзоев на пересекающихся курсах атаковали шестерку «мессершмиттов» и отсекали их от бомбардировщиков. Завязался воздушный бой. «Харрикейны» описывали громадные петли, вертелись в головокружительных виражах. Темная лента Туломы, озера, листьями чинар распластавшиеся по земле коричневые шапки гор, зелень лесов вперемешку с иссиня-белым покрывалом снега, голубой горизонт, яркие отблески, солнца в окнах домика рыбака — все закружилось, как на карусели.

— Бозор, прикрой! — приказал Комлев и бросил свою машину в пике. Враг хочет уклониться, делает переворот через крыло, но прошитый очередью, теряет управление и камнем летит к земле.

— Топай, топай, не задерживайся! — радостно кричит Мирзоев и прикрываемый комиссаром занимает исходное положение для атаки.

Мирзоев оглянулся, и словно льдинка прильнула к сердцу: с хвоста к самолету военкома стремительно приближался желтобрюхий «мессер». Уже нет времени предупредить об опасности. Огнем тоже не выручишь. И Мирзоев, заложив машину в глубокий вираж, прикрывает ведущего крылом. Снаряды и пули, выпущенные по машине Комлева, попали в бензобак самолета Мирзоева. Истребитель вспыхнул. Раздумывать некогда. Мирзоев быстро отстегнул ремни, подогнул ноги и рывком отдал от себя ручку. Его выбросило из кабины. Внизу мелькнула полоса огня: это летит к земле истребитель.

Мирзоев рванул за красное кольцо, за спиной послышалось шуршание шелка. Летчика встряхнуло, и над головой огромным одуванчиком раскрылся купол парашюта.

Бой остался где-то в стороне. Внизу догорает его «Харитон». «Эх, растяпа, таранить не смог! — шепчет про себя Мирзоев, покачиваясь на стропях. — Болтайся теперь здесь под куполом. А там дерутся. И что с ведущим?»

В этот момент на Мирзоева со стороны солнца коршуном ринулся «мессершмитт», и тут же из-за облака вынырнула машина Комлева.

«Комиссар! Жив!» — чуть не крикнул от радости Бозор.

Воздух разорвала короткая пушечная очередь, вражеский самолет загорелся. Комлев, свечой взмывая ввысь, уходит в новую атаку.

От горячей машины отделилась черная точка. Чуть выше Мирзоева повис немецкий летчик на цветастом парашюте. Порывы ветра то относят их, то приближают. Но вот Мирзоев попал в струю восходящего потока, и вскоре летчики оказались на одной высоте. Мирзоев увидел небритый рыжий подбородок фашиста.

«Видать, жарко приходится, если на задание с «заершинами» летают, — подумал Мирзоев, вспомнив любимое слово комиссара. — Теперь ты от меня не уйдешь: в воздухе не удалось — на земле доконаю».

Мирзоев потянулся за пистолетом, но фашист раньше выхватил из кобуры маузер. Пуля просвистела рядом. В следующую секунду купол парашюта накрыл вершину сосны и Мирзоев повис на стропях. С трудом дотянувшись до ветви, Мирзоев оседлал ее и, обхватив ствол руками, перевел дыхание. При «присоснении» он ударился локтем о сук, пальцы непроизвольно разжались и пистолет выскользнул в снег.

Рядом, внизу сердито бушевала горная река. Перед глазами мелькнула картина далекого детства. Как-то он с бабушкой ходил в поле. Пока бабушка обрабатывала тяжелым кетменем крохотный участок земли, он залез на самую вершину сухой арчи. Дерево обломилось, и он бултыхнулся в бурлящий Вахш. Мутный пенный поток подхватил его, как щепку. Бозор не

помнит, как он, мокрый, дрожащий от страха, оказался на руках бабушки. Вокруг стояли русские красноармейцы в фуражках с пятиконечными звездочками на околышах. Обливаясь горячими слезами, целуя внука и нежно глядя его мокрую голову, бабушка повторяла:

— Рахмат, рахмат, рахмат...{1}

«А кто же сейчас придет ко мне на помощь?» — с тоской подумал Бозор.

Пролетев над Мирзоевым, повис на сосне и фашистский летчик. Врагов разделяло дерево с изогнутым полупетлей стволом. Как через окно они разглядывали в этот просвет друг друга.

«Убьет ведь!» — только и успел подумать летчик, как пуля обожгла плечо.

— Эй, падарланати саг!{2} — выругался Мирзоев. Он вспомнил про финский нож. Трудно судить, на что рассчитывал в это время пилот, но, выхватив финку и гневно выкрикнув: «У, малчун!»{3}, он с силой метнул ее в фашиста. Тот, защищаясь, вскинул руки к лицу и выронил маузер.

— Теперь померяемся силами! — и Мирзоев, быстро отстегнув парашют, прыгнул.

Противник оказался на земле несколькими секундами раньше и сразу же побежал вдоль берега.

— Стой, хальт! — крикнул Мирзоев и кинулся за ним.

Догонять было трудно: снег доходил до колен. Внезапно немец остановился и круто повернулся. В его руке блеснул кинжал. Бозор выбросил вверх скрещенные руки. В следующее мгновение рука фашиста хрустнула от железной хватки Мирзоева. Он повернулся и, напрягая все силы, перекинул врага через плечо, бросил с обрыва. От боли и напряжения потемнело в глазах, затошнило, земля закачалась под ногами и... выскользнула. Мирзоев почувствовал, что сползает в пропасть, и судорожно вцепился в подвернувшийся под руку корень дерева. Ноги повисли над водой.

5

Уже несколько дней небольшой отряд мотористов и стрелков находился в сопках, готовил самолет для перегона с места вынужденной посадки. Внимание сержантов привлекли спускавшиеся неподалеку парашютисты. Бойцы вскинули винтовки — на разноцветном, конечно, фашист, — но куполы парашютов скрылись за горой.

— За мной! — скомандовал старший группы, младший техник-лейтенант Виктор Хмара, и, закрепив лыжи, первым бросился на помощь своему летчику.

До Хмары донесся глухой щелчок пистолетного, выстрела. Он прибавил шаг и вскоре очутился на вершине сопки. Внизу тихо, никого не видно. Лавируя между деревьями и валунами, техник-лейтенант быстро скатился к берегу горной речушки и заскользил вдоль него.

— Следы! — обрадовался Хмара и еще быстрее заработал палками. Через минуту он увидел притоптанный снег, глянул в сторону и бросился к сосне, склоненной над обрывом.

— Здесь он, здесь! — донесся до Мирзоева голос Хмары, и тут же Бозор почувствовал, как сильная рука ухватила его за воротник комбинезона.

Еще минута, и Мирзоев уже сидел на снегу, окруженный товарищами. В стороне, как будто ничего не произошло, стоял Хмара, глубоко затягиваясь махоркой.

— Ты почему не стрелял в этого гада? Осечка? — допытывались механики. Вместо ответа Бозор взглянул на Хмару и попросил:

— Ичозат дихед папирос кашам!{4}

Волнуясь, Мирзоев, сам того не замечая, заговорил на родном языке.

К летчику потянулись сразу несколько рук с махоркой и папиросами. Бозор закурил в первый и последний раз в жизни, прокашлялся и, бросив папиросу в снег, ответил:

— Осечка. Да, мой сегодня давал осечка, дустони азиз{5}.

С тревогой и волнением наблюдали с аэродрома за воздушным боем женщины. Вот где-то далеко-далеко раздалась пулеметная очередь, твякнула пушка. Все смолкло. Но тишина

стояла недолго. Из-за сопки выскочил истребитель, мотор взревел и сразу же смолк. Машина плюхнулась в глубокий сугроб. Над истребителем поднялся столб снежной пыли. К месту посадки побежали люди, стали пробираться через сугробы пожарная и санитарная машины. Когда снег осел, все увидели летчика, который стоял в кабине, навалившись грудью на бронестекло.

— Жив, Сеня? — спросили подбежавшие друзья.

— Пощупайте, убедитесь, — ответил Блажко. — Отделался легким испугом. Хорошо бронестекло выдержало, а то просверлил бы мне фриц котелок.

У посадочного знака приземлились еще четыре машины. Таня вместе с подругами наблюдала за посадкой, но голубоглазого, смуглолицего юношу среди летчиков не увидела. Непонятная тревога закралась в сердце.

В вагоне пригородного поезда, в пути домой, Таня была задумчивой и молчаливой. Мысли ее то витали вокруг Леночки, то возвращались к тому летчику. Почему? Ведь она видела его только раз... А вот волнуется, переживает, сел он или нет. «Ну, да впрочем это понятно, наш ведь советский», — попыталась объяснить себе смутную сердечную тревогу.

— Ты что такая грустная? — перебила ее мысли подруга. — Уж не о том ли пареньке грустишь? А он и в самом деле хорошенький.

— Полно, перестань, о Леночке я думаю.

Теперь Таня вновь перенеслась мыслями к девочке и не чаяла, когда встретится с ней. Поезд полз медленно, часто останавливался и подолгу стоял на перегонах.

Глава II

1

Боевой день утихал. Уже после захода солнца произвели последнюю посадку летчики эскадрильи Ветрова. Но штурмана Антонова с ними не было.

Все плотнее становятся сумерки. Тянутся томительные минуты ожидания. Наступила ночь. Дежурство окончено. Но все надеются, что Антонов вернется домой. Пусть пешком, но вернется. Однако из штаба Северного морского флота сообщили, что экипаж одного корабля видел, как недалеко от берега моря упал в сопки какой-то самолет, предположительно «Харрикейн».

Из дружной семьи летчиков вырван еще один товарищ. Опечаленные шли они на разбор боевого дня.

...Командный пункт, упрятанный в скалу, надежно защищен от авиационных бомб. На длинном столе под грубошерстным сукном макеты самолетов различных конструкций, в одном поршне — цветные острозачиненные карандаши, другой используется как пепельница. К стене прикреплена классная доска, напротив висит карта театра военных действий.

Вот и все убранство комнаты, которую летчики и любили и немножечко побаивались, называя в шутку «стружкоснималкой». Здесь, на разборе воздушных боев, их отчитывали за промахи. Кое-кто, входя сюда, почесывал затылок, чувствуя, что придется побыть в «вертикальном положении» и не только перед командиром полка, но и перед товарищами.

В ожидании командования одни пилоты громко о чем-то спорят, другие перешептываются, третьи толпятся у карты. А старшина Егор Бугров, раскрыв объемистую тетрадь, вычерчивает схему воздушного боя. Он увлечен делом и не чувствует, что толстая губа его отвисла, что он шмыгает носом, как школьник при решении трудной задачи; рыжие волосы развалились навильником соломы, прикрыв серые глаза под кустистыми белесыми бровями.

Комлев подсел к пилоту.

— Со временем из твоих записей замечательная книга получится.

— Книгу не обещаю, а вот когда буду учиться в академии, эта тетрадь, думаю, пригодится, — глухим басом ответил Бугров. — Вы мне рекомендацию дадите?

— Что, решил-таки?

— И решил, и вот, — летчик протянул военкому письмо.

Отец Егора Бугрова писал, что ему с группой товарищей удалось бежать из фашистского плена и перейти линию фронта. Теперь он снова в действующей армии, уничтожает врагов.

Читая, Комлев вспоминал рассказы Егора об отце. Как только началась война, тракторист МТС Клим Бугров был мобилизован и отправлен на фронт. В летное училище Егору пришло только одно письмо, а затем связь прервалась. Через некоторое время до Егора дошел слух, что его отец, якобы, находится в плену. Это обстоятельство угнетало летчика, и он воздерживался подавать заявление в партию. И вот теперь груз снят с сердца, а сбитый им в последнем бою первый вражеский самолет окончательно укрепил давнее желание — сражаться за свободу Родины коммунистом.

Возвратив письмо, Комлев крепко пожал руку пилота.

— Поздравляю тебя, Егор, от души поздравляю.

— С чем, товарищ старший политрук?

— Со многим... С первой личной победой, с получением письма, с тем, наконец, что у тебя такой замечательный отец. Я ж тебе давно говорил, ясное море, что настоящий советский человек в любых условиях останется верным патриотом.

— Я верил в папу, верил в то, что, он никогда не подведет маму, меня и своих друзей. В прошлом моряк, он часто говорил о том, что человек подобен кораблю. Чтобы корабль не сбавил хода, не потерял устойчивости, его подводную часть очищают от ракушек, водорослей и прочих наростов. Так и человек. Если хочет преодолеть все штормы, которые встретятся на пути, не потерять достоинства, он должен повседневно очищать свою душу от самолюбия, зависти, трусости, своекорыстия и других пороков.

Придвинувшись к столу, Комлев тут же написал Егору Бугрову рекомендацию для вступления кандидатом в члены ВКП (б).

— Спасибо, — застенчиво поблагодарил пилот.

— Завтра комсомольское собрание, там решат, рекомендовать ли тебя.

2

Открылась дверь. Все мигом вскочили.

К столу, припечатывая шаг, прошел командир полка майор Локтев. С каждым взмахом руки под гимнастеркой движутся угловатые костлявые лопатки. Следом, пригнувшись, чтобы не задеть головой за притолоку, по-слоновьи протопал военком полка Дедов.

Локтев резким движением расправил складки на гимнастерке. Звякнули боевые ордена и медали. Маленькими, глубоко сидящими глазами внимательно посмотрел на летчиков. «Вот и Якова Антонова стул опустел», — с болью в сердце подумал командир. Он устал. За короткий день сам трижды поднимался в воздух, выиграл два сражения. Но разве эти вылеты его вымотали? Нет! Воздух — его стихия, бой — призвание. Там, в небесах, он чувствует себя как рыба в воде. Гораздо труднее руководить боем с земли. Переживания за товарищей, когда они в опасности, а помочь, кроме подсказа, ничем не можешь, высасывают и нервы, и силы.

Узкий череп Локтева, обтянутый голой кожей, словно бы еще больше сузился, щеки ввалились.

— Предлагаю память нашего дорогого друга Якова Антонова почтить минутным молчанием, — усталым, с хрипотцой, голосом проговорил Локтев.

Все замерли, склонив головы, как над могилой. — Садитесь, товарищи.

Вначале об итогах дня доложили командиры эскадрилий.

— Давайте разберемся, почему погиб Антонов, — снова заговорил Локтев. — Он запоздал с запуском мотора. Когда начал вырубивать, эскадрилья уже была в воздухе. Я запретил взлет, но он не выполнил приказа. Возможно, что и не слышал. И вот взлетел и болтался один. А один, пусть у него будет хоть семь пядей во лбу, никогда погоды не сделает.

Только группа может вести бой успешно, пусть даже самая маленькая группа — пара. Горький опыт учит: не отрывайся! Оторвешься — пиши пропало, живая мишень для противника. Вот такой мишенью и стал Яков. И все из-за того, что он думал в момент вылета не о противнике, а о том, что скажут о нем товарищи, командиры. А не посчитают ли его трусом? Сделайте выводы из его гибели. Хотите жить, хотите бить врага, держитесь зубами друг за друга!

— А вот и второй случай, — после короткой паузы продолжал Локтев. — Старший сержант Кучеренко «отличился». Расскажите, старший сержант, как получилось, что вы оторвались от ведущего и дрались один?

Афанасий Кучеренко подошел к столу, взял в руки макеты самолетов.

— Встаньте здесь, чтобы вас все видели, — сказал Дедов, указывая рукой.

Кучеренко недовольно хмыкнул, но покорно вышел из-за стола. За низкий рост в полку его называли Карапетом. Рассказывали, что при поступлении в авиационную школу он обвел вокруг пальца медицинскую комиссию, подослав к измерителю роста своего дружка. На голову Кучеренко словно бы кто накинул черную каракулевую мерлушку. Не одну расческу сломал он в чашобе своих волос.

— Значит, пара «мессершмиттов» пронеслась между вами и Бугровым? И вы шарахнулись в сторону? Так? — переспросил командир полка.

Пилот кивнул головой.

— Так это излюбленный их прием: отколоть от строя и уничтожить одиночный самолет.

— А что я мог сделать? — попытался возразить Кучеренко. — На фрицев, что ли, лезть?

— К ведущему. И не бойся, бандюги тоже глаза имеют, а на таран не пойдут. Бросай машину на бандюг — отвернут. А ты тут его в пузо и резани. Ну, а сколько патронов израсходовали?

— Все.

— Все?! — удивился Локтев. — За четыре очереди весь боекомплект? Молодец! Вот молодец! Увидел фрица за версту — палит в божий свет, как в копейку. А когда действительно надо стрелять — у него кругом пусто.

Локтев взял из рук Кучеренко макеты самолетов.

— Прицельная очередь дается короткая: пять-десять патронов, не больше. А когда взял бандюгу в прицел, — он приблизил макеты друг к другу, — тогда на дистанции сто-сто пятьдесят метров бей наверняка. А с пятидесяти метров удар будет без промаха. И эрэсы{6} выпустили?

— Да.

— По истребителям?

— Да.

Локтев укоризненно посмотрел на, летчика и покачал головой.

— Какой... — командир, по-видимому, хотел сказать еще что-то, но сдержался. — Кто же эрэсами стреляет по истребителям? Ведь они предназначены для бомбардировщиков и наземных целей. Вопросы, предложения есть?

— Трудно на «харитошах» тягаться с «мессерами», — сказал кто-то.

— Трудно, знаю. Но какие есть машины, на тех и воевать придется. А вообще-то надо понять, что воюют не самолеты, а летчики. Надо знать тактику врага и смекалку проявлять.

— Снять надо эрэсы, — предложил Комлев. — Машина много теряет в маневренности и скорости. Для воздушного боя достаточно огня пулеметов, а получим задание на штурмовку — подвесить их недолго.

— На это нужен приказ высшего командования. Посмотрим — решим, — ответил Локтев.

Опираясь жилистыми волосатыми руками на стол, поднялся военком полка батальонный комиссар Дедов, волжанин. На его груди — ордена Ленина и Красного Знамени. Второй — за уничтожение банды басмачей в двадцатых годах. Дедов — богатырского телосложения, черты

лица у него крупные, над верхней губой навис нос, про который в народе говорят: «эка носина — в соборное гасило!»

— Командир полка указал на ошибки, допущенные летчиками, — начал говорить он (с ударением на «о»). — Но вообще-то сегодня дрались вы здорово. Генерал объявляет всем летчикам благодарность. Генерал просил особо отметить действия Егора Бугрова и поздравить его с первой личной победой. Это первое, что я хотел вам сказать. Второе. Получен приказ Народного Комиссара Обороны «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии».

При этих словах в сердце Комлева кольнуло. Мелькнула мысль, вызванная не то чувством самолюбия, не то скорбинки: «Вот и откомиссарствовался!». Мелькнула и тут же заглохла. А Дедов, теперь уже заместитель командира полка по политической части, продолжал:

— Без военных комиссаров, говорил Владимир Ильич Ленин, мы не имели бы Красной Армии. Тогда, в годы гражданской войны, комиссары нам были нужны, как хлеб насущный. Много было командиров, которые не верили в прочность Советской власти, много было и враждебных ей. Да и те командиры, которые вышли из народа, тоже нуждались в поддержке комиссаров, в их совете. Вспомните Чапаева и Фурманова. Теперь положение резко изменилось. Преданность командиров своей Родине неоспорима. Они это доказали на деле. Политически они выросли и могут решать самостоятельно все вопросы, касающиеся боеспособности части. А наши комиссары повысили свои военные знания, приобрели богатый опыт современной войны. Как и командиры, они вполне могут командовать частями и подразделениями. Но отмена института военных комиссаров отнюдь не означает, что теперь замполиты могут меньше заниматься политической работой, вопросами быта бойцов. Я думаю, что все командиры и политработники правильно поймут Указ Президиума Верховного Совета СССР и приказ Наркома.

После замполита вновь взял слово командир полка.

— Командиры эскадрилий, запишите задание на завтра, — сказал он. Сегодня Локтев уже не добавил «и комиссары». Это с непривычки немного ущемило Комлева, однако он, как и прежде, начал записывать задание. А Локтев все тем же отрывистым, глухим голосом говорил:

— Первая эскадрилья с рассветом посылает пару на разведку аэродрома Луостари.

Командир полка подошел к карте, на которой была нанесена наземная обстановка, отмечены аэродромы противника, и подробно рассказал об условиях полета, указал высоту, маршрут, направление захода на цель, скорость. В заключение предупредил:

— Ни в коем случае не вступать в бой. Задание всем ясно?

— Ясно, — ответили хором летчики.

— Разрешите? — спросил Комлев и встал. — Может быть летчики сами решат, как им выполнять задание?

— Не отсебятничайте! Условия полета даются штабом дивизии, — ответил за командира Дедов. — Еще что у вас?

— Знаю, товарищ военком, — продолжал Комлев, — что задания на разведку даются штабом дивизии, но выполняют эти задания летчики. А их, летчиков, пеленают, как пеленали раньше детей грудных. Вначале вытянут вдоль боков руки, затем завернут в пленку из холстины, а поверх еще широким кушаком перетянут и в ногах завяжут крепким узлом. Лежи и не каркай, теперь, мол, не развернешься.

Больше года воюем, а приказы на разведку, как близнецы, походят один на другой: высота, маршрут, время появления над целью. Я не знаю, откуда пошел такой порядок. Это сковывает инициативу летчиков и ведет к печальным последствиям. Немцы изучили наши полеты, как пять пальцев, и встречают нас в воздухе. А я так считаю. Дело штаба дать приказ, что разведать и какие сведения о противнике доставить командованию. В исключительных случаях, если крайне необходимо, ограничить летчика временем. Все остальное должны

решать непосредственно исполнители приказа. И об этом мнении эскадрильи прошу вас, товарищ майор, доложить командованию дивизии.

— Замполит первой дело говорит. Идите отдыхать, — завершил разбор боевого дня Локтев.

— Ну, как самочувствие, политичный? — спросил Ветров Комлева по пути к штаб-квартире (так шутя называлась землянка командира и комиссара эскадрильи). Ветров любил подражать первенцевскому Кочубею и своего комиссара называл «политичный ты мой». И даже впервые испытал в бою своего «политичного» по-кочубеевски. В первом совместном вылете он специально закладывал головокружительные виражи, выполнял боевые развороты и другие фигуры высшего пилотажа, но комиссар словно бы привязался к ведущему. В полете Ветров только одобрительно поводил густой бровью да удовлетворенно покачивал головой.

— Настроение? А что? Как всегда.

— Ты только не думай, что с этого дня я твой командир, а ты у меня подчиненный. Мы с тобой как были равными, так и останемся равными по службе, друзьями по боевой работе. И никаких гвоздей.

— А я иначе и не думал.

— Вот и преотлично, все, что ты скажешь, для меня закон, всегда поддержу.

— И я тоже. Указ правильный. Хорошо сказано, что для комиссаров создалось ложное положение. Это и я чувствовал, и ты тоже. Да и каждую мелочь тебе надо было согласовывать со мной. Хотя ты и так знал, что я не буду против. Одна формальность. А Локтев? Смотри, как он изменился. Не узнать. Сравни-ка сегодняшний разбор с теми, что были когда-то.

3

Майор Локтев вступил в командование полком в марте 1942 года. Полк формировался из молодых летчиков и техников, только что окончивших училища. Предстояло в кратчайший срок подготовить часть к боям.

Отличный истребитель, но человек по натуре горячий и вспыльчивый, на первых порах Локтев допускал грубые ошибки в обращении с подчиненными, которые вызывали отчужденность между командиром и коллективом. Как трещина разделяет льдину, так командир отдалялся от своего полка. На счастье на пути Локтева оказался военком Дедов...

Как-то после ужина Локтев зашел в землянку. Дедов писал. Локтев молча порылся в своих бумагах, взял нужную и направился к выходу.

— Куда, Григорий Павлович? — остановил его военком.

— А что?

— Садись, мне поговорить надо с тобой.

— О чем? — пожал плечами Локтев.

— Садись, узнаешь. Григорий Павлович, так долго не протянешь. Самое трудное впереди, а ты уже сейчас, как тень. На себя не походишь, одни глаза да нос торчит.

— К чему это вы разговор завели? Короче, мне некогда, — нехотя садясь на табуретку, бросил Локтев.

— Ты командир полка и у тебя на все должно хватать времени, в том числе и на разговор со мной.

— Что это, исповедование?

— Душевная и дружеская беседа старшего товарища.

— Пока мы на одних правах, и я не считаю себя, младшим по отношению к вам, — переходя на официальный тон, повысил голос Локтев.

— Дело-то не в чинах, дорогой Григорий Павлович, — сказал военком, — а...

— А, понимаю. Как представитель партии и Советской власти, — с иронией продолжал Локтев.

— Да, как представитель партии, я с вами и хочу поговорить, — словно не замечая иронии, тоже официально ответил Дедов. — Это, во-первых. Вы мне в сыновья годитесь, и у

меня больше житейского опыта и больше опыта руководства коллективом. Это тоже обязывает меня говорить о вашем стиле работы. Дальше. Мы, как члены партии, обязаны указывать друг другу на недостатки. Ну, и, наконец, как товарищ по работе я должен предостеречь вас от тех последствий, к которым могут привести ваши ошибки в руководстве полком. Есть замечательная пословица: «Друга осуждай в глаза, врага — за глаза». Так вот, я хочу сказать вам в глаза, что думаю. Куда вы сейчас собрались?

— Вторая начинает полеты.

— Ну и пусть летает, там есть командир эскадрильи, комиссар, пусть они и руководят полетами.

— Напортчат, а мне отвечать.

— И мне, — Дедов пристально посмотрел командиру в глаза. — Вот в этом и есть один из твоих недостатков.

Ты не доверяешь своим помощникам, лезешь во все сам. Отбиваешь у них инициативу, снижаешь ответственность за порученное дело. Носишься, мечешься, чрезмерно расходуешь свои силы, а когда нужно будет вести полк в бой, ты выдохнешься.

— Не выдохнусь, сухое дерево всегда крепче, а толстым никогда не был, — более спокойно ответил Локтев. Но, вспомнив слова комиссара о доверии, снова вспылал: — Доверие, доверие! Какое тут, к чертовой матери, доверие, когда сроки подготовки полка уходят, а у нас все еще ни у шубы рукав! Спросят с нас: когда будет готов полк? Что ответим?

— Эх, ты, голова садовая. Одного ты не можешь понять, что своим метанием из стороны в сторону ты не ускоряешь подготовку полка, а тормозишь ее. Командир должен быть требовательным, но без истерики. Там, где надо одобрить, ты разносишь, где дать твердые толковые указания — кричишь. Иногда оскорбляешь людей. Командир, это прежде всего воспитатель, старший товарищ. Знаю, что ты простой, душевный человек, любишь своих подчиненных, но зачем напускать на себя не в меру строгость? Думаешь, от этого дело пойдет лучше? Ошибаешься.

— Вы говорите об умении руководить, — перебил Локтев. — А откуда ему быть у меня? Началась война — я был командиром звена. Бои и бои без конца. Убили командира эскадрильи, меня на его место поставили, а ничего не изменилось: полеты, бои, полеты, бои. На земле, по сути дела, я не встречался со своими подчиненными. А теперь вот полк дали.

— Вот и надо приобретать это умение. Чем быстрее, тем лучше. Теперь время другое. Поставили — руководи, но с толком.

Дедов положил свои тяжелые руки на костлявые плечи командира и тихо, но твердо закончил:

— Ты часок отдохни, а я пойду, уже моторы запускают. Да, чуть не забыл. Если сразу не уснешь, почитай. Это выдержки из книги генерала Драгомирова. Умница был. Он писал для сержантов, но полезно почитать и большим начальникам.

Комиссар ушел, а Локтев лег и задумался. На душе было муторно. Никогда не думал, что так нехорошо может получиться.

Глава III

1

Бозора Мирзоева, как «безлошадного», послали в дом отдыха летчиков Карельского фронта.

Городок, где находился дом отдыха, стоит в ущелье. Здесь часто бушевали метели. Горожане расчищали дорожки и вдоль домов образовались коридоры с высокими снежными стенами.

Подняв воротник летной куртки и поглубже надвинув ушанку, Мирзоев поздним вечером возвращался с прогулки. Под ногами звонко хрустел снег.

— Ах! — раздался испуганный возглас, и с сугроба скатилась девичья фигурка.

— Ушиблись? — участливо спросил Бозор, помогая пострадавшей подняться.

— Благодарю... испугалась чуточку, — переводя дыхание, ответила девушка певучим мягким голосом.

— Разрешите, я немного за вами поухаживаю, — робко сказал Бозор и начал отряхивать снег с пухового платка и коротенькой шубки.

В темноте черты лица были плохо различимы, но голос показался знакомым.

— Нам, наверное, по пути? — поравнявшись с девушкой в том месте, где коридор был шире, спросил Бозор.

— Не знаю... Я не знаю, куда вы идете... Если в дом отдыха, то по пути...

— Вы угадали, — ответил он, несмело беря спутницу под руку, и добавил: — Разрешите, я вас буду немного поддерживать...

— Какая внимательность... Вы всегда такой внимательный? — с легкой иронией спросила она.

— У вас так много снега, — вместо ответа проговорил Бозор.

— А у вас меньше?

— Конечно, меньше.

— То-то вы и обращаетесь к нам, чтобы чистить поле.

Незаметно дошли до большого здания.

— Вот я и дома, — сообщила девушка.

— О, так мы рядом живем, — обрадовался Мирзоев, но, тут же погрустнел: уж очень скоро окончился приятный путь.

— Большое вам спасибо, — высвобождая свою руку из руки Бозора, поблагодарила девушка. — Теперь я сама дойду и думаю, что больше не упаду.

Бозор зашел в подъезд. Свет электролампочки осветил лица. Они глянули друг другу в глаза и почти одновременно воскликнули:

— Храбрый летчик!

— Агрессорша!

Оба задорно и весело засмеялись.

2

В бильярдной Бозора встретил Афоня Кучеренко.

— Ты где болтался? Из-за тебя партию проиграли.

Бозор, не обратив внимания на упрек друга, прошел в угол, уселся на мягкий, глубокий диван. Вынул из кармана удостоверение личности, извлек лежавшую в нем маленькую фотокарточку. И чуть не привскочил на диване. На фотографии с надписью «Захочешь — найдешь. Таня» была конечно же она, эта самая «агрессорша».

Мысль мгновенно возвратила его к недавнему прошлому.

...Через густую темно-коричневую дымку, словно через закопченное стекло, устало проглядывает полярное солнце. Порывистый ветер ласкает загорелые лица воинов. Полк выстроен на границе летного поля, фронтом к командному пункту.

Вот массивная дверь под нависшей глыбой открылась, и из проема вышла большая группа людей.

Впереди полнеющий, но еще стройный генерал и сухой, жилистый, коренастый горняк, забойщик Орехов, за ними — военком полка Дедов с рабочей делегацией. Позади — трое военных, у одного из них зачехленное знамя, за плечами двоих — русские трехлинейные винтовки.

— Полк, смир-ноо-о! Равнение на середину! — командует майор Локтев и, повернувшись кругом, четким шагом идет навстречу комдиву. За три шага, пристукнув каблуками, приложив руку к пилотке, рапортует:

— Товарищ генерал! Истребительный авиационный полк на торжественный акт вручения боевого знамени — построен!

Локтев делает шаг в сторону. Генерал приближается к строю.

— Здравствуйте, товарищи!

В ответ единым могучим выдохом: — Здравия желаем, товарищ генерал! Комдив берет знамя, шелковое полотнище колышется от легких порывов ветра.

— Товарищи летчики и техники! Товарищи командиры и политработники! Сегодня вам вручается полковое знамя. Берегите его как зеницу ока.

Командир соединения вручает знамя командиру полка.

Тот, передав стяг знаменосцу, командует:

— Полк, под знамя, смирно! Равнение на знамя!

Шеренги замирают.

Знаменосец, раскрасневшийся, взволнованный, высоко поднимает древко, в сопровождении ассистентов и вооруженного эскорта, чеканя шаг, идет вдоль шеренг. Сотни глаз сопровождают гордо развевающуюся на ветру святыню. И те, кто не раз уже стоял под знаменем, и те, кто впервые видел его перед собой, взволнованно переживают эти минуты. Пройдя перед строем, знаменосец замирает на правом фланге.

— Вольно!

Но полк по-прежнему стоит, не шелохнувшись. Генерал подходит ближе к строю.

— Дорогие товарищи! Командование надеется, что вы с честью пронесете это Красное знамя через все испытания. Перед вами поставлена задача: в кратчайший срок подготовиться к боевым действиям. Ваши товарищи обливаются кровью в неравных боях с врагом. И чем быстрее вы придете к ним на помощь, тем меньше будет пролито крови вашими друзьями, тем сильнее будет наш удар по врагу. Одновременно вы будете нести охрану своего аэродрома и города. У вас есть все, чтобы успешно справиться с заданием. Желаю успеха.

К авиаторам приближается Илья Фомич Орехов. Пепельные, аккуратно подстриженные волосы зачесаны назад. Держа старенькую кепчонку в заложенных за спину руках, он внимательно смотрит на строй.

— Сыны наши родные! Под Красным знаменем мы с вашим комиссаром Сергеем Филипповичем Дедовым в гражданскую вместе белогвардейскую контру громили. Потом я на рудник пошел, а он остался в Армии. Но связи мы не порываем, дружбу крепко бережем. Перед тем, как поехать к вам, мы посоветовались с рабочими завода и рудника и порешили всем миром считать ваш полк родным полком. Бейте, сынки, врага беспощадно, всегда помните, что мы с вами. А мы ни сил, ни здоровья не пожалеем, а дадим все, что нужно для разгрома лютого зверя. Мы добудем столько руды и выпустим из домен такую лаву металла, что в ней сгорит вся нечисть. Примите от нас, от рабочих, скромные подарки. Они от всего нашего рабочего сердца.

Илья Фомич дал знак своим товарищам, и они стали вручать воинам посылки.

Передавая небольшой, аккуратно зашитый в белую материю пакет Бозору Мирзоеву, Илья Фомич ласково проговорил:

— Какой ты юный! Ну, это не порок. Не смущайся своей юности. Возмужаешь. Сергей Филиппович в ту пору, кажись, был еще моложе тебя, а в боях отличался на славу. А ты из каких мест будешь?

— Самый юг. Таджик я. Вахш-река слышал?

— Слышал. Не только слышал, а и воевал там. Выходит, земляки мы с тобой. Да еще дважды. По реке Вахш и по реке Туломе. Вот как оно в жизни случается.

Принимая посылку с надписью: «Самому смелому летчику», Мирзоев краснел и что-то невнятно бормотал. В те дни Мирзоеву здорово не везло в полетах, и он не без оснований считал, что посылка попала не по назначению. А когда строй был распущен, то выяснилось, что все посылки были адресованы самым смелым летчикам и самым передовым техникам. В пакете он и нашел эту маленькую фотокарточку.

Утром Мирзоев проснулся раньше всех. Положив руку под голову, он не мигая смотрит на потолок, а в глазах Танюша стоит, как живая, слышится ее певучий голос и особенный, не такой как у других девчат смех. Он припоминает подробности вчерашней встречи, «баталию» на аэродроме и про себя улыбается.

Не дождавсь подъема, Бозор тихо вышел на улицу. В небе блестели холодные звезды. Делая вид, что беззаботно прогуливается, Бозор несколько раз прошел мимо дома, где жила девушка.

«Когда она ходит на работу?» — думал Бозор, возвращаясь в палату.

За завтраком он разговаривал мало, был рассеян и на вопросы товарищей отвечал невпопад. Только Афоне Кучеренко, своему закадычному другу, рассказал о встречах с Таней, о непонятном тревожном чувстве, которого еще никогда не испытывал.

День казался Бозору бесконечным. Надеясь встретиться с Таней, он после ужина направился по знакомой тропинке. Гулял долго. Продрог и уже решил уходить, когда из-за угла вывернулась знакомая фигурка.

— Добрый вечер, Танюша, — радостно проговорил Бозор, почти подбегая к девушке.

— Это вы?! Откуда вы мое имя узнали? Может, я не Танюша совсем, — вскинув на Бозора удивленные глаза, протянула, словно пропела, она.

— От вас. Вот! — он показал фотокарточку.

— Нашел-таки, — обрадовалась Таня и тут же, скрывая свою радость, с деланным безразличием спросила: — Что вы так поздно здесь ходите?

— Прогуляться на минутку вышел перед отбоем, — едва сдерживая дрожь, соврал Бозор.

— Понимаю, снова случайная встреча.

— Вы всегда так поздно приходите с работы?

— Бывает и позднее.

— Вы, наверное, во вторую смену работаете?

— Без смены, когда как придется.

— А сегодня вы когда вышли из дома?

— Вас так интересуется мой распорядок дня? — удивилась Таня. — Я уйду из дома, когда вы еще спите. Хорош тоже мне кавалер! Он знает, как меня зовут, а своего имени не говорит.

Бозор с готовностью представился.

— Вот так-то, Бозор. Уйду рано, прихожу поздно, извини, мне некогда. Да и ты, чего доброго, к отбою опоздаешь.

И Таня скрылась за дверью.

Шли дни. Каждый вечер они встречались на несколько минут, болтали о всякой всячине; но Бозор не решался сказать главного. И наконец однажды Бозор возбужденно заговорил:

— Танюша! Ты бы так недоверчиво не относилась ко мне, если бы знала, что у меня в сердце.

— Что же? Заноза? Надо немедленно оперировать.

— Тут операция не поможет, — осмелев, шуткой на шутку ответил Бозор. — Таня! — прошептал он и крепко сжал руку девушки. — Понимаешь, Таня...

— Ой! — вскрикнула девушка. — Времени-то сколько уже! Пора домой.

— И все? — недоуменно спросил Бозор.

— А что еще?

— Когда мы сможем долго-долго поговорить? Таня немного подумала, а потом ответила:

— Завтра я, пожалуй, разрешу тебе зайти ко мне ненадолго, а теперь — спокойной ночи.

В условленный час Бозор постучал в дверь Таниной комнаты.

— Войдите, — услышал он знакомый голос.

Бозор вошел и остановился у двери, как вкопанный. На кушетке сидела Таня, а у нее на руках, жадно чмокая губенками, сосал из бутылочки молоко ребенок. Бозор стоял и смотрел непонимающими глазами.

— Ты что, ругаться пришел? — весело улыбаясь, спросила Таня.

— Нет, почему же ругаться, — преодолевая смущение, ответил Бозор.

— Тогда проходи, гостем будешь.

Пораженный новым открытием, Бозор не в силах был подойти к Тане. Перед ним сидела не девушка, которую он знал раньше, а женщина-мать. Цветастый тяжелый халат облегал ее полные груди, через плечо перекинута светлая толстая коса. А Танюша, не давая Бозору прийти в себя, все так же улыбаясь, продолжала:

— Ну, почему ты там стоишь? Уж не бежать ли собрался?

Бозор подошел и сел на стул возле Тани. Ребенок оторвался от соски, чмокнул, посмотрел на Бозора.

Таня спросила:

— Ну, как тебе нравится моя дочка?

Бозор не знал, нравится или нет ему эта девочка, да и вообще для него все дети были одинаковыми.

— Нравится, — с усилием выдавил он.

— О, моя Леночка лучше всех.

На коленях Тани девочка подпрыгивала, взмахивала ручонками.

— Что же я сию? Гостя чаем надо угостить, — спохватилась Таня и передала ребенка Бозору. Он неумело держал девочку, а та, посмотрев на незнакомого дядю, громко заплакала.

— Что ты как в рот воды набрал, говори ей что-нибудь. Нянька!

— Что же я ей скажу?

— Вчера красноречия было хоть отбавляй, а сегодня язык отпал, — сказала Таня, присаживаясь рядом. — Что же ты сегодня такой неразговорчивый?

Бозор изменился в лице. Сердце сжало. «Неужели ревную? Но к кому? За что? Имею ли я право?» — думал он.

— Давай выпьем по стакану чая с вареньем. Сама варила.

— Где ты ее взяла? — вдруг спросил Бозор.

— Кого?

— Дочь.

Таня громко захохотала. Потом ответила:

— Шла я как-то по улице. Снег валил хлопьями. А она с неба и упала мне под ноги. Ну куда девать такую хорошенькую девочку? Дай, думаю, возьму. И взяла.

Бозор готов был провалиться сквозь землю. Ну надо же было задать такой глупый вопрос! Он хотел как-то выйти из неловкого положения и спросил:

— Сколько же тебе лет?

— Опять допрос. Скоро пойдет на третий десяток. Доволен? Но ты уклоняешься от темы. Вчера хотел поговорить о многом, так начинай. Нам здесь никто не мешает. Да и не холодно. Или раздумал?

— Таня, ведь у тебя есть муж.

— Муж?! — Таня невесело засмеялась. — Я же тебе сказала, что девочка свалилась с неба.

В это время в дверях появился мужчина.

— С вашей стороны хамство входить без разрешения, — возмутилась Таня, закрыв перед его носом двери.

Трудно передать чувства, вспыхнувшие в груди Бозора. Ему хотелось успокоить Таню, рассказать о своей любви к ней, но нужные слова не приходили, а язык словно одеревенел. Вечер был испорчен. Остаток времени обменивались вялыми, ничего не значащими фразами.

Не успел Бозор раздеться, как его вызвали к телефону. Ветров приказывал немедленно явиться в часть.

Поезд отходил в восемь, а в шесть Бозор постучал к Тане.

— Тебе что, не спится? — обрадованно встретила она Бозора.

Таня стояла в рабочем комбинезоне, туго обтягивавшем ее стройный стан. В этом наряде она казалась совсем-совсем девочкой.

— Я уезжаю, — тихо сообщил он. — Прости за беспокойство.

Это неожиданное расставание внезапно сблизило их и все объяснило.

— Когда? Так скоро?! — взволновалась Таня и присела на кушетку.

Бозор сел рядом. Несколько минут они молчали.

— Так как же дальше, Танюша? — прошептал Бозор, беря ее руку в свою.

— Дальше как знаешь. Адрес известен, нашел, а теперь...

— Теперь никогда, никогда не потеряю. А ты?

— И я, если ты не потеряешься.

Они смотрели друг на друга. Бозор привлек Таню и поцеловал. Неиспытанное до сих пор чувство охватило его... Таня открыла глаза и прошептала:

— Бозор, как все странно получилось...

В ее больших глазах блеснули слезы. Слезы радости и печали.

— Милая, милая, — шептал Бозор.

Глава IV

1

Поднимаясь по крутой дощатой лестнице к аэродрому, Бозор старался угадать причину срочного вызова из дома отдыха.

Вот последняя, сто первая ступень. Мирзоев огляделся. Внизу журчит незамерзающая горная речушка, вдоль которой тянется линия железной дороги. А там, вдали, из-за сопки, по шоссе дороге, ползет поезд гусеничных тракторов. Каждый трактор тащит массивный ящик.

— Самолеты, новые самолеты пришли! — радостно воскликнул Бозор и зашагал в расположение своей эскадрильи. Не заходя на командный пункт, он завернул к нише, которая недавно укрывала его «харитошу». В ней механик Хмара с мотористом и оружейником заканчивали подготовку нового самолета к облету.

Хмара вразвалку подошел к Мирзоеву. Отерев ладонь о полу куртки, нехотя приложил ее к козырьку, глухим голосом доложил:

— Товарищ лейтенант, машина готова к облету.

— Зачем так меня зовешь и почему ты мне докладываешь? Зачем так шутим?

— И не я вовсе, а командование. Есть приказ о присвоении тебе лейтенанта. Новый боевой расчет к нему, — он кивнул в сторону самолета, — составлен. Ты командир. Как нравится машина?

Гордо задрав серебристый нос, словно приготовившись к прыжку, перед Мирзоевым стоял новенький истребитель ЯК-3. «Да, этот не чета «харитоше», — подумал летчик, а Хмаре ответил:

— Полетаем — увидим.

Хмара залез в кабину, а Мирзоев, пораженный новостью, направился к командиру доложить о своем прибытии. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал сзади глухой, похожий на выстрел, звук. Оглянулся и от неожиданности замер на месте. Из кабины вылетела горящая ракета и, описав траекторию, упала в ведро с отработанным маслом. Оно вспыхнуло. Из кабины вывалился Хмара, стремительно скатился по плоскости и растянулся на снегу. Мирзоев подскочил к нему, пнув на ходу горящее ведро. Огненный столб взвился

вверх и рассыпался на несколько шипящих костров.

— Пожар, самолет горит! — раздались тревожные крики.

К месту происшествия прибежали механики, летчики. Огонь быстро затоптали, забросали снегом, но не расходились. Окружив обескураженного техника, засыпали его вопросами. Хмара сидел на снегу, опустив голову, насупив брови, ничего не отвечая.

...Засыпаны песком лужицы масла, ветер унес в горы запах гари, и только придымленный винт истребителя напоминал о ЧП.

2

Младший техник-лейтенант Виктор Хмара — высокий, худощавый, неразговорчивый человек. Отважный и решительный в минуты опасности, в будни он был вялым, разболтанным, ничего у него не клеилось: то мотор не заводится, то перед самым вылетом механик звена обнаружит какую-то неисправность, и машина отстраняется от полета. Вот и сегодня — выстрел из ракетницы в кабине самолета.

В штабе полка, куда Ветрова вызвали вместе с замполитом Комлевым по вопросу дисциплины в эскадрильи, состоялся крупный разговор.

По дороге домой и в землянке Комлев не переставал думать о Хмаре. Вспомнилось...

Комлев ставил задачу на учебно-тренировочные полеты. Хмара опоздал на построение.

— Разрешите стать в строй? — подойдя вразвалку, обратился он к Комлеву.

Военком пристально посмотрел механику в глаза и подумал: «Уж лучше бы ты в таком виде совсем не являлся сюда».

— Сегодня у вас снова «заершины», — Комлев тыльной стороной руки провел себе по щеке.

— Не успел, — тихо ответил тот.

— Пуговица не пришита.

— Только что оторвалась, — и механик разжал кулак, в котором была пуговица от рукава комбинезона.

— Фу ты, ясное море, все у вас причины. Побриться вы не успели, пуговица только что оторвалась, а подворотничок что вам помешало сменить?

Хмара смотрит вниз, двигает из стороны в сторону носком сапога, молчит.

— Товарищ Блажко! Придется вам подождать с началом полета, пока ваш механик не приведет себя в божеский вид. От «заершин» на щеке недалеко до заершин на тросах. А это, вы знаете, чем грозит.

Все улетели. Только Блажко, понутив голову, ходил вокруг своего «харитоши». Вот уж не ожидал он, что дело так обернется.

— Командир, почему у вас самолет не в воздухе? — строго спросил у Ветрова подошедший к радиостанции Локтев.

— Комиссар отстранил от полета из-за механика.

— Нашел время. Выпускайте летчика на задание.

Услышав приказ, Блажко быстро надел парашют, залез в кабину. Вышедший из землянки Хмара, увидев готовую к взлету машину, что есть духу побежал к ней. А моторист уже убрал колодки из-под колес и намеревался сесть на фюзеляж — так обычно сопровождали при рулении, иначе машина могла встать на нос. Хмара подбежал, оттолкнул моториста и в одно мгновение оседлал фюзеляж, обхватив руками киль.

Не останавливаясь на линии старта, самолет пошел на взлет.

— Хмара улетел! Блажко Хмару увез на хвосте! — кричали ребята.

Ветров и Локтев тревожно переглянулись.

— Задание? — тихо спросил Локтев.

— В зону, — так же тихо ответил Ветров. Он поднес к губам микрофон и заговорил: — Блажко! Выполняй полет по кругу. Развороты делай плавнее.

— Вас понял, вас понял, — услышал Ветров дрожащий голос летчика.

На земле все с тревогой наблюдали за этим необычным полетом.

Вот машина сделала четвертый разворот и начала планировать на посадку. Над лесом она быстро теряла высоту, и не успел Ветров сказать: «Подтяни» — машина плоскостью коснулась верхушки сосны. Казалось, еще мгновение — и катастрофа. Но взревел мотор, истребитель выровнялся и, пролетев несколько метров, приземлился.

— За такие фокусы отстраняю вас на два дня от полетов, — заявил перепуганным Блажко и Хмаре командир полка. — Ремонт плоскости за ваш счет.

— Есть не летать два дня, — в один голос отозвались они и повернулись кругом.

Комлев приземлился раньше Блажко. Узнав о случившемся, он ходил в сторонке, непрерывно курил. А когда Локтев отстранил виновников происшествия от полетов, не выдержал, и, подойдя вплотную к командиру, с волнением произнес:

— Это называется ускорили боевую подготовку экипажа? Старшему командиру не полагается отменять приказы младшего через его голову.

Локтев хотел ответить, но только метнул на Комлева виноватый взгляд.

Отделавшийся легким испугом Блажко ходил гоголем и острил по адресу Хмары. Механик же после этого еще больше замкнулся. Начнут с ним разговаривать командиры — устремит глаза в землю, буркнет что-то невнятное и, хоть, как говорят, кол на голове теши, — ни одного слова больше не добьешься. С товарищами тоже держался дичком.

И вот снова объяснение с командиром полка из-за Хмары.

3

В дверь постучали. Комлев очнулся от раздумья.

— Войдите!

В засаленной куртке вошел Виктор Хмара, Руки забинтованы, обгоревшие брови из белесых превратились в темно-рыжие.

— Расскажи, как ты до такой жизни дошел? — спросил Комлев.

Заложив руки за спину, Хмара переминался с ноги на ногу.

— Садись вот сюда, — Комлев, придвинув стул, посмотрел на механика из-под нахмуренных бровей.

Хмара, не выдержав взгляда замполита, опустил глаза, сел.

— Так и будем в молчанки играть?

— А что говорить-то? Если бы я нарочно, а то нечаянно...

— Фу ты, ясное море! — замполит даже сморщился от досады. — Как маленький! Что ты, не понимаешь? Намеренно или нечаянно выстрелил — результат мог быть один: сгорел бы самолет, а вместе с ним и ты.

Комлев встал, прошелся по землянке. Потом круто повернулся к Хмаре и спросил:

— Ну зачем ты к этой чертовой ракетнице лез? Какое тебе до нее дело?

— Я механик, и у меня есть дело ко всему на самолете, — не отрывая от пола глаз, пробурчал он.

— Ты толком расскажи, как все это произошло.

— Прочистил ракетницу, вставил ракету. Стал спускать собачку, а она выскользнула из-под окоченевшего пальца. Вот и выстрел, — глухо произнес он. — Не заступайтесь больше за меня, товарищ капитан, перед командованием. Пусть меня отдадут в трибунал и в штрафную роту отправят, только бы на передовую.

Он поднял глаза, и Комлев увидел в них мольбу.

— Я хочу в пехоту. Ведь вы видите, что у меня здесь все идет колом. Не могу я больше здесь, не могу. И душа, и думы мои там, на передовой.

Голос Хмары дрожал, говорить ему было трудно, но он спешил высказаться.

— У меня мать, сестренка за линией фронта, брат воюет танкистом, батя в партизанах. Когда кончится война, спросят, сколько я убил фашистов. Что отвечу?

— Скажешь, сколько обслужил боевых вылетов, — перебил его Комлев.

— Я вот этими руками хочу душить фашистов. — Хмара вынул из кармана фотокарточку и, подавая ее Комлеву, продолжал: — Вот за эту дивчину еще хочу рассчитаться. Невеста моя...

У Комлева защемило сердце от сознания, что он так мало знает людей.

— Ну что ж, ясное море, силой милому не быть! Пиши рапорт.

4

Переход на новый тип самолета одним летчикам давался легко, другим — с трудом. Многие перед первыми вылетами волнуются, в воздухе держатся напряженно и поэтому не замечают своих ошибок.

Как и раньше, первым в эскадрилье на новом самолете вылетел Егор Бугров. Доложив комэску о выполнении задания, получив замечания, он, уединившись, начал что-то записывать в свой самодельный блокнот.

Прилетел из зоны Семен Блажко.

— Мечта пилота! — вылезая из кабины, с восхищением заявил он, причмокивая губами и прищелкивая пальцами.

— Теперь будем хвоста драть фрицам, — сказал Бозор.

— Боря, не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Попилил бы ты лучше на «харитоше» еще. «Яша» растяп не любит, угробишь...

— И всегда ты, Сеня, плохо говоришь! Ну какой ты человек? — еле сдерживаясь, бросил в ответ Бозор.

— А думаешь, тебе и сказать ничего нельзя, если ты с начальством летаешь? Нет, скажу! Получше тебя летчики на «харитошах» продолжают топтать, а тебе «яшу» дали. А почему? Ведомый замполита. Как же! Да и вообще, если бы не военком, пилял бы ты сейчас на «кукурузнике», молоко возил. Это уж как пить дать.

Бугров хотя и был увлечен своими записями, но услышал разговор пилотов, подошел к ним, спокойно проговорил:

— Сеня, брось блажить! Обуздай свое ботало... Ссора казалась неминуемой, но в это время Блажко вызвали к командиру эскадрильи.

— Не устал, лейтенант? — спросил Ветров.

— Никак нет! — отчеканил Блажко, браво вытянувшись перед комэском.

— Тогда еще один полет в зону сделаешь. — Обязательно и неоднократно, как сказал бы отец Пимен, усмотрев бутылку с коньяком, — забалагурил Блажко, но, видя, как нахмурился комэск, закончил: — Есть полет в зону!

Блажко улетел, а Мирзоев остался ждать своей очереди. Сердце жгла обида за военкома. Неужели все летчики думают так?

...Комлеву, и только ему, он обязан тем, что стал истребителем. Мирзоев прибыл в полк из летного училища. Молодых летчиков, как говорят, «вводили в строй». Мирзоеву часто попадало от командования за ошибки. А военком Комлев находил для него слова одобрения, умел вселить чувство уверенности.

Однажды по неосторожности Мирзоев выпустил на землю реактивные снаряды. Они, со страшным свистом пролетев над аэродромом, разорвались вблизи летного поля, вызвав переполох в гарнизоне. А дня через два он опять оказался предметом обсуждения.

— Внимание, внимание! Сенсация! Сегодня в номере лихой наездник Бозор Мирзоев скачет на строптивом козле, — закричал Блажко, указывая рукой на карикатуру в «Боевом листке».

Это за посадку накануне. В момент касания земли колесами, Мирзоев резко взял на себя ручку. Машина подскочила и, снова ударившись о землю, запрыгала, не подчиняясь управлению.

Около стартовки столпились хохочущие пилоты и техники. Бозор сделал вид, что это его не особенно расстраивает, даже вместе со всеми пытался смеяться, но ничего не

получилось... Он махнул рукой, в которой держал шлемофон, и, отойдя в сторону, сел на камень. Глаза его были влажны. «Нет, не выйдет из меня летчика, — решил он. — Вот и командир полка об этом же сказал: «Не выйдет из тебя истребителя, в первом же бою проглотят, как пескаря, фашистские щуки!». Пилот все еще видел холодный взгляд командира полка, слышал тон, которым были произнесены эти слова.

Погруженный в свои мысли Мирзоев не заметил, как к нему подошел Комлев, и, положив руку на плечо, с обычной усмешкой проговорил:

— Что, детинушка, не весел, буйну голову повесил?

— Нечего мне веселиться, товарищ комиссар, — почти сквозь слезы ответил Мирзоев. — Все уже стреляют, а я все еще в зону хожу.

— Фу ты, ясное море! Да как почувствуешь машину, словно самого себя, догонишь. Мне тоже сначала туго давалось. Летное дело не простая штука.

— Командир полка сказал, что из меня не выйдет истребителя.

— И командир может ошибиться. А ты действуй настойчиво и добьешься своего, — посоветовал Комлев.

Военком повернулся и быстро пошел в сторону радиостанции, у которой виднелась широкоплечая фигура капитана Ветрова. Из-под голубого околыша выбилась прядь волос, обветренное лицо недовольно морщилось.

Мирзоев остался один со своими думами и переживаниями. Но после слов военкома на душе стало светлее, он уже не считал себя таким несчастным, как несколько минут назад.

Для Мирзоева комиссар эскадрильи Никита Кузьмич Комлев был устомом{7}. И уж если Комлеву не сразу удалось летное мастерство, так что можно говорить о нем, молодом таджикском парне из далекого глухого кишлака?

Юноша решил твердо: он будет настоящим летчиком.

— Ошибку наша редколлегия допустила на этот раз, ясное море, — сообщил Комлев Ветрову.

— Какую?

— Карикатуру на Мирзоева поместили.

— Не вижу в этом ошибки.

— Видишь ли, Николай Гаврилович, в данном случае критика действует на объект отрицательно. Он допускает ошибки не из-за халатности или недисциплинированности. Он потерял уверенность, а мы... Надо одобрить его хоть раз, пусть не совсем заслуженно, но одобрить. Как он сегодня выполнил задание?

— Расчет исправлял подтягиванием, сел хорошо.

— Вот на разборе полетов ты и отметь его с положительной стороны, похвали. Ну, да ты лучше меня в этом разбираешься, знаешь, как надо сделать, что сказать.

— Хорошо. Действительно, долбим и долбим его без конца.

Дела с летной подготовкой у Мирзоева как будто пошли на лад. Он догнал товарищей и обрабатывал полет строем. Как вдруг новое происшествие.

Солнечные лучи заливали лощину между высоких сопок, вырывались из нее, как многоводная река из ущелья, озаряли аэродром, слепили глаза.

— Товарищ командир, самолет на вынужденную пошел, — доложил Ветрову подбежавший механик.

— Где? Какой самолет? — спросил тот.

— Вон между сопек в лощину сел, — указывая в сторону солнца, ответил механик.

К командиру подбежали Комлев, летчики, механики. Они все всматривались в освещенную даль, но ничего не видели. Вскоре вернулся Бугров.

— Где Мирзоев? — не дожидаясь доклада, спросил Ветров.

— Бреющим ходили... потом начали набирать высоту, — ответил тот. — Вижу — у Мирзоева винт остановился и он посадил машину в лес.

— А летчик?

— Я сделал два круга — сидит, не вылезает и ничего не показывает.
Командир посмотрел на комиссара, как бы спрашивая: «Что делать?»
— Ты оставайся на аэродроме, а я возьму людей и пойду к месту происшествия: здесь напрямик близко.
— Давай, Никита Кузьмич. Да постарайся побыстрее.
Захватив необходимый инструмент, поисковая группа отправилась к месту вынужденной посадки. Шли без дороги, прыгая с валуна на валун, обходя топи, перелезая через бурелом. Мошकारа лезла в уши, глаза, рот, после каждого укуса на теле вскакивал зудящий волдырь.
Солнце уже поднялось высоко, когда комиссар увидел среди деревьев самолет, а на его крыле — Мирзоева.
— Жив! — облегченно вздохнул Комлев и побежал. Летчик сидел с забинтованной головой, по щекам неудержимо лились слезы.
— Ты что ревешь? — спросил Комлев.
— Что мне теперь будет? Отчислят теперь меня, выгонят из полка.
— Перестань! Ты ведь мужчина! — строго проговорил Комлев.
Мирзоев вытер слезы.
— А не отчислят меня?
— Кто тебя будет отчислять? Воевать еще будешь! Почему сел?
— Баки забыл переключить, — виновато ответил Мирзоев и снова зашмыгал носом.
— Фу ты, ясное море! Ну, хватит ныть, вон механики подходят, — шепотом произнес комиссар, еле сдерживая раздражение.
При посадке пилот рассек кожу на лбу, ушиб руку и ноги.
— Отделался легким испугом, — пошутил подошедший Голубев. — А эти царапины до свадьбы заживут.
Узнав о случившемся, Локтев вскипел:
— Отчислить, ничего из него не получится! Баки забыл переключить! Как он голову не забыл на аэродроме!
— Это сделать никогда не поздно, попытаемся еще с ним поработать, — попросил Комлев.
Такого же мнения был и командир эскадрильи. Однако Локтев настаивал на своем. Комиссар полка Дедов решительно поддержал командование эскадрильи, заявив при этом:
— Не горячись, Григорий Павлович. Они лучше знают пилота и им виднее, как поступить.
Комлев заверил командира полка, что он возьмет Мирзоева к себе ведомым и сделает все, чтобы тот стал настоящим истребителем...
Невеселые воспоминания Бозора прервала команда:
— Мирзоев, приготовиться к полету!

5

Дует порывистый ветер. По небу несутся хмурые, рваные облака. Несмотря на то, что по времени еще день, угрюмый сумрак окутал землю. Над своей территорией летели под самой кромкой облаков. Перед линией фронта перешли на бреющий полет. Внизу мелькали белые пятна озер, сопки, оцетинившиеся соснами, польны в бурных речушках, над которыми расстился пар.

В серой мгле еле вырисовывается знакомая гряда гор. Комлев берет ручку на себя, и «семерочка», как попавшая в воздушный поток пушинка, взвивается вверх. Все шире раздвигается горизонт, открывая взгляду вытянувшуюся между двумя цепями сопки ложину, по которой разбросаны залитые ветрами валуны. Еще несколько минут полета, и перед летчиками раскинулись заводские корпуса, белые коробки жилых домов. Внизу мелькнули красные языки выстрелов, вокруг самолетов появились дымовые клубы. Трассирующие пули

летят в небо. Разорвавшийся под крылом снаряд сильно потрянул «красотку» Бозора.

Вырвавшись из зоны зенитного огня, разведчики полетели вдоль дороги. Внезапно асфальтированная лента уперлась в широкое, ровное поле.

— Видишь? — радостно крикнул Комлев. — Вот это находка!

Серой лентой выделяется бетонированная полоса. По границе поля чернеют проемы капониров, из них выглядывают носы истребителей. Разведчики пролетели над неизвестным нашему командованию аэродромом противника так внезапно, что зенитчики не успели дать ни одного выстрела.

Теперь быстрее домой. Комлев начал выполнять левый разворот, и в это время услышал тревожный голос ведомого:

— Справа самолеты!

Но Комлев уже видел больше. Сзади показалась вторая пара, а слева — третья.

— Попали в клещи, — подумал Мирзоев.

И словно бы в ответ на его мысли раздался спокойный голос Комлева:

— Ничего, Бозор, не дрейфь!

Передав по радио координаты обнаруженного аэродрома, он отдал ведомому необычную в бою команду — сомкнуться.

Мирзоев подошел к ведущему так близко, что винт его машины стал вращаться между крылом и стабилизатором самолета Комлева. А тот метнул взгляд на Мирзоева и одобрительно качнул головой. Выполнив полупереворот, они пошли в сторону аэродрома. Впереди встала стена заградительного огня, сзади стремительно приближались истребители. Вот они уже на дистанции огня. Еще секунда и будет поздно. Но летчики выполнили резкий разворот и оказались под «мессершмиттами». Преследователи на большой скорости врезались в зону зенитного огня. Один «мессер» сразу же рухнул вниз.

— Свой своя убивал! — ликующе крикнул Мирзоев.

— Молодцы зенитчики, — пробасил Комлев.

Под самым носом ошеломленных врагов летчики сделали «свечу» и скрылись в облаках. Вот и свой аэродром, освещенный лучами солнца.

— В воздухе спокойно, — услышал Комлев в наушниках голос земли и уже потянулся было к думблеру шасси, но увидел мелькнувшие над озером тени самолетов.

— Хвост! — предупредил Комлев своего ведомого и положил машину в глубокий вираж.

Излюбленный тактический прием немцев — атаковать наши самолеты при посадке — на этот раз не удался. Уходя из-под огня, Me-109 полез вверх, но за ним легко набирал высоту Як-3. Застрочил пулемет, ухнула пушка. «Мессер» заскользил на хвост, клюнул носом и камнем полетел вниз. Через секунду находящиеся на аэродроме услышали в лощине глухой удар. Теперь в воздухе действительно стало спокойно, и самолеты пошли на посадку. Мирзоев включил думблеры для выпуска шасси, но сигнализация показала, что они не выпускаются. Усилия выпустить их вручную и выполнение фигур высшего пилотажа, которые обычно применяются в таких случаях, также не помогли. Тогда он мягко посадил машину на брюхо. Трактор оттащил ее к месту стоянки, механики подняли на козла.

К самолету подошли Локтев, Дедов и Галькин. Инженер залез в кабину, без особых усилий начал вращать рукоятку механического выпуска, колеса стали плавно выходить.

Мирзоев стоял сам не свой, на лбу выступили бисерные капли пота.

— Ну, что? — спросил Локтев.

— Ясно, все ясно, — вылезая из кабины, заключил Галькин. И, грозя Мирзоеву обрубком указательного пальца, спросил с ехидцей:

— И кого ты хотел обмануть?

— Зачем так плохо говоришь? Зачем обманывать...

— Докладывайте, инженер! — с нетерпением приказал Локтев.

Ветров и Комлев тревожно посмотрели друг на друга. Они переживали не меньше, чем

сам летчик. Дедов, как обычно, надвинув шапку на переносицу, заложив руки в карманы реглана, то приподнимался на носках, то опускался. В эту минуту подполковник Дедов с сожалением подумал о том, как плохо, что он не знает досконально той техники, на которой работают его подчиненные. Боясь попасть впросак, он выжидательно молчал, с надеждой поглядывая на Комлева.

Инженер доложил, что шасси не выпустилось по вине летчика.

— Так, Мирзоев? — спросил Локтев.

Мирзоев влажными глазами посмотрел на командира полка и ответил:

— Нет. Я все делал по инструкции, и руками не мог выпустить.

— Так что, я, выходит, вру? — съязвил Галькин и, обращаясь к командиру полка, добавил: — Вы же видели, товарищ майор, что шасси выпустилось свободно.

— Напишите заключение.

— Разрешите, товарищ майор! — вмешался в разговор капитан Комлев. — Выводы сделать и решение принять вы всегда успеете, нам надо как следует разобраться.

— А что тут разбираться, все ясно, — перебил Галькин. — Опять на механиков хочешь свалить.

— Ни на кого я сваливать не хочу, но решается судьба летчика. — Комлев полез под самолет. Он внимательно осмотрел левую ногу, все ее узлы. Там все было в порядке. На узле правой ноги обнаружил глубокую борозду.

— Товарищ командир, можно вас на минутку?

Локтев, Ветров и Галькин залезли под самолет.

— Вот, смотрите, здесь гладко. А тут?

Локтев посмотрел, провел по борозде рукой и заусеницей разрезал палец.

— Чем это так взбороздило? — завертывая палец в носовой платок, спросил сам себя командир полка.

— А вот не этой, случайно, штукой? — И Комлев поднял с земли острый камешек.

Земля на стоянке была словно вылизана струей воздуха от работающего мотора, и этот единственный камешек бросился в глаза замполиту.

— На взлете он попал вот сюда, — продолжал Комлев, — и заклинил. Никакая сила, конечно, не способна была в воздухе сдвинуть шасси с места. При посадке, от толчка, камень выпал и до поры до времени лежал на щитке.

— Да, — протянул Локтев. — А замполит, пожалуй, прав.

Галькин, вопреки очевидной истине, пытался доказать свое.

— Тогда откуда же здесь появилась зазубрина, черт подери! — вспыхнул Локтев. — А ну, проведи пальцем, да сильнее жми! — в сердцах закончил он.

Невиновность лейтенанта Мирзоева была доказана. Командир объявил летчику благодарность за отличную посадку неисправной машины.

— Ты что, политичный, так расстроился? — спросил Ветров, когда они пришли в землянку отдыхать.

— До сих пор у меня руки и ноги дрожат. Не знаю, как я там сдержался, не наговорил грубостей. Ты подумай, ни за что, ни про что человеку исковеркали бы жизнь. Дело-то оборачивалось трибуналом. Ну, если заслужил, так ладно. А каково невинному?

— Галькин не стоит того, чтобы из-за него нервы портить. И учти, политичный, нервные клетки, как говорит наш полковой эскулап Ариев, не восстанавливаются.

А Комлев, как бы пропустив мимо ушей любимую присказку полкового врача, продолжал:

— И главное, на таких людей нет никаких мер воздействия: взыскания за это не накладывают, на «губу» не сажают, а Галькин еще на хорошем счету у начальства. Техсостав у нас отличный, вот и вывозят его на своих плечах. Скоро ДПК{8}, вот там я выскажу все, что думаю. Может быть, это поможет. Я пытался с ним по-товарищески поговорить, так он оцетинился и слушать не захотел.

— Ты прав, надо показать, кто он есть в действительности.

Глава V

1

На заседание дивизионной партийной комиссии Комлев шел в душевном смятении. Позади остался короткий, но тревожный боевой день. Три боевых вылета: лидирование, а затем прикрытие штурмовиков, разведка аэродрома, про который летчики сложили частушку:

Луостари где-то рядом,
Там зенитка бьет снарядом!

Не вернулся с задания лейтенант Блажко. Вместе с Бугровым он отбивал атаки «мессеров», наседавших на наш поврежденный штурмовик, одного — срезал, но и сам посадил машину за линией фронта. Его судьба волновала всех.

А тут еще из политотдела сообщили, что председатель ДПК выехал в политуправление фронта, а заседание поручил вести Комлеву, своему заместителю.

Когда планировали вопрос о стиле работы и отношении к подчиненным инженера полка коммуниста Галькина, Комлев был уверен, что состоится деловой, спокойный разговор, который несомненно принесет пользу. Эта уверенность основывалась на знании характера Галькина, почитавшего и побаивавшегося председателя ДПК. Теперь дело осложнилось. Комлев понимал, что ему не заменить опытного, всегда уравновешенного председателя.

При приеме в партию особых дебатов не было. Правда, член ДПК от парторганизации эскадрильи ночных бомбардировщиков предложил воздержаться от приема Егора Бугрова, так как коммунистам-де не ясно, как вел себя его отец в плену. Но ему возразили все, и решение собрания о приеме в ряды ВКЛ(б) летчика Бугрова было утверждено единогласно.

А вот разговора, с Галькиным не получилось. Произошло то, чего и опасался Комлев. Галькин ершился, репликами и выкриками мешал товарищам выступать, обвинял всех в том, что под него «подкапываются», сводят личные счеты, подрывают авторитет. В общем, делал все, чтобы сорвать обсуждение.

Когда ДПК приняла постановление, осуждавшее неправильное отношение коммуниста Галькина к подчиненным, беспочвенные обвинения им в симуляции и трусости летчиков и техников, честно выполняющих служебный долг, отмечавшее факты грубости, карьеризма, боязни ответственности, Галькин встал и демонстративно вышел.

Всем стало ясно, что Галькин ничего не понял, точнее — не хотел понимать.

2

Пока шло заседание ДПК, дешифровали снимок аэродрома, и командир соединения за отличное выполнение задания объявил Комлеву благодарность.

Однако этим волнения дня не закончились.

Обычно почтальон эскадрильи приносил письма и газеты с командного пункта полка. В этот день он привез почту на автомобиле поздно вечером с полевой почтовой станции.

Быстро разошлись по рукам письма. Теперь уже не было в диковинку, что треугольные конверты с незамысловатыми рисунками, надписями «Лети с приветом, вернись с ответом» приходили в эскадрилью с Южного и Северного Урала, из Зауралья и с берегов Оби. Мало кто знал, что это работа замполита Комлева и парторга Голубева.

Техник-лейтенант Иван Дмитриевич Голубев прибыл в полк из госпиталя уже обстрелянным и закаленным командиром. Как-то он подошел к военкому эскадрильи с веселой улыбкой и радостно пробасил:

— Никита Кузьмич! Прочитайте-ка письмо от жены. Очень интересное.

— «Ванюша, родной, — начал читать Комлев. — Сегодня с Верой Комлевой, моей подругой, сделали интересное открытие. Прибежала она прямо из школы ко мне в райком. Наконец-то, говорит, получила письмо от Никиты, прибыл на новое место службы. Замысловато пишет, но я догадываюсь, что где-то далеко на севере. А я ей показываю твое

письмо. Взглянули на конверты и — батюшки! Адрес один и тот же. Значит, вы в одной части служите и не знаете, что ваши жены подруги».

— Вот это здорово! — воскликнул Комлев. Фронтовики крепко стиснули друг другу руки.

В эскадрилье большинство воинов было из западных областей, их родные и знакомые находились в оккупации. Однако, когда почтальон раздавал письма, то все обступали его тесной стеной и с надеждой ждали: «А вдруг и мне письмо!» И вот Комлев и Голубев решили обратиться к родным и знакомым, которых у них было много на востоке. А в ответ пошел поток писем. Как-то сразу веселее стало людям.

После раздачи писем, в клуб-столовую внесли несколько больших ящиков с обратным адресом: «Белоярский РК ВЛКСМ».

Чего только в этих ящиках не было! Печенье домашнее и фабричное, бублики, крендели. Теплые носки и варежки, шарфы и носовые платки, подворотнички и даже пара валенок ручной работы. В каждом пакете записки: «Кушай на здоровье», «Носи эти пимы да хлеще бей фашистов!», «Вспоминай Аню», «Бей гадов крепче, а мы позаботимся, чтобы тебе было легче!».

— А вот этот подарок командование дивизии поручило передать лично капитану Комлеву. Он прислан с завода и приготовлен по заказу его матери Матрены Савельевны Комлевой, — сообщил Дедов.

Товарищи помогли Комлеву вскрыть ящик. Там в новенькой кобуре лежал вороненый пистолет «ТТ».

Под дружные аплодисменты Комлев погладил холодный металл и, передав старый наган адъютанту эскадрильи, повесил на ремень подарок матери.

Затем почтальон вручил Никите письма от матери и жены.

У Матрены Савельевны почерк был «ликбезовский»: буквы крупные, одни слишком растянуты, другие сжаты, а «е» и «в» можно различить только по наклону.

«Ты уж, Никитушка, на меня не сердчай, — по просьбе Дедова начал читать вслух Комлев. — Все свои сбережения я отдала на танк, который купили наши колхозники Ванюше. Но и тебя обидеть грешно, и я решила на последние купить наган. Хоть и в воздухе дерешься, но я слышала, что без него не летают».

Комлев передохнул, проглотил подкатившийся к горлу комок.

«В деревне у нас остались одни бабы, старики да недоростки. Намедни опять партию новобранцев увезли. Андрей Жуков, наш заведующий фермой, уехал вместе с сыном Гришкой. Григория ты должен помнить. Правда, он тогда еще маленький был, когда ты первый раз на побывку приезжал. На место Андрея меня поставили. На собрании решили. Живем Мы, люди не завидуют. От работы руки болят, в суставах ломота стоит, едим картофельные калачи, картофельные булки, суп из картошки и каша тоже из нее. Ну да ничего, Никитушка, ты не расстраивайся. Не одни мы так живем. А есть и хуже. Мы все переживем, только бы знать, что все это не зря».

— Товарищи! Вы прослушали сейчас голос тыла, — заговорил Дедов, когда Комлев кончил читать. — Наши отцы, матери, жены ничего не жалеют для нас, фронтовиков. Но они справедливо и сурово спрашивают: почему немцев до Волги допустили? Народ доверил нам свою судьбу. Красная Армия — детище трудового народа — оправдает его доверие. Только что звонил начальник политотдела, сообщил радостную весть: сегодня полностью завершено уничтожение окруженной группировки немцев под Сталинградом. Это первый ответ на вопрос наших матерей и жен!

Дружное «ура!» грянуло в землянке. Люди бросились друг другу в объятия, целовались, жали руки.

Когда волнение улеглось, подполковник Дедов, нахмурив брови, закончил:

— Немцы срочно перебрасывают под Сталинград резервы с других фронтов. «Убей фашистского гада на севере — он не появится на юге» — таков сейчас наш боевой девиз.

И новое «ура!» громыхнуло в ответ.

А потом начался непринужденный разговор.

Скоро ли будет открыт второй фронт? И вообще, думают ли союзники его открывать? О партизанах, о льготах семьям фронтовиков и еще множество различных вопросов было задано в тот вечер заместителю командира полка по политчасти подполковнику Дедову. Беседа затянулась до отбоя.

Только вернувшись в землянку, Комлев распечатал письмо от жены. В конверте — фотография. На коленях матери — Гена и Наташа. Сын смотрит из-под нахмуренных бровей, дочка ручонкой ухватилась за пуговицу на кофточке матери, чему-то улыбается.

Большая часть письма посвящена проделкам ребятишек: Гена залез под кровать и поколотил все яйца в корзине, Наташа начинает ходить и впервые сказала «мама». Только вскользь — о нелегкой жизни солдатки.

«Каждый день хожу со своим классом на ферму. Вначале, с непривычки, руки и поясница болели, а теперь начинаю привыкать. Главное, ты бы посмотрел, с каким желанием работают ребятишки. Они ведь у меня большие, все-все понимают. Поработают, поработают, а в перерыв играют в войну. Никто не хочет быть фашистом. Сегодня всем учителям за работу в колхозе выдали по килограмму проса. Целое богатство привалило! А Клава Голубева молодец! Взбудоражила весь район. Во все части, где наши земляки служат, отправили посылки».

И в конце письма неизменное: «Ждем быстрее домой, все очень соскучились».

«Ждут, быстрее ждут домой, соскучились, дорогие», — тяжело вздохнув, Комлев опустил на койку. Вспомнился июль 1941 года, Казанский вокзал в Москве. В теплушке стояла Вера с сынишкой на руках. В черных, как смородина, глазах, не было слез, но не было и того радостного блеска, каким они всегда светились для него. Глаза выражали тоску, отчаянье и надежду. Тем, у кого горе выходит слезами — легче. Но Вера ни в радости, ни в горе не плакала. Комлев смотрел на нее внимательно, казалось, хотел запомнить навсегда выпуклый лоб, тонкие брови вразлет, чуть вздернутый нос с синей жилкой на переносице, припухшие губы, всю ее небольшую девичью фигуру, ничуть не изменившуюся после рождения сына.

Очнувшись от воспоминаний, Комлев завернул фотографию в листок бумаги и, положив в карман гимнастерки, раскрыл книгу.

— Ты что, политичный, не спишь? — спросил начавший укладываться Ветров. — Завтра серьезная работа.

— Работа каждый день. Скоро лекция, а я еще не брался за подготовку. Спи, я тебе не помешаю, — ответил Комлев.

Глава VI

1

Неделю стоит нелетная погода. Трудовой день, который несмотря на полярную ночь, начинается в семь, а кончается в двадцать три часа, не загружен. Теоретическая подготовка занимает не больше шести часов. Остальное время каждый проводит, как умеет.

Дежурный по командному пункту подбрасывает в печь очередную порцию дров, меняет пластинку патефона. Бугров, навалившись на подлокотник дивана, внимательно смотрит на шахматную доску, обдумывая очередной ход. За тумбочкой, на табуретке, Кучеренко, постоянный противник Егора. Сегодня им никто не мешает. За столом четверо, окруженные болельщиками, режут в «козла».

Со скрипом открылась дверь, вместе с потоком воздуха в землянку влетели хлопья снега. На КП вошли капитан Комлев и техник-лейтенант Голубев.

— Все «козла» забиваете?

— Шлепаем, товарищ капитан, — за всех ответил Мирзоев.

— И не надоело?
— А что же делать? — раздалось сразу несколько голосов. — От лежания распухли.
— Это верно. Все время лежать — можно пролежни нажить, а работы у нас много, — сказал Комлев.

— Какой? — оживились летчики.
— Да взять хотя бы землянки наших мотористов и стрелков. Уж очень они невзрачные. Как вы, товарищи, думаете?

Летчики с недоумением посмотрели на замполита.

— Не понимаете? Я говорю, неплохо бы построить хорошие землянки для мотористов и стрелков.

— Ох, с удовольствием поработал бы, — отозвался Кучеренко.

— А ты как, Бозор, смотришь? — спросил Голубев у Мирзоева.

— А я что? Я всегда готов, — зарумянившись, ответил Мирзоев.

— Летчики-плотники! Вот здорово! Посмотреть бы на эту картину, — скептически заметил Бугров.

Пропустив реплику мимо ушей, Комлев обратился ко всем:

— Значит, решили?

— Решили! — дружно ответили ему.

Вопрос о строительстве новых землянок для младших авиаспециалистов занимал Комлева давно. Но все не хватало времени. Теперь оно появилось. Есть и материал: они с инженером Голубевым давно приметили у подножия сопки лежавшие без пользы бревна. Голубев договорился с командиром батальона аэродромного обслуживания о гвоздях, фанере, кирпиче. Теперь идея поддержана всем личным составом эскадрильи. Комлев направился к командиру.

— Летчики все в домино играют, — сообщил он Ветрову.

— Пусть режутся, что им еще делать, — равнодушно ответил тот, не отрываясь от разобранного будильника.

— Механики томятся без дела, дисциплина расшатывается.

— Политработу, значит, надо усилить: политинформации чаще проводить, организовать громкие читки газет. Шахматный турнир, что ли, проведите, — предложил Вехров, копаясь в будильнике.

— На одних политинформациях далеко не уедешь, люди требуют действия. Без нас сказано — меч, не вынимаемый из ножен, ржавеет.

— Пошел, смотри-ка, политичный, пошел ведь, — ставя на стол будильник, удовлетворенно воскликнул Ветров. — А ты что предлагаешь?

— Эскадрилья наша стоит здесь давно, а землянки младших авиаспециалистов непригодны для отдыха: в них сыро, неуютно. Сил у нас много, так что быстро можно привести в порядок это хозяйство.

— Строить — дело БАО{9}, наше — воевать.

— И заботиться о людях, — в тон продолжил Комлев. — У БАО дел хватает. А праздность портит людей.

Командир отодвинул в сторону часы, вынул из кармана портсигар и закурил. Затянулся «Беломорканалом» и замполит. Посидели молча. Ветров наморщил лоб, привскинул правую бровь:

— А ты дело предлагаешь, политичный.

Он передвинул стрелки, и будильник зазвенел.

— Ну теперь будет идти. Что ж, завтра приступим к работе и никаких гвоздей!

К утру ветер стих, но по-прежнему валил сырой, липкий снег. Эскадрилья выстроилась перед КП.

— Задание всем ясно? — спросил комэск.

— Ясно!

— Шаго-ом, арр-ш!

Первая группа, увязая по пояс в снегу, спустилась в овраг и скрылась в снежной мгле. Долго от них ничего не было слышно. Люди, стоявшие наверху, нетерпеливо кричали с обрыва:

— Что вы там, умерли? Быстрее поворачивайтесь!

Наконец за веревку дернули, и сквозь свист ветра едва разборчиво донеслось:

— Тяни!

Летчики и механики натянули веревку. Бревно медленно поползло вверх.

— Раз-два, взяли! Еще — взяли!

— Не робейте, ребята, шесть летчиков заменяют один трактор, — шутит Бугров, багровея от напряжения.

Сдвинув шапки на затылки, распахнув куртки, люди таскают бревна, копают землю. От мокрых волос валит пар, лица покраснелись.

Комлеву часто приходится отвлекаться, чтобы одного заставить одеться, другому запретить глотать снег.

Облепленные снегом, в унтах и меховых куртках, летчики походят на медведей, неуклюже переваливающихся по сугробам с боку на бок.

Соревнование со снегопадом ведут землекопы, роющие котлован.

— Посмотрим, чья возьмет, — раздаются веселые голоса, в воздух летят большие комья снега.

Даже после команды на обед не сразу бросили работу. В столовой стояло необычное оживление, ели с большим аппетитом. К полудню территория эскадрильи походила на своеобразную строительную площадку. Чтобы не прекращать работы с наступлением темноты, установили несколько переносных электрических лампочек.

Нашлись специалисты всех профилей.

Старший сержант Зайцев, отойдя в сторону, внимательно смотрит на строителей. Он задумчив и сосредоточен.

— Эй, сачок! — окликают его.

Зайцев отмахивается:

— Я тоже пашу, — и снова энергично принимается за дело.

2

Комиссия признала работу строителей отличной. Стены обиты фанерой, покрашены. Сквозь низкие, но широкие окна падает много света. В землянках по три комнаты: гардеробная, где стоит и пирамида с винтовками, зал для отдыха и спальня.

Шумно и оживленно проходил праздничный ужин. Отмечался юбилей Красной Армии и новоселье мотористов и оружейников.

Ветров поднял стопку, сказал свое обычное:

— Пропустим по единой, чтобы дома не журились.

Послышался сиплый голос:

— Одному не налили!

Все разом обернулись. В дверях стоял улыбающийся Блажко.

— Семен пришел! Блажко! — кинулись к нему товарищи.

— Жив, Сеня?

— А как вы думаете?

Семен похудел, глаза глубоко ввалились, он еле стоял на ногах, но по-прежнему балагурил.

— Успел-таки, Семен! — весело крикнул кто-то.

— Вы же знаете, что я люблю повеселиться, а особенно — пожрать. Вот и спешил на всех парусах к праздничку.

Зазвенели стаканы. Заговорили все разом.

— С праздником! С возвращением блудного сына!

Выплеснув в рот стопку и закусывая, Блажко косил жадным взглядом на стаканы Бугрова и Мирзоева.

— Выпьем, товарищи, за новоселье наших работяг, — предложил Голубев.

— Молодец, дело говоришь, — одобрил Блажко и потянулся за стаканом Бугрова. Но в это время Егор подозвал своего механика и передал ему оба стакана.

Блажко облизнул губы, глухо и многозначительно откашлялся.

— Сорвалось, Сеня? — иронически посочувствовал Мирзоев.

— Сорвалось, — с сожалением ответил Блажко и сердито посмотрел на улыбающегося Бугрова. — А еще друг.

— Вот потому, что ты мне друг, я и отдал свою стопку не тебе, а механикам. Приедешь из дома отдыха, тогда получишь весь мой заработок.

— Покорно благодарю, ложка нужна к обеду.

— Это не последний обед.

— Споемте, — предложил, Ветров.

Споемте, друзья, ведь завтра в поход, — затянули сразу запевалы.

— Открывай, открывай, — послышался шепот на сцене.

Занавес из покрашенного парашютного шелка заколыхался, заскрежетали о стальной прут кольца, полотнище немного раздвинулось и остановилось.

— Застопорило! — выкрикнули в зале. — Руками тяните, чего там на технику надеяться.

— Не волнуйтесь, граждане, — успокоил Петр Зайцев.

— Уснуть можно, пока вас дожدهмся, — шумели зрители.

— Вот и поспите. На свежую голову лучше концерт слушать, — невозмутимо ответил Зайцев.

Занавес наконец открылся, и все ахнули. Почти всю стену занимала картина, еще пахнувшая красками. На ней — летчики эскадрильи на строительстве землянок.

— Вот это да, вот это сачок. Ай да Зайцев! — восторженно загалдели в зале.

Появление на сцене Блажко было встречено бурными аплодисментами.

— Дорогие товарищи! — обратился он к зрителям. — Разрешите начать праздничный концерт нашей художественной самодеятельности, посвященный двадцать пятой годовщине Красной Армии. Первым номером нашей программы...

Блажко запнулся, зашарил по карманам. Затем, ударив себя по лбу ладонью, выкрикнул: — Вспомнил, вспомнил...

В зале раздался смех.

— Понимаете, я эту программку выбросил, чтобы легче было тикать от фрицев. А посему концерт отменяется.

— Как отменяется?!

По гудящему залу быстро пробирался к сцене человек.

— Ты что придумал? — наступая на Блажко, сурово спрашивал Афоня Кучеренко, одетый в форму немецкого солдата. — Выходит мне, отважному солдату фюрера, храбро бежавшему в плен к русским, надо возвращаться к фрицам за твоей бумажкой? Нет уж, покорно благодарю, сбегай сам.

Из-за кулис появился усатый немецкий генерал с маузером на ремне и шашкой через плечо.

— Так вот где мы встретились! Расскажи-ка мне, brave солдат Швейк, как ты храбро сдавался русским, — сурово приказал он.

Началась инсценировка «Новые похождения бравого солдата Швейка». В зале стоял хохот.

Артисты ушли за кулисы под дружные рукоплескания. А когда занавес вновь открылся, зрители увидели на сцене «шотландских рыбаков».

Налей, выпьем в дорогу еще,
Бездельник, кто с нами не пьет, —

сильным басом пел Петр Зайцев. Ему вторили другие «рыбаки», а когда песню подхватил весь зал, в окнах задрожали стекла.

Хорошо, легко стало на душе, забылись тревоги и душевные волнения.

— Политичный! Ты смотри, какие таланты! Хоть в столичный театр посылай, — прошептал Ветров.

На сцене со скрипкой в руках вновь появился Петр Зайцев. Он коснулся смычком струн, и волна звуков то сладостно-мучительных, то бурно-ликующих захватила слушателей.

Скрипач уже перестал играть, а в зале все еще стояла торжественная тишина. И вдруг разразился гром аплодисментов, крики: «Бис!», «Браво!», «Ура!».

— Следующим номером нашей программы... — начал Блажко, когда шум смолк, но его перебили:

— Лейтенант Мирзоев, к выходу! Невеста приехала. В зале снова поднялся шум. Одни, вспомнив, что Бозор в последние дни частенько напевал таджикские песенки, решили, что это очередной номер художественной самодеятельности. Другие искали глазами Мирзоева, удивленно восклицали:

— У Бозора невеста?! Бозор Мирзоев! Слышишь, к тебе невеста приехала!

Мирзоев то краснел, то бледнел. Наконец, собравшись с мыслями, скороговоркой ответил:

— Не болтай чепуху!

— Какая чепуха? Настоящая, красивая девушка, а не чепуха! — не унимался дежурный.
— Быстро к выходу, перемерзла она.

Бозору было и стыдно перед товарищами и радостно, что так неожиданно нагрянула любимая. Он встал и под завистливыми взглядами друзей вышел на улицу.

3

— Не ожидал? — спросила Таня, идя навстречу Бозору. — Я тебе помешала?

Бозор замялся, промолчал.

— Что же ты молчишь? Не рад, что приехала? — удивленно заглянула ему в глаза Таня.

Бозор посмотрел на возившегося у печки дежурного. Кроме него на КП никого не было. Облегченно вздохнув, собрался с духом, запинаясь, ответил:

— Нет, зачем же не рад. Очень даже рад. Но, понимаешь, как-то неожиданно.

— Нагрянула, как снег на голову, — продолжила Таня. — Не расстраивайся, я на минуточку к тебе, по пути из Мурманска заехала. Следующим поездом уеду.

— Только до следующего поезда? — встревожился Бозор. — Нет, сегодня я тебя не отпущу.

— А где же я жить-то буду?

— У меня в поселке есть знакомые, там и ночуешь.

— А что мне Леночка скажет? Нет, Боренька, не могу, она мне все косы выдерет.

Только тут Бозор вспомнил о дочери Тани, и в сердце опять что-то кольнуло. Спросил о ее здоровье.

— Да ничего, такая толстушка боевая растет, что теперь ты ее не узнаешь. Вот подарок от нее к празднику.

— Зачем расходу много? — скрывая радость; упрекнул Бозор. Развернул пакет и протянул:

— Так ведь я не пью и не курю...

— Товарищи за твоё здоровье выпьют и закурят. Из того же пакета Бозор вынул кулек с конфетами.

— Вот это другое дело. Ты подожди, я мигом, — и не успела Таня ответить, как Бозор скрылся за дверью. А через минуту нес объемистый сверток.

— А вот это Леночке и ее маме...

Таня не удержалась от любопытства, развернула краешек и воскликнула:

— Шоколад! Так много!

— Потом я еще больше...

— Привезешь?

— Может быть. Нет, это точно, привезу.

Бозор неумело взял Таню под руку и они пошли к станции. Разбросанные по небу звезды словно ежились от холода. Бозор правой рукой держа руку Тани, левой то и дело потирал ухо.

— Какой мороз! Закрой уши, ознобишь.

Бозор молча повинувался, от заботы Тани у него на душе стало еще радостнее.

— Знаешь, Танюша... Ты меня спросила: — Не ждал? Я не думал, что ты приедешь, а сердце все время ждало тебя. Другой раз посмотрю на юг, и такое сильное желание появится, чтобы мы вдруг стали вместе, что и не расскажешь. И сердце не ошиблось.

Они шли медленно. Ночь была темной, но вдруг небосвод пронзили длинные разноцветные иглы-лучики и быстро-быстро заскользили по небу, образуя яркий круг. Разноцветные иглы то делались короче, то удлинялись, менялись местами, на миг соединялись и снова разлетались. Стало светлее и тише. Кажется, вся земля замерла в безмолвном любовании неповторимой красотой северного сияния. Бозор и Таня остановились. Они зачарованно смотрели на дивные сполохи, боясь спугнуть их. Бозор прошептал:

— Как красиво!

— Да. Уж сколько раз видела его, а всегда появляется какое-то чувство, которое словами не передать. И радостно и грустно. Так бы вечно стояла и смотрела на эту чудную полярную зарю. Но она исчезает быстро, как у иных людей счастье. Знаешь, бывает, большое счастье вспыхнет ярко, а потом исчезнет. И станет пусто и темно, как в небе после полярного сияния.

Игра разноцветных лучей стала спокойнее. Круг вытянулся и в ближайшей к земле точке прервался. Из него вырвались две ломаные линии, забегали по небосводу. Но вот и они побледнели. Одна упорхнула за темное покрывало неба, другая все таяла, таяла и вдруг, вспыхнув, раскололась на десятки лучиков, засновавших челноками. Затем все померкло.

— Вот и все! — вздохнула Таня. — Сегодня уж не повторится.

— Ты что так тяжело вздохнула?

— Да так, — тихо ответила Таня. — Скоро придет поезд и я уеду. Буду снова ждать встречи с тобой. А чем это кончится?

— Танюша, я же тебе говорил, чем все это кончится, — полупшепотом сказал Бозор. — Ты будешь всегда со мной, вечно моя. Таня, я люблю тебя.

Он выпалил все это разом и покраснел.

— Так ли это, Боря?

Бозор был готов застонать от обиды. Но только крепко сжал ее руку.

Медленно спускались они по крутой лестнице к полустанку.

— Сто одна, — проговорил Бозор.

— Ты считал? А я думала, что ты мечтаешь о чем-то большом и важном, раз молчишь.

— Я не считал, это сосчитано до меня.

Все вокруг было погружено в глубокий сон. Дочатый узенький перрон тускло освещался закопченным керосиновым фонарем: казалось, и он устал от круглосуточного бессменного дежурства и тоже дремлет.

Слова не шли с языка, а стоять молча, держать ее руки в своих было так хорошо, что Бозор согласен был, чтобы эти минуты тянулись вечно.

Подожел поезд. Бозор обнял, крепко поцеловал Таню и уже на ходу помог ей сесть в вагон.

— Милый! — успела она шепнуть на прощанье и скрылась в темноте.

Нежный шепот Тани долго слышался Бозору, а поцелуй жег губы. Возвращаясь в эскадрилью, он тихо напевал на родном языке. Это была песня о большой светлой любви, о красоте любимой, о ее нежном сердце. Высокие чистые звуки, поднимаясь над заснеженным аэродромом, таяли в хмуром северном небе.

Глава VII

1

Товарищи провожали лейтенанта Блажко в дом отдыха.

— Хорошего пути, Сеня, — душевно пожелал Мирзоев. — У меня к тебе маленькое дело есть: передай посылку. Адрес написан. Она живет рядом с домом отдыха.

Добродушный по натуре Мирзоев не держал долго злобы на обидчика, а в суровое время войны мелкие обиды вообще оставались в сердце до первого боя.

— Для лучшего друга сто километров пройти ничего не стоит, — ответил Семен и лукаво подмигнул Бозору.

У вокзала ждал крытый автомобиль. Прибывшие заняли места, и машина запетляла по горной дороге.

— Приехали, — крикнула медсестра.

Семен осмотрелся. Небольшой двухэтажный дом да несколько низеньких строений барачного типа — вот и все, что он увидел.

— А где же город? — спросил Блажко.

— О, города отсюда не видать, — ответила белокурая сестра.

— Мне сказали, что дом отдыха в городе.

— Был да сплыл, — улыбнулась девушка и добавила: — Все течет, все изменяется.

— Как же теперь быть?

— А что такое?

— Да понимаете, — ответил Блажко, — посылочку надо передать одной старушке, товарищ просил...

— Ваш товарищ здешний?

— Отдыхал он здесь... Бозор Мирзоев.

— Бозор Мирзоев! Помню... Такой чернявый цыганенок, а глазенки голубые-голубые. И застенчивый, как девушка красная. И «старушку» его знаю. А вы не отчаивайтесь, отдохнете немного и съездите в город.

После ночей, проведенных в снегу и землянках, дом отдыха показался Семену раем: койки с пружинными матрацами, теплые ватные одеяла, белоснежные простыни и голубые наволочки на пуховых подушках, мягкая мебель, ковры, много света и комнатных цветов.

— Отдыхайте и чувствуйте себя как дома, — показывая летчику его койку, сказала сестра.

2

Через неделю здоровье Семена окрепло, и он вместе с другими отдыхающими поехал в город, в кино. Однако в кинотеатр не попал.

«Пока идет сеанс, успею отнести посылку», — решил Семен.

Таня собиралась ужинать, когда в дверь постучали.

— Войдите, — ответила она.

В комнату вошел незнакомый, мужчина. Таня внимательно посмотрела на него и спросила:

— Вы по адресу?

— Мне нужно видеть Таню Лебедеву.

— Я Таня Лебедева, — ответила она и присела на стул: ноги ее вдруг ослабели. Она даже в лице изменилась, ожидая страшного известия.

— Не расстраивайтесь. Посылочку вам привез от Бозора Мирзоева. Слышали о таком?

— Вы от Бориса?! — радостно воскликнула она. — Ой, да что же это я не приглашаю вас. Раздевайтесь, ужинать будем.

— Спасибо, я только что заправился.

— Раздевайтесь, погрейтесь, — настаивала Таня. Семен снял куртку, обеими руками пригладил льняные волосы, сел на кушетку, закурил.

— Ну, право, я не знаю, чем вас и угощать. Мне просто как-то неудобно — я буду есть, а гость сидеть, — говорила Таня. — Хоть чашку чаю с мороза выпейте.

— Чай не водка, много не выпьешь, — пошутил Семен.

— А у меня и водочка есть, — склонив голову, с улыбкой протянула Таня. — Не удивляйтесь, мы ведь ее по карточкам получаем.

— Ну, тогда можно на верхосыточку и чаю стакан выпить, — согласился Блажко. — За ваше здоровье, — Семен выплеснул стопку в рот.

— Нет, за здоровье своего друга. Боря-то не пьет.

— И не курит. Зато насчет девушек у него губа не дура, — проговорил Блажко и нагло посмотрел Тане в глаза. Таня зарделась, но выдержала его взгляд. «Какие у него нахальные глаза», — подумала она.

— Расскажите, как он там живет?

— А что рассказывать? Живет хорошо. Только вот у него маленькая неприятность на днях получилась.

— Какая же? Он ничего не писал.

— Так, пустяки. И говорить-то о ней не стоит.

— Тогда не стоило и начинать. А все же?

— Известно, какая может быть у мужчины неприятность, — не моргнув глазом, продолжал захмелевший Блажко. — Из-за женщин все: ваша сестра все воду мутит. Пришло на имя командира полка письмо, пишет одна дивчина. Знаю я ее, мы ведь вместе с Бозором учились, когда он с ней познакомился. Красавица, черная, как цыганка. И косы до пят.

Таня верила и не верила Семену. Болтают ли так откровенно о друге? Но не придумал же он. Для какой цели?

— Ну и что же в этом письме?

— Хвост остался там у Бозора, вот она и требует денег на воспитание сына. «Если, — пишет, — не будешь добровольно помогать, через суд возьму свое». Разве приятно такое письмо получить? Ясно, как божий день, что неприятно.

Семен украдкой смотрит на Таню, стараясь угадать перемену в ее настроении. Но она равнодушна.

— Что же он так нехорошо поступил с любимой девушкой? Вот уж не ожидала...

— Удивляться нечему. Не он первый, не он последний, — и Семен многозначительно повел глазами на детскую кроватку. (Таня в этот день оставила девочку у бабушки, кроватка была пуста, но Семен знал от Мирзоева о Таниной дочери.)

— Ничего, война все спишет, — развязно закончил он.

— Ой, спишет ли? — не замечая намека, ответила Таня.

Уже давно окончился сеанс и товарищи уехали в дом отдыха, а Блажко и не думал уходить.. За окном завыл ветер, поднялась буря.

— Вы не опоздаете к отбою?

— Ох, черт возьми! Заболтался я с вами. Машина-то уже ушла.

Он вскочил с кушетки и начал суетиться, делая вид, что спешит одеться и уйти. Натянул правый рукав куртки, прислушался: за окнами свистело.

— Как же я теперь пойду? Сколько отсюда до дома отдыха?

— Километров пять, не меньше.

— Занесет меня где-нибудь.

— Да, пожалуй, вам разумнее сегодня не ходить, — посочувствовала Таня. Она

прислушалась к вою ветра, окинула взглядом комнату.

— Что ж, оставайтесь, места хватит.

Мелькнула мысль: «Что подумают соседи?», — но тут же решила: «Пусть думают, что хотят, не замерзает же человеку».

Семен этого и ждал. Быстро сбросил куртку. Уставшая за день Таня не чаяла, как добраться до постели. Она постелила простыню на кушетку, и, предложив Семену располагаться на ночлег, сама юркнула под одеяло.

Уснула Таня крепко. А к Семену сон не шел. Он долго мучился, но, потеряв власть над собой, решил. Тихонько встав с кушетки, бесшумно прошел по комнате и остановился у кровати. Слышалось ровное дыхание Тани. Семен положил дрожавшую руку на одеяло. Таня во сне что-то пробормотала и отвернулась к стене.

— Таня! Танюша! — шептал Семен. Его рука коснулась горячего плеча девушки.

Таня проснулась и, натянув до подбородка одеяло, села.

— Семен?!

— Я, Танечка, я, — еле шевеля губами, прошептал тот.

— Вот ты какой! А ну убирайся, — и она с силой оттолкнула Семена. — И не вздумай лезть, соседней крикну.

Блажко лег и притворился спящим.

Теперь сон покинул Таню. Как она ни пыталась, но заснуть не могла. Досадно было за Бозора, что послал ей такого дружка. И за Блажко — есть же на свете такие людишки...

Утром Семен не смотрел на Таню. Когда она готовила за перегородкой завтрак, Семен подошел к тумбочке, на которой стояло зеркало, чтобы расчесать волосы. Внимание его привлек конверт с адресом Бозора и фотография Тани. Он быстро взял фотокарточку, поворовски сунул ее в карман и стал собираться.

— А завтракать? — спросила Таня.

— Спасибо, я еще не хочу, — неловко ответил Семен.

— Перед отъездом зайдите, я кое-что приготовлю Боре.

— Обязательно, — буркнул Блажко и, не прощаясь, вышел на улицу.

Буря прошла, в небе мерцали звезды. Семен надвинул на глаза шапку, уткнул в поднятый воротник лицо и так, ссутулившись, побежал по снежной дороге. А на душе кошки скребли.

— И черт же меня дернул за длинный язык, наговорил вчера три короба, сама ведьма не разберется. Мало того что наговорил, так еще... Ах, черт безрогий... И чего только не бывает на свете... И как же я теперь в глаза Бозору посмотрю? Ну, эту Танечку, положим, я не увижу больше никогда. Это уж как пить дать, что не увижу. А что, если она напишет Бозору? Эх, язык мой — враг мой.

После завтрака Блажко пригласили к главному врачу.

— Ну, держись, Семен, начинается, — подбодрил себя Блажко.

В кабинете собралась целая комиссия. Блажко долго и внимательно слушали, заставляли приседать, закрывать глаза и вытягивать вперед руки с растопыренными пальцами. Потом доктор сказал что-то по латыни, и главный врач подписал синюю бумажку.

— Можете быть свободны, молодой человек, — подавая бумажку Блажко, сказал он.

Семен прочитал и от удивления вытаращил глаза: в ней говорилось, что летчик Блажко за нарушение дисциплины досрочно выписывается из дома отдыха и направляется в часть.

В первое мгновение это ошеломило. Но он быстро собрался с мыслями и решил: «Что ни делается, все к лучшему. По крайней мере, теперь можно опередить письмо Тани и все повернуть наоборот. А эту писульку не показывать командованию. А если сообщат? Ну, и пусть сообщают. Дисциплину-то нарушил не при выполнении боевого задания».

— Сеня, ты что так быстро вернулся?

— Да, понимаете, надоело в этом монастыре, да и по эскадрилье соскучился.

— Сеня, иди скорее сюда, — услышал он голос Мирзоева.

— Дежуришь? — спросил Блажко.

— А что делать? Рассказывай, как отдохнул.

«Слава богу, ничего не знает», — с облегчением подумал Блажко и начал рассказ о доме отдыха. Однако это мало интересовало Бозора, и он перебил:

— Передал?

— А как же! Я ведь сказал, что для лучшего друга сто верст пройду. Сто не сто, а десять верных будет.

— Какие десять? — засмеялся Бозор. — Зачем так шутим?

— Не смейся. Дом отдыха перевели к черту на кулички, вот и топал по шпалам: «Ать-два, ать-два!», — маршируя на месте, беззаботно тараторил Блажко.

— Ну, как?

— Ничего бабенка...

Блажко залез на крыло.

— То есть, как ничего бабенка? — переспросил Бозор.

— Не знаешь? Сказывай! Целуется, аж дух захватывает. Понимаешь, пришел я, передал, конечно, посылочку, хотел идти домой. Куда там! Нет, говорит, я тебя так не отпущу. Пригласила на чашку чаю. Перед чаем поллитровочку раздавили, закусочка, конечно, хорошая была. Ну, после этого начались разговоры о том да о сем. Она, конечно, мне понять дает, да я ноль внимания: не могу же я другу подложить свинью. Собрался уходить домой, оделся уже. Не пустила. «Куда, говорит, это ты в такую погоду пойдешь?» А на дворе, действительно, начал голосить ветер. «Ночуй, — говорит, — места хватит, не укушу». Ну, а ночью-то она меня и попутала.

Бозор не помнил себя: его то в жар бросало, то знобило, как в лихорадке.

— Малчун! — крикнул Бозор и, изловчившись, столкнулся с Блажко с плоскости.

В это время над командным пунктом взвилась зеленая ракета.

— Бозор! Борис! Не верь, не слушай меня, наврал я все, все наврал! — кричал Блажко вслед взлетающему Мирзоеву. Но за шумом мотора его крика никто не слышал.

Блажко постоял еще минуту и, зажав голову руками, пошел в свою землянку.

«Влип, вот влип, так влип. Вот дурак! И почему мне в голову не пало, что Бозор ее любит, что у них настоящая любовь! Что делать? Там наболтал чепуху, а здесь и того хуже. Как же быть? Как распутать этот чертов клубок, который сам же запутал?»

Виктор Хмара смотрит вдаль, и его мысли то летят за Мирзоевым, то переносятся в родные края. Он не теряет надежды на то, что просьбу удовлетворят, и он своими руками будет бить врагов.

Из задумчивости механика вывел гул мотора за облаками. Самолета еще не было видно, но сердце Хмары встревожилось. Вскоре из облаков вынырнула одна машина.

— Бозор, и-эх! Бозор не вернулся! — простонал Хмара, опустив обессиленные руки на колени.

Он не сошел с капонира, чтобы услышать объяснение ведомого, сидел, не шевелясь, словно окаменев. Но вот его мозг обожгли слова Афанасия Кучеренко:

— Бозор передал, что у него мотор забарахлил. И, действительно, вижу — за самолетом потянулся черный дым. А тут четверка «мессов» над целью перехватила нас. Вели бой. Выпрыгнул Бозор с парашютом.

В голове Хмары молнией заметались мысли:

«Долил? Не долил? Долил? Не долил?»

Он встал, развел в стороны большие руки и, тяжело переставляя ноги, пошел к товарищам. Вид его был страшен.

— Судите, судите меня! — хрипел Хмара, дико вращая белками глаз. — Масло... Масло

не долил в мотор. Проверил, а долить забыл... Погубил Бозора, погубил... В трибунал меня, к расстрелу...

— Не наговаривай на себя напраслину, — вмешался моторист. — Ты забыл, что приказал мне дозаправить?

Вздых облегчения прокатился среди товарищей. Через два дня Виктор Хмара уехал на передовую.

4

Позднее обычного возвращалась Таня в этот вечер домой. Комсомольско-молодежная бригада уже несколько дней работала сверхурочно, выполняя важный заказ для фронта. Лебедеву из-за Лены отпускали домой раньше других. Но сегодня она отказалась от этой привилегии: ей было страшно оставаться наедине со своим горем.

На горизонте вяло поиграли бледные отблески полярного сияния и исчезли.

«Даже не разыгралось как следует, а уже потухло, — с грустью проводила Таня слабые блики на небе. — Вот так и счастье мое: не успело расцвести, а уже осыпалось; мелькнуло, как сияние, и нет его», — еле сдерживая рыдания; терзалась Таня.

О Блажке Таня вспоминала с отвращением. На работе она как будто забыла о вчерашнем, но, оставшись одна, вновь почувствовала, что спазмы сжимают горло, что все в ней кипит и негодует. Обидно было, что подлец оказался в числе друзей Бозора. То, что Блажке ночевал у нее — факт. А больше для подозрения ничего и не нужно. А эта исчезнувшая фотокарточка? Не провалилась же она сквозь землю. Ясно, что ее стащил Блажко и теперь хвастает перед товарищами своей очередной «победой». А ведь она почти поверила в болтовню о Бозоре!

По дороге Таня зашла к бабушке за дочкой и теперь, раздевая ее, нежно говорила:

— Ну и пусть думают о нас, что хотят. Правда, Леночка? А мы про себя знаем. Ну и пусть. Никого нам не надо, одним лучше и спокойнее.

Таня, целует личико девочки, а сама все говорит и говорит, утешая себя, успокаивая расхолодившееся сердце.

Уложив Леночку спать, Таня села писать письмо Бозору. Она хотела подробно рассказать о визите Блажко, но раздумала.

«Зачем все это, испорчу их взаимоотношения, а ведь им вместе воевать!», — решила она. И написала только небольшую записку. А сердце было готово разорваться на части, и слезы неудержимо катились по щекам.

5

Дорого бы дал сейчас Блажко, чтобы время вернулось к тому мгновению, когда он переступил порог Таниной комнаты. Тогда все бы пошло по-другому. А теперь, теперь...

«Что я наделал, что наделал, скотина безмозглая?!» — проклинал себя Блажко, вспоминая о случившемся.

Он несколько раз пытался написать письмо Тане, но не хватало духу. В эти дни его как будто подменили: ходил хмурый, с товарищами не разговаривал, замкнулся.

— Что случилось, товарищ Блажко? — спросил его однажды Комлев.

Хотя Блажко ждал подобного вопроса, сердце его екнуло. Однако он нарочито вытянулся в струнку и, глуповато улыбаясь, отчеканил:

— Ничего не произошло, товарищ капитан.

— Не притворяйся, серьезно спрашиваю.

Был вечер. Замполит и летчик шли по дорожке, ведущей из столовой в землянку летного состава. Блажко осмотрелся.

— Все, все расскажу, только чтобы нас никто не слышал, — полушепотом проговорил Блажко.

— Идем ко мне в землянку, командира долго не будет, — предложил Комлев.

В землянке Комлев показал летчику на диван, а сам сел на стул. Блажко кивком головы забросил назад волосы, плюхнулся на диван так, что застонали пружины.

— Давно на таком диване не сидел, — ослабившись, сказал развязно.

— Вы уклоняетесь от темы.

Все с тем же независимым видом Блажко начал рассказывать о событиях последних дней. И по мере рассказа лицо его бледнело, на нем появилось выражение раскаяния.

— Все? — спросил Комлев.

— Все.

— Так мог поступить только подлец.

— Так ведь я шутил...

— С любовью и фронтовой дружбой не шутят. Сегодня же пиши письмо Лебедевой, а теперь иди, пусть комсомольцы обсудят твой поступок.

— Товарищ капитан! — взмолился Блажко. — Какое угодно взыскание давайте, только не выносите на комсомольское собрание. Опозорите меня перед ребятами!

— Вы сами себя опозорили, сами и отвечайте за подлость.

6

Разметав ручонки, сладко спит Лена. На улице в дикой пляске кружится буря, швыряет в стекла комья снега. У кровати сидит Таня, крупные слезы катятся из глаз. Да она и не пытается их удержать. На ее коленях лежат письма от Комлева и Блажко.

— Боря, Бозор! — шепчет Таня. — Как все глупо и нелепо произошло. Где же ты теперь, мой милый?

Безрадостным было детство Тани, рано оставшейся без родителей. Дальние родственники увезли ее из глухой деревушки в большой город и определили нянкой в семью артистов. Хозяева обещали устроить Таню учиться, но шли годы, а они и не думали выполнять обещание. Таня делала все по хозяйству, водилась с капризным ребенком. Однажды она получила письмо от подруги детства. Маруся писала, что строит новый город в Заполярье. Таня собрала свои пожитки и направилась к выходу. Хозяйка пыталась остановить ее, вновь стала обещать устроить учиться, но девушка, презрительно бросив: «Давно слышу эту песню!», — вышла на улицу.

За три года ей полюбился сказочный северный край. Здесь она встретила много хороших и верных друзей, среди которых первое место занял Илья Фомич Орехов. Он был для Тани другом, умелым наставником и отцом. Таня же заняла в сердце Ильи Фомича место Вали, единственной его дочери, трагически погибшей в тундре во время пурги.

Таня долго думала в этот вечер и решила...

7

Пилот Кучеренко не ждал писем с родины. Правда, еще летом 1942 года он сделал попытку связаться со своей семьей через линию фронта. Тогда группа летчиков перебрасывалась на юг в расположение штаба партизанского движения. Кучеренко упрямил друга захватить с собой письмо матери и сестренке.

— Ладно уж, хоть и не положено это делать, но случится бывать в тех краях — попытаюсь организовать оказию, — сказал друг. — Только адрес не пиши, мало ли что может быть. Запомню.

С тех пор прошло много времени, надежды на ответ потерялись. Вот почему таким неожиданным было письмо не только для Кучеренко, но и для всех его друзей.

— Давай, передам, — выхватывая из рук почтальона помятый треугольник, замполит выскочил на улицу. За ним гурьбой повалила вся эскадрилья.

У капониров — шум и гам. Все ищут Кучеренко. Впереди, выкидывая вперед длинные ноги, бежит Блажко.

— Афоня, тебе письмо, понимаешь — письмо! — радостно кричит он.

— Брось, не шути, Сеня.

— А он и не шутит, — ответил за Блажко Комлев и передал письмо.

— От мамы! — обрадовался Кучеренко.

Конверт помят, надпись потерта. По-видимому, прежде чем попасть на почту, оно долго таскалось в карманах, переходило из рук в руки. На треугольнике штамп московского почтамта.

— До Москвы с попутчиками шло, — высказал предположение Афанасий и, волнуясь, развернул треугольник. Исчезла его улыбка, все больше и больше хмурились брови, мрачнело лицо.

— От паразиты! От зверье несчастное! — с дрожью в голосе прошептал он. На глаза навернулись слезы.

— Что пишут? — нарушив тишину, спросил замполит. Афанасий вместо ответа передал письмо. Комлев начал читать вслух:

«...Рано утром ворвались в нашу хату фашисты. Твоя сестрица Ганна спала еще в своей светелочке и видела сладкие сны. Схватили ее злые враги, поволокли на улицу. Я кинулась ей на выручку, да где там: скрутили мои руки, точно железом. Разрывалось мое сердце на части, а помочь своей голубке я не могла, только лила слезы да стонала. Увезли нашу Ганну в неметчину и что с ней сделалось, я не ведаю. Многих дивчин увезли. Стон стоял над селом, как сама родная мать-земля рыдала, а слез-то пролито — реки полноводные. Где же ты, мой сынку? Найдет ли тебя это письмо? Вернешься ли ты до дому? А хаты теперь у нас нема. Спалили ее. Живу у добрых людей, а питаюсь, чем бог подаст».

Две крупные материнские слезы, упавшие на лист, расплылись в большие пятна.

— Придем, мама, скоро придем, — сквозь стиснутые зубы клялись друзья. — Вернем тебе Ганну, построим хату краше прежней, а врагам пощады не будет!

С командного пункта полка пришел Ветров.

— У вас что, митинг? — спросил он.

— Да, — коротко ответил Комлев.

— У меня срочное задание на разведку.

— Я пойду, — решительно заявил Кучеренко.

— И я! — сделал шаг вперед Блажко.

После комсомольского собрания Блажко не мог смотреть товарищам в глаза, а свою вину перед Мирзоевым пытался искупить в жестоких боях. Однако друзья и командование относились к нему недоверчиво, и это его угнетало.

8

Кучеренко и Блажко вылетели на разведку рокадной дороги {10}, по которой враг, что-то замышляя, перебрасывал войска с одного фланга этого участка фронта на другой. Сквозь завесу зенитного огня над линией фронта проскочили на большой скорости.

— Слева «костыли», атакуем! — передал по радио ведущий.

Девять одномоторных бомбардировщиков «Юнкерс-87» плотным строем, словно на параде, шли к линии фронта.

С боевого разворота Кучеренко атаковал ведущего. Взрыв и к земле камнем полетел мотор, долго качался в воздухе кусок плоскости, потом и он опустился на сопку.

— От тоби, бисова душа! От тоби, гад! — с ненавистью шептал летчик, бросая машину в новую атаку.

Впереди Кучеренко пикирует машина Блажко. Ее пронизывают огненные трассы. Но Блажко упорно сближается с «лапотником» (еще и так называли наши летчики этот тип вражеских машин). Пуля немецкого стрелка ударила в бронестекло и отпечатала на нем темное пятно с расходящимися от центра трещинами. Блажко крепче сжимает ручку управления. Дистанция — пятьдесят метров. В прицеле искаженное страхом лицо фашиста. Летчик нажал на спуск. Самолет изрыгнул сноп огня. Юнкерс вошел в крутую спираль, а

потом, закрутившись в штопоре, врезался в сопку.

Строй бомбардировщиков нарушился. От самолетов отделились сигары-бомбы и рухнули в скалы. С крутым пикированием фашисты стали отрываться от преследования истребителей. Однако те и не думали преследовать: у них было свое задание.

Кучеренко вышел на курс к цели, когда услышал по радио голос Блажко:

— У меня мотор барахлит.

— Пошли домой.

— А задание?

— Что у тебя там?

— Трясет на больших оборотах.

— Тогда занимай мое место, я тебя буду прикрывать. Извиваясь у подножия сопки, вдоль линии фронта идет шоссе. Разведчики внимательно просмотрели заданный участок. Дорога пустынна. Они уже повернули домой, как вдруг Блажко спросил:

— Видишь?

— Ничего не вижу.

— У дороги примят снег.

Теперь и Кучеренко увидел лыжные следы, уходившие в ложину. Там они и обрывались.

— Вот хитрюги! Врут, не уйдут! — ликующе прокричал Кучеренко.

Он передал на КП координаты обнаруженного противника и, выполнив поворот, ввел самолет в пикирование. Из пушки и пулеметов ударил по пестрой сети и распорол ее. Теперь летчики отчетливо увидели, как мечутся под маскировочной сетью фашисты. Еще, еще один заход. С каждой новой атакой сильнее азарт боя. Вот летчик еще раз нажимает на гашетки, но оружие молчит. «Пересолил, — спохватился Кучеренко. — А вдруг нагрянут «мессеры»? У Семена мотор барахлит, а у меня ни единого снаряда. Плохие мы вояки». Однако своего опасения товарищу не передал.

— Теперь пошли до дома, «горбатые» добьют.

На пути к своему аэродрому летчики встретили группу «илов».

— Сейчас фрицы попляшут, это уж как пить дать, — услышал Кучеренко очередную остроту Семена.

Глава VIII

1

В это мартовское утро о полетах не могло быть и речи: густой туман окутал сопки, опустился на летное поле. Тем не менее распорядок дня соблюдался точно. Механики, или технари, как их любовно называют летчики, эти извечные труженики, взяты у самолетов. Они постоянно копаются в машинах, ищут неисправности, устраняют и снова ищут. И так без конца, до самого вылета. А уйдут машины в полет — терзаются: все ли сделано, не проглядел ли чего? И пусть механик смеется, балагурит, мыслью и сердцем он там, в воздухе, со своим командиром.

На командном пункте эскадрильи Егор Бугров, склонившись над стенгазетой «Гордый сокол», красивым почерком выводит подтекстовку к рисунку Зайцева, на котором горящий «юнкерс» летит к земле, а истребитель с красной звездой на борту боевым разворотом уходит в высоту.

Мы случайно встретились с тобою,

Оттого так скоро разошлись...

Колонка этого номера стенгазеты посвящена вчерашней победе Кучеренко и Блажко.

Афанасий, примостившись на диване, уткнув нос в воротник куртки, тихо напевает:

Может быть, вдали, над самым фронтом,

Разгорится там воздушный бой,

Потеряю я свою пилотку

Со своей курчавой головой...

Ветров и Блажко доигрывают отложенную вчера партию — в эскадрилье проходит

шахматный турнир. Комэск вышел на пол-очка вперед, и Семен решил сегодня взять реванш, но мелодия отвлекает и он сердито говорит:

— Афоня! Смени пластинку...

— Можно...

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!

— Ну, затянул панихиду! Дай же партию доиграть, — раздражаясь, кричит Блажко.

А тем временем потянул ветерок, туман приподнялся и рассеялся. Тот же ветер разорвал сплошную облачность на лохматые черные тучи.

Послышался глухой гул моторов и мелкое подрагивание земли. Это вторая вылетела по тревоге.

— Пошли, — сказал Ветров и первым вышел из землянки.

Только летчики разошлись по капонирам, как предутреннюю синеву разрежала зеленая ракета. Не успели растаять ее последние искры, а уже взревели моторы, и самолеты прямо из ниш пошли на взлет.

На разбеге горизонт перед глазами Блажко поплыл вправо. Он нажимает на правый тормоз, но безуспешно: машину по-прежнему тянет влево.

— Что еще за чертовщина? — выругался Семен и прервал взлет. Оказывается, левое колесо попало в глубокую колею, прорезанную бензовозом — вчера заправка машин проходила в оттепель. Утром подморозило, а заровнять летное поле никто не догадался. И вот результат: прерван взлет, потеряны драгоценные минуты.

Кучеренко взлетел один и сразу же пристроился к паре комэска.

Блажко вырвал машину из колеи и под неодобрительные, неразборчивые возгласы Локтева хотел было взлететь с обратным стартом.

— Блажко, отставить взлет! — нервно, открытым текстом приказал Локтев.

Не понимая в чем дело, Блажко, красный от напряжения, а больше от обиды за неудачу на разбеге, проклиная всех и вся, вырулил к своей нише. Казалось, весь мир ополчился против него. Могут подумать (это уж как пить дать), что он, Сенька Блажко, трусил, и к одному, еще не рассеянному недоверию, добавится тяжкое подозрение — подозрение в трусости. Ничто так не презирают летчики, как подлость и трусость. Теперь хоть в петлю...

Когда за облаками послышался все нарастающий, режущий уши свист, Локтев понял, что совершилось непоправимое. Немецкие истребители обошли посты ВНОС, и он, командир полка Локтев, выполняя приказ штаба дивизии, выпустил летчиков с заблокированного аэродрома, выпустил на верную смерть. Он почувствовал, как немеет правая половина тела, словно ее погружают в холодную воду. «Еще чего не хватало! Только не сейчас!» — приказал себе Локтев и, переложив микрофон в левую руку, начал разминать пальцы онемевшей руки и ногу. А режущий уши свист все усиливался, давил на барабанные перепонки, словно окрестный воздух сжимался под давлением невидимого чудовищного пресса.

Как только послышался гул моторов, Комлев быстро оделся и вышел из землянки. Три самолета набирали высоту, один катился по аэродрому. Комлев перескочил через незамерзающий журчащий ручеек, посреди которого лежал отполированный водой большой камень, пробежал мимо КП эскадрильи к радиостанции.

Из облаков с сумасшедшей скоростью вынеслись два «мессершмитта».

— Бандюг-ги сзади! — крикнул в микрофон Локтев.

«Мессеры» атакуют Бугрова. У Ветрова нет скорости, нет высоты, чтобы сманеврировать. С большой дистанции он дает заградительную очередь. «Мессершмитты» прерывают атаку и свечой уходят в облака. Вторая пара берет в клещи Кучеренко. Бугров резко бросает самолет на желтобрюхого и пушечно-пулеметным огнем зажигает его.

— Так его, бандюг-гу! — кричит Локтев, и тут же дает приказ второй эскадрилье идти на помощь группе Ветрова.

Рев моторов, уханье пушек, треск пулеметных очередей, тьяканье зенитной установки

— все сливается воедино. Вываливаясь из-за туч четверками и парами, «мессершмитты» непрерывно атакуют. Наши отбивают атаки, принимая оборонительный бой на встречных курсах. Сражаются над аэродромом. На земле каждый что-то кричит, машет руками, но помочь летчикам никто не в силах.

Задымил самолет Бугрова, под крутым углом скрылся за темным гребнем соснового бора. Немедленно туда, за сопку, где сел Бугров, ринулись два стервятника.

— Убьют, ой, убьют они Егора, — простонала оружейница.

Локтев кусал губы. Комлев сжал кулаки до синевы в пальцах.

Запылал «мессершмитт», сбитый зенитчиками. Хлопнул выстрел из ракетницы — сигнал к вылету третьей эскадрилье.

— Кто приказал?! — взревел Локтев.

— Из дивизии, — ответил дежурный по КП.

— Что, и этих на убой? К черту! Прекратить взлет!

Третья эскадрилья, вырулившая для взлета, повернула к стоянкам.

— Продержитесь еще минуту, продержитесь, — кричит Локтев. — Помощь идет, вторая подходит.

Самолет Кучеренко, объятый пламенем, вошел в отвесное пикирование.

— Прыгай, Афоня, прыгай! — кричат с земли.

В ответ глухой треск где-то за сопкой.

Убийца Афони выводит самолет из пикирования. Ветров бросает свою машину вправо, врезается мотором в желтое брюхо «мессера» и... громовой раскат, тяжелый вздох земли от рухнувших на ее грудь кусков металла, душераздирающий девичий крик. На глазах Локтева слезы. Он молча передает микрофон Комлеву.

Подошла вторая эскадрилья. Она — хозяйка высоты, а следовательно, и хозяйка боя. Грохнулись о землю еще три фашистских истребителя. Остальные скрылись.

Самолеты зарулили на стоянки. Над аэродромом повисла гнетущая тишина. Люди словно лишились речи.

2

Поисковые группы механиков вернулись поздним вечером. Машину Бугрова обнаружили на озере. Мотор ее был пробит пулей. Недалеко от самолета лежало тело летчика. Он, видимо, решил перебежать озеро и укрыться в лесу. Но вражеские пули настигли раньше.

Нашли боевые награды Николая Ветрова.

Самолет Кучеренко ушел под лед озера.

— К утру достать тело Кучеренко! — приказал командир полка инженеру эскадрильи Голубеву.

— Есть! — ответил тот, хотя и знал, каких трудов это будет стоить.

После ужина небольшая экспедиция вышла в поход.

Мороз уже сковал пробоину, от краев которой лучиками отходили глубокие трещины. Рядом валялись бесформенные крылья.

Голубев с группой механиков взялся за расширение пробоины, за установку лебедки. В трещины заложили взрывчатку, подожгли шнур. Раздался взрыв, и эхо, то умолкая, то нарастая, долго плавало между сопок. После взрыва стали вылавливать льдины, укреплять лебедку.

Группа Комлева в это время спиливала, очищала от сучьев, подтаскивала к месту подъема стволы сосен. Работали молча. Изредка кто-то скажет предостерегающее слово, или шепотом предложит заменить уставшего товарища.

Установили стропила, перекинули через перекладину стальной трос. Наступила самая ответственная часть работы. Механики стояли вокруг проруби. Их неподвижные взгляды устремлены в темную воду.

Заиграло северное сияние, осветив бледным светом сосредоточенные лица. Комлев обвел всех внимательным взглядом. Сержант Зайцев отчетливо сказал:

— Я отправлял Афанасия на этом самолете в бой, я его и приму.

Миниатюрные прожекторы — переносные электрические лампочки: — выхватили в темном пятне проруби два круга, образуя световую восьмерку. Петр быстро сбросил белье, опоясался широким матерчатым ремнем, к которому прикреплен веревка, схватил конец стального троса и, как в бассейн, нырнул в перекрестие восьмерки.

Потянулись томительные секунды, казавшиеся вечностью. Все пристально наблюдали за светлыми пятнами. Вот вода расступилась.

— Тяни! — сбрасывая мелкие брызги с губ, крикнул Зайцев.

Механики быстро выхватили друга из воды, натянули меховой костюм.

Жалобно скрипя, ползет стальной трос через сосновую перекладину, поднимая тяжелый самолет.

«Только бы не оборвался трос, только бы не соскользнул самолет», — с тревогой следит Голубев за движением каната.

Наконец истребитель поднят. С трудом сняли колпак и бережно вытащили тело Афанасия.

3

Гробы в гарнизонном клубе утопают в венках от командования дивизии и полка, от партийной и комсомольской организаций, от боевых друзей и военнослужащих батальона аэродромного обслуживания, от металлургов и горняков, от железнодорожников станции и рабочих Мурманска. В зеленую вязь из сосновых веток вплетены цветы. В безмолвном молчании сменяется почетный караул.

— Как же это вы не сберегли нашего Колю? — дрожащим голосом спросил Орехов Локтева.

— Бой жаркий был. Патроны кончились, вот он и таранил.

— Да, да... Раз уж Коля погиб, значит тяжелый был бой, — согласился Орехов.

Тихо падал пушистый снег. Под звуки похоронного марша траурная процессия двинулась на кладбище.

Впереди приспущенное знамя полка. За знаменем боевые друзья несли подушечки с боевыми орденами погибших. На передней машине — большой деревянный обелиск с пятиконечной звездой на вершине. На металлической пластинке, прикрепленной к обелиску, выгравированы имена летчиков.

На второй машине гробы с останками Николая Ветрова, Афанасия Кучеренко и Егора Бугрова.

Траурные мелодии рвут сердца провожающих.

Когда знаменосец, спустившись с аэродрома в лощину и перейдя мост через реку, остановился у свежерытой братской могилы, задние ряды колонны только отходили от гарнизонного клуба.

Маленький полуостров, образованный петлей горной речушки, заполнен людьми до отказа. Шоферы включили фары. Лучи выхватили из густеющей темноты братскую могилу.

Глухим голосом с перерывами, словно ему не хватало воздуха, Дедов предоставил слово командиру полка. Локтев еще больше сгорбился, лицо почернело, глаза ввалились.

— Проклятые бандюг-ги вырвали из нашей семьи командира эскадрильи капитана Николая Ветрова, отважных летчиков Егора Бугрова и Афанасия Кучеренко. Они храбро дрались и свято выполнили свой долг перед Родиной, они грудью своей защищали небо Заполярья. Ни один даже не подумал о выходе из жестокого боя. Наши товарищи дорого отдали свои жизни. Одиннадцать фашистов уничтожено меткими очередями и таранным ударом. И пусть бандюг-ги не злорадствуют. Мы будем беспощадно уничтожать их, пока не вобьем в могилу последнему захватчику осиновый кол. Тяжело, очень тяжело всегда

прощаться с друзьями. И сегодня, прощаясь с вами, наши верные товарищи, мы клянемся, что за ваши молодые жизни в полной мере отомстим фашистскому зверью. Кровь за кровь! Смерть за смерть! Клянемся!

— Клянемся! Никакой пощады врагу! Смерть фашистским бандитам. Кля-нем-ся! — сурово громыхнул строй. Эхо подхватило и понесло клятву от сопки к сопке.

На комковатую, глинистую кучу поднялся капитан Комлев. Минуту он стоял молча: спазмы перехватили горло.

— Холодные скалы Заполярья вновь обогрены горячей кровью наших боевых друзей. Вслед за Фединым, Ефимовым, Ишутиным, Антоновым, Мирзоевым сегодня мы навеки прощаемся с Николаем Ветровым, Афанасием Кучеренко и Егором Бугровым... Враг нанес нам страшный удар, удар в самое сердце. Он рассчитывал посеять панику в наших рядах, но жестоко просчитался. Фашистские выродки забыли, что советский воин может умереть, но не может не победить. Наши боевые друзья погибли, но они победили врага.

Голос капитана Комлева креп.

— Пройдут годы, о наших друзьях напишут книги, народ сложит песни, и жизнь их и подвиги станут легендой. На этих самых сопках сурового Заполярья, — Комлев обвел рукой вокруг, — ярким пламенем расцветут цветы.

Комлев опустил голову.

— Дорогие, верные друзья! Вы останетесь навеки в наших сердцах, и жизни ваши, и боевые дела ваши навсегда будут примером беззаветного служения Родине. Спите, родные, вечным, спокойным сном. Мы обещаем вам, что будем драться за себя и за вас, и врагу отомстим.

И опять могучим эхом пронеслось:

— Отомстим!

Медленно поднялся на темную глину Илья Фомич Орехов. Он потрогал жилистой рукой обвисшие седые усы и заговорил:

— Дорогие сынки наши! Разве можно выразить словами ту скорбь, которая постигла нас? Потеря наша ни с чем несоизмерима, но бороться-то надо. Победить надо врага. Не падайте духом. Помните — за вами наш народ: рабочие и крестьяне ничего не жалеют для своих сынов. Я работал за двоих. С сегодняшнего дня буду работать за троих. Пусть это будет моим ответом на вчерашний бой. Все рабочие, они просили меня передать вам, скорбят по своим дорогим друзьям и решили в помощь фронту ежедневно выполнять по три задания. Спокон веков Россию никто никогда не побеждал. А уж Советскую Россию и подавно никому не победить. Бейте же, уничтожайте злого врага, отомстите за кровь наших...

Голос Ильи Фомича дрогнул, из глаз по глубоким морщинам потекли слезы.

Воины начали опускать гробы в могилу. Тишину разорвали три винтовочных залпа. Послышался глухой стук комьев земли.

4

Как ни устал Комлев, а в землянку идти не хотелось. Он смахнул с пенька, стоявшего у входа, снег, сел, закурил.

В ушах все еще слышалась мелодия похоронного марша, траурные речи, залпы прощального салюта.

Сквозь облачность пробивается бледный свет луны. Большими хлопьями опускается мягкий снег, одевая ели, сосенки и карликовые березки в сказочный наряд.

В эскадрилье осталось два летчика — он, Никита Комлев и Семен Блажко. Теперь они должны драться за двадцать летчиков. Такую клятву он дал друзьям перед их могилой. Сколько еще возьмет война молодых, здоровых, красивых парней?

Из задумчивости Комлева вывел хруст снега. Он повернул голову, и в снежной пелене увидел Дедова.

— Не спится, Никита Кузьмич?

— Какой уж тут сон, ясное море, — ответил Комлев, вставая с пенька. — Настроение ужасное. Присаживайтесь.

— Нет, я на минутку. Завтра принимай эскадрилью.

— Как?

— Генерал подписал приказ о твоём назначении. Наследство, правда, не богатое получаешь, но что делать? Когда машина Бугрова войдет в строй?

— Через день.

— Ну вот, уже три самолета есть. Завтра прибывают летчики, а через неделю и машины получите.

В землянке пусто и жутко: теперь уж Николай никогда не займет свою койку в крохотной спальне за фанерной перегородкой, на которой Зайцев нарисовал витязя в тигровой шкуре. Комлев долго ворочался с боку на бок, считал до тысячи, представлял себя едущим на бричке с сеном, которую не спеша тянут волы, но заснуть не мог. Забытье пришло под утро, но было оно тревожным, снились кошмары.

Глава IX

1

В эскадрилью прибыло пополнение. Докладывал об этом Комлеву старший группы лейтенант Дорофей Ребров. Он стоял в ватной синей стеганке и кавалерийской кубанке.

— Вы где так облачились? — спросил комэск, разглядывая необычную форму пилота.

— Робу в госпитале дали, а шапку...

— Старшина, сегодня же обменять обмундирование лейтенанту, — прерывая объяснение Реброва, распорядился командир эскадрильи.

Самым юным из прибывших оказался Алексей Булатов. Невысокого роста, в больших кирзовых сапогах, с наивной детской улыбкой, он казался подростком.

Передавая Булатову самолет погибшего летчика, Комлев рассказал о подвигах Бугрова. А вскоре на фюзеляже появилась крупная надпись: «За Егора Бугрова!».

С первого взгляда Никита Комлев проникся к Булатову симпатией: может быть, потому, что Алексей наивностью и молодостью напоминал Бозора Мирзоева.

— Со мной будешь летать, юноша, — сказал Комлев.

Летчики быстро вошли в строй, и эскадрилья, как выздоравливающий после тяжелой болезни, стала уверенно набирать силы. Дни, заполненные боями, сменялись один другим.

2

Комлева срочно вызвали в штаб полка. Стоял конец мая. Яркое солнце слепило глаза: Чтобы сократить путь, Комлев пошел через овраг. На дне было прохладно, тихо, пахло сыростью. Взбираясь с уступа на уступ, Комлев осторожно, чтобы не поломать, придерживался за молодые березки, растущие между валунов.

«Везде жизнь берет свое» — думал он, глядя на зеленоватую траву вокруг березок. И вдруг увидел под ногами цветок, похожий на зауральский колокольчик. Только поменьше и не такой яркий.

— Цветок! Как жаль, что помял, — пожалел Комлев и, осторожно поправив, приподнял над травой, чтобы больше досталось ему солнечного света и тепла.

В штабе полка Комлев доложил о прибытии.

— Заставляете долго себя ждать, — сухо заметил Локтев.

— Хотел быстрее, пошел через овраг, да... цветок помял, — при последних словах Комлев смутился. Он подумал, что командиры осудят его за сентиментальность.

— Что же не принес сюда? Я еще ни разу здесь не видел цветов, — оживился Локтев.

— Вам, Григорий Павлович, просто вблизи не приходилось наблюдать Кольскую природу, — заметил Дедов.

— Жалко стало срывать, — выждав, когда Дедов кончил говорить, ответил командиру полка Комлев.

— Садитесь, — пригласил Локтев. — Получены данные: немцам стало известно, что рудник и комбинат вновь начали работать на полную мощность и давать металл, необходимый для изготовления вооружения. Массированным авиационным налетом фашисты решили уничтожить их. Нашему полку командование приказало выделить особую группу для ПВО этого объекта, — Локтев красным карандашом очертил город, рудник и комбинат. — Я посоветовался с подполковником Дедовым и решил командиром особой группы назначить вас. Задание серьезное, ответственность очень велика.

— В городе много детей, — добавил Дедов.

— Генерал уверен, что вы справитесь с задачей, — закончил командир полка.

— Спасибо за доверие. Прошу вас, передайте генералу, что его приказ будет выполнен, — заверил Комлев.

Из штаба полка Комлев и Локтев вышли вместе. Комлев и гордился порученным заданием, и немного волновался. «Как выполню?» — этот вопрос он всегда ставил перед собой, когда предстояло сделать что-то новое, значительное.

— Как чувствуешь себя, Никита Кузьмич? — спросил Локтев.

— Волнуюсь.

— Это бывает. Пройдет. А где цветок?

— Там.

Подожли. Локтев наклонился, понюхал.

— Он еще и запах имеет! Какой аромат! Вот это находка! — любуясь цветком, с восхищением восклицал Локтев.

Офицеры постояли молча. Каждый думал о своем: о детях, семье.

— Мне пора.

— Ну, ни пуха ни пера, — проговорил Локтев и крепко пожал руку Комлева.

3

Доложив по телефону командиру полка о благополучном перелете, Комлев пошел к своему самолету.

В капонире собрались летчики, механики, оружейники. Размахивают руками, оживленно спорят.

— Что случилось? — подойдя к ним, спросил комэск.

— Полюбуйтесь, товарищ капитан! Агрессоры оккупировали вашу нишу и ни на каких условиях не соглашаются ее освободить, — пробасил Голубев, показывая в глубь стоянки жилистой рукой.

На инструментальном ящичке, у центральной опоры перекрытия притулилось маленькое птичье гнездо. В нем четыре крохотных яичка. По зеленовато-белой скорлупке словно набрызганы коричневые крапинки. При запуске мотора струей воздуха сразу разнесет это птичье сооружение.

— Что будем делать? — спросил Комлев собравшихся.

Все разом, наперебой стали высказывать свои предложения.

— Надо осторожно перенести гнездо на другое место, — предложил кто-то.

— Ни в коем случае этого делать нельзя, — категорически возразил Голубев. — К гнезду даже притрагиваться нельзя, бросят его птички.

— Бросят, это уж как пить дать, бросят, — поддержал инженера Блажко.

— Вынести гнездо вместе с инструментальным ящичком.

Но и это предложение было отвергнуто.

В разгар обсуждения столь важного вопроса в капонир залетел виновник этой тревоги — пуночка-самец. Ничуть не растерявшись от встречи с людьми, он облетел круг и опустился у гнезда, воинственно нахохлившись, гордо поводя снежно-белой головкой, выпячивая вперед

белую грудку. По середине его спинки проходила черная полоса, словно сажей были вымазаны крылья и хвостик.

Ну разве можно устоять против грозного вояки! Комэск распорядился перекачать свой истребитель в другой, пусть менее удобный капонир.

Там и тут обсуждалось происшествие с пуночками-захватчиками, когда над аэродромом послышался гул моторов, и в бледной синеве люди увидели плывущий крест. На перехват немецкого разведчика Ю-88 вылетели два истребителя. Во время взлета летчики потеряли из поля зрения «юнкерс». Посты ВНОС стали наводить истребителей на самолет противника, но тот, имея на борту радиолокатор, раньше обнаружил преследователей и, маневрируя, скрылся. Летчики вернулись ни с чем.

Разведчик противника был хитер. На бреющем полете он проходил между сопками в разрыве двух участков фронта и, углубившись на территорию Кольского полуострова, набирал высоту над безлюдной тундрой. К аэродрому и городу подходил с заглушенными моторами. Истребители никак не могли его перехватить.

Получив сообщение наземной радиостанции, что в воздухе спокойно, пара Реброва произвела посадку. Ведущий уже зарулил на стоянку, а ведомый заканчивал пробег, когда послышался свист падающих бомб, земля застонала, и над летным полем поднялось несколько земляных султанов.

Летчики и техники высыпали из КП.

— В укрытие! — приказал Комлев, а сам побежал к самолету. Обгоня командира, пробежал Зайцев.

Осколком пробило отверстие в фюзеляже, но комэск с помощью механика запустил мотор и под разрывами бомб взлетел. За ним поднялся в воздух Булатов.

Высоко в небе белая нить стремительно вытягивалась на запад. Не набирая высоты, Комлев пошел к аэродрому противника.

— Попался! — радостно воскликнул Комлев, увидев заходящего на посадку разведчика.

Он увеличил обороты винта и с горки, в упор вспорол брюхо «юнкерсу». Булатов меткой очередью добил самолет. Громадина рухнула около посадочного знака и взорвалась.

Вернувшись из полета, Комлев получил радиограмму, в которой командование полка поздравляло его с наградой — боевым орденом — и желало успехов в новых боях.

Краска неулегшего гнева сменилась краской стыда.

— Вот, ясное море! Ни раньше, ни позже, — обращаясь к Голубеву, сказал Комлев. — Аэродром отбомбили, а меня поздравляют с наградой.

Когда Комлев доложил Локтеву о случившемся, тот в первую минуту не знал что и сказать.

— Как?! Аэродром, на котором стоят истребители, отбомбили?! Если так дальше будет продолжаться, то в одно время бандюг-ги придут, снимут с вас штаны, а вы только руками разведете.

Комлев начал говорить о плохой работе постов ВНОС, но Локтев и слушать не захотел.

— Ты командир и решай там все вопросы, в том числе и вопросы связи. Разведчик ушел?

— Уничтожен.

— Кем?

Комлев ответил.

— Ну ладно, победителей не судят.

На другой день на аэродром приехали представители роты службы воздушного наблюдения, оповещения и связи и зенитчиков. Они вместе с летчиками решали вопрос о взаимодействии и улучшении работы постов ВНОС.

После совещания была установлена прямая телефонная связь аэродрома с батареей и постами ВНОС, которые выдвинулись далеко в горы и расположились на господствующих высотах. Теперь они обнаруживали вражеские самолеты еще над территорией противника.

Радиостанции летчиков, артиллеристов и наблюдателей установили на одну волну.

Небольшими группами, по четыре-шесть самолетов, противник по нескольку раз в сутки совершал налеты. Однако теперь они не проходили безнаказанно.

Запрет — не входить в капонир и не мешать пуночкам выводить птенцов — все-таки был нарушен: у гнезда появились крошки хлеба и баночка с водой. Нет-нет да и заглянет кто-нибудь украдкой, прислушивается: не вывелись еще?

Самец непрерывно сновал из укрытия на волю и обратно, приносил своей подруге мошек, комаров и прочие лакомства. Недели через две из капонира донесся писк птенцов. Маленькие прожорливые существа не давали родителям покоя. Пуночки попеременно вылетали из гнезда, возвращаясь с добычей в клюве.

Прошло еще недели две и птичья семья покинула свой временный дом. Первым вылетел отец, за ним, неуверенно махая крыльшками, с отчаянным криком вылетели молодые птенцы, а замкнула эту процессию пуночка-мать, щебеча какое-то напутствие детям. Неуверенно описав круг, птенцы опустились на сук древней сосны.

4

Прошло больше месяца напряженных боев.

Комлев видел, как личным составом овладевает усталость. Там, в полку, в трудные дни боевой работы, выносили на старт Красное знамя. Оно действовало на летчиков магически: поднималось настроение, прибывали силы и энергия. Здесь офицеры и сержанты были лишены возможности видеть святыню полка.

— Знамени, Красного знамени нам не хватает, — с сожалением сказал однажды командир группы, обращаясь к парторгу Голубеву. — У нас даже большого портрета Владимира Ильича нет.

— Упустил я этот вопрос из виду, — признался Голубев. — Надо послать кого-нибудь в город, достать портрет Ленина.

Разговор этот услышал Зайцев, бросил работу и, обращаясь к командиру, сказал:

— Можно обойтись и без города. Только вот где взять время? Машину кто в эти дни выпускать будет?

— Давай, Петро, действуй, о машине не беспокойся. Техник звена с мотористом обслужат твой самолет, — ответил Голубев.

— Завтра же и начинай, — поддержал Комлев. — Временем тебя не ограничиваю, понимаю, что это за работа. Но сам знаешь, нужно бы побыстрее.

Зайцев исчез из эскадрильи. Стоял полярный день, и света было достаточно в любое время суток. Он ходил по лесу, взбирался на сопки, выходил к озеру. Собирал шишки и иглы, листья деревьев и зерна сосны, сортировал по форме и цвету и все это раскладывал в папки и коробочки.

Кажется, вот она, эта галечка, найдена. Положит на ладонь, смотрит, смотрит на нее, а потом взмахнет рукой, и находка летит в воду.

— Не та!

Короткий тревожный сон. Петр внезапно вскакивает, с топчана, быстро подбегает к самодельному мольберту, передвигает листок, немного изменяет наклон иглы сосенки. Отходит... Смотрит...

Прищур, характерный только для одного человека на земном шаре, прищур глаз — не получается.

Петр сокрушенно вздыхает, без сожаления смахивает все на пол. И работа начинается заново.

У Комлева часто появлялось желание зайти в «мастерскую» художника, спросить, как идут дела, но не шел.

«В таких делах плохой я ему советчик. Когда надо будет — позовет сам».

И Петр позвал.

— Готов, товарищ капитан! — доложил Зайцев.

Голубев и Комлев вошли в «мастерскую».

— Петр! Да ты не понимаешь, кто ты есть! — воскликнул Голубев, целуя механика. — Да ты гений! После войны твой курс — в академию!

Недалеко от КП возвышался бугорок, покрытый бархатом зелени. Там и решили установить портрет вождя.

Ребров и Булатов сняли покрывало, и воины сразу же подтянулись, вытянули руки по швам. На них, как живой, смотрел Ленин.

Теперь, подходя к портрету вождя, сержанты и офицеры подтягивались, прикладывая руки к головному убору и чеканя шаг, проходили как возле знамени.

5

С северо-запада медленно надвигаются темные облака. Одно из них походит на какое-то сказочное животное, из пасти которого вылетает огонь — отсветы солнечных лучей; два круглых просвета, как глаза, устремлены на город.

Разрывая облачность, бомбардировщики быстро приближаются к обрыву туч. Они идут двумя группами, по двадцать самолетов в каждой.

Ведущий «юнкерс» проскочил тучу-чудовище и как только показался в отсвете луча, Комлев пошел в атаку. Алексей Булатов атаковал бомбардировщик, который вынырнул вторым. Удар был таким стремительным, что стрелки не успели ответить огнем, а летчики — сделать маневр. Разваливаясь на части, бомбардировщики полетели к земле.

Руководя боем, Комлев не переставал наблюдать за ведомым.

— Ближе подходи, Алеша, вот так, бей! — подбадривал Комлев.

Отчаянно дрались звенья Реброва и Блажко. И все же трем бомбардировщикам удалось прорваться к городу.

— Гильза, Гильза, я Ястреб. «Юнкерсы» прорвались, — передал Комлев.

— Видим, встретим, — услышал голос зенитчика.

В следующее мгновение он увидел громадный клуб дыма и огня. Это зенитный снаряд ударил в ведущего. От детонации взорвались бомбы у ведомых. Бесформенное месиво металла рухнуло в сопки.

— Молодцы, пушкари! — воскликнул Комлев.

— Пусть не суют свое свиное рыло, — ответил батареец.

Возвращаясь на аэродром, Блажко заметил на горизонте точку: к заводу с востока летел самолет. Он круто развернулся. Расстояние до противника быстро уменьшалось, но летчик видел, что «юнкерс» раньше придет к цели.

Блажко дал полный газ, отжал ручку. Темнеет в глазах, а Блажко шепчет одно: «Быстрее, быстрее!».

«Юнкерс» идет со снижением. Блажко дает очередь. Ответная трасса с бомбардировщика ударяет по бронестеклу истребителя, украшает его паутиной трещин. Чем-то обожгло лоб и ухо пилота. От горящего «юнкерса» оторвались бомбы и тут же выпрыгнул стрелок-радист, а вслед за этим Семен увидел на земле взрыв.

— Вот так-то! — удовлетворенно отметил Блажко, разворачивая машину.

...Еще долго на аэродроме царит послеполетное возбуждение. У капонира механики латают самолет Блажко, там летчик рассказывает о проведенном бое, тут, ближе к КП, любители сражаются в городки. Как будто и не было несколько минут назад смертельной опасности: слышны шутки, смех.

С забинтованной головой Семен Блажко сидит на плоскости своего истребителя, энергично болтает ногами. Рядом, навалившись на ребро атаки, стоит Дорофей Ребров. Он, вытянув тонкую шею и трогая мизинцем острый кадык, говорит:

— Вот это банька!

— Разве это банька? Вот горбатых сопровождать — это банька!

— А подходяще их было.
— Чем больше, тем лучше. Если бы их было меньше, разве бы мы столько нащелкали?
За этот бой многим по ордену на грудь повесят. Это как пить дать.
Над аэродромом появился штабной самолет ПО-2. Блажко посмотрел на него, соскочил с плоскости и сделанным испугом предупредил:
— Гроза летит! Ну, теперь держись, братцы! Машина сделала разворот и пошла на посадку. Семен, облегченно вздохнув, изрек:
— С ним батя, он отведет грозу.
Комлев доложил Локтеву и Дедову о боевых действиях авиагруппы.
— Как Блажко? — спросил Дедов.
— Дерется здорово. По-прежнему балагурит, но теперь, прежде чем сказать, думает.
Когда командиры подошли к машине Блажко, тот подтянулся и доложил, что механики готовят матчасть, а он с летчиками проводит разбор боевого вылета.
— Почему не в санчасти? — спросил Локтев.
— Рана пуляковая, нечего там делать.
— Парткомиссия утвердила решение партийного собрания. Поздравляю, — и Дедов вручил летчику партийный билет. — Храни его, как зеницу ока.
Семен взволнованно ответил:
— Не подведу. Доверие партии оправдаю!

6

После того, как были решены все вопросы, Локтев предложил сыграть в городки. Комлев не посмел отказаться, а Дедов согласился быть судьей.
Быстро составили команды, игра началась.
Сбросив фуражку, расстегнув воротничок гимнастерки, перекинув ремень через правое плечо, Локтев преобразился. Он стал похож на озорного деревенского парня, играющего в шаровки на загумнах.
Дедов радовался каждому удачному удару. Он, несмотря на тучность, то приседал, то легко подпрыгивал, перебежал с места на место.
Команда Локтева с первых минут сражения вышла вперед. Командир полка задает тон игре. Он долго целится, отступает назад, с подскока бросает биты. От сильного удара все городки вылетают из квадрата.
Команда Комлева растерялась, в ее рядах замешательство, игроки мажут.
— Представьте, что здесь нет ни командира полка, ни его заместителя, играйте спокойнее, — наставляет своих Комлев.
На «колбасе» у локтевцев застопорило: пробросали все биты, развалили фигуру, но ни одного городка не вышибли.
— А «колбаса», видать, жесткая. Зубы крошатся, — заметил Комлев.
— Не выкрошатся, все равно съедим, — уверенно ответил Локтев.
Однако комлевцы наверстали упущенное, в запасе у капитана команды осталась одна бита.
Выложили «колбасу». Комлев спокойно метнул биты. Она угодила в передний городок и... всю фигуру словно ветром выдуло.
Раздался неистовый крик и шум. Одни кричали: «Ура!», другие: «Браво!». Слышались возгласы: «Вот здорово!». Дедов в восхищении громко хлопал в ладоши.
Локтев занервничал. Его ноздри широко раздулись, тонкие губы плотно сжались. Он мазал раз за разом.
Кое-как удалось «распечатать конверт». Но тут биты перешли к противникам.
Когда команда Комлева выбила последний городок, Дедов подошел к капитанам, поднял их руки и крикнул:
— Физкульт!

Ему дружно ответили:

— Ура!..

Капитаны команд обменялись крепкими рукопожатиями.

Часть вторая

Глава I

1

Шли дни. Сентябрь 1943 года стоял дождливым и снежным. У командования дивизии появилась возможность предоставлять офицерам краткосрочные отпуска.

Еще час назад был снегопад. Но вот ветер с залива принес влажные тучи, заморосил дождь, превращая в кашу снег на летном поле. Серые облака поглотили вершины: горы кажутся сплюснутыми, придавленными.

— Ну вот, Никита Кузьмич, завтра на юг летит транспортный, и ты через несколько дней будешь дома, — сказал командир полка Локтев, подавая Комлеву отпускное удостоверение. — Сегодня можешь не ходить на задание.

— Зачем изменять боевой расчет, настрой летчиков?

— Воля твоя.

К полудню небо очистилось, посветлело. Комлев ожидал сигнала для вылета. К нему подбежал Голубев и передал письмо. Никита взглянул на конверт и узнал почерк Виктора Хмары.

— А это вот увези Клаве, — попросил Голубев.

— Прилечу, тогда и отдашь. Посылку приготовь, тоже увезу.

— Нет, возьми сейчас. Оно ведь не в тягость. Когда напишешь письмо и опустишь в ящик, даже зная, что оно еще не ушло, чувствуешь себя легче.

— Я-то не почтовый ящик...

Взвилась ракета. Комлев сунул письма в карман гимнастерки и повел машину на взлет.

Из-за белых вершин взошло солнце, осветило скалы, позолотило лес. Под крылом проплывает родная русская северная земля — суровая и прекрасная.

Впереди показалась бурная Тулома. На берегу реки, как ориентир, высится сопка. По ее склону сбегают вековые сосны. Одна вырвалась далеко вперед, остановилась над самым обрывом в нерешительности да так и осталась стоять одинокая, стройная, высокая, даже в тихую погоду не переставая качать ветвистой вершиной.

— Лермонтовская сосна! — вспомнил Никита, увидев это дерево, у которого однажды останавливался, проезжая на автомашине по шоссейной дороге. Вспомнилась и надпись, высеченная на большом камне:

На севере диком стоит одиноко

На голой вершине сосна.

И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим

Одета как ризой она.

Чьи-то заботливые руки окружили сосну изгородью, разровняли камни.

В тот раз в попутчики к летчикам попросился дед из Колы. По дороге он с жаром рассказывал, что у этой сосны отдыхал, возвращаясь с охоты, Михаил Юрьевич Лермонтов. Когда же летчики заявили, что Лермонтов никогда в этих краях не был, старик кровно обиделся и обозвал всех невеждами. Он отвернулся и остаток дороги ехал молча. Даже не попрощался, когда слез с машины на развилке дороги. Вспомнив об этом эпизоде, Комлев улыбнулся.

К северу вершины гор становились все острее, а вдали вставали зубчатой стеной. Небо нежно-голубое, высокое и бездонное. Под солнечными лучами снег отливает голубизной, а на вершинах вспыхивает яркими золотыми искрами. Они то погаснут, то вновь заиграют алмазной россыпью.

Яркий день оборвался над линией фронта. Здесь все небо зашторено тучами, и чем

дальше в тыл врага, тем они все ниже и ниже. На юго-западе, куда лежал курс, темно.

Это не помешало Комлеву увидеть «юнкерсов», направлявшихся в сторону фронта. Комэкс передал приказ ударной группе атаковать врага, а сам, во главе четверки, пошел со штурмовиками. По западному склону сопки вытянулись длинные строения — артиллерийские склады. Их и надо уничтожить.

Ведущий передал команду, и летчики перестроились в правый пеленг — боевой порядок, при котором самолеты летят уступом, один за другим. Командир штурмовиков с пологого пикирования сбросил на цель бомбы. Удар был метким, а взрывы настолько сильными, что даже в небе летчики почувствовали их. Громадный клуб дыма закрыл единственное окно в облачности, на земле стало темнее. Вошедший в атаку второй штурмовик скрылся в черном дыму, и истребители взволновались за его судьбу.

Однако не отсюда пришла опасность. Два «мессершмитта», выскочив из-за сопки, с бреющего полета пошли в атаку.

— Внизу справа «мессеры», — предупредил Комлев и с полупереворота бросил машину на перехват врага. Немецкие самолеты отвернули, один из них, попавший под огонь Булатова, рухнул на сопку.

Из облачности вывалились четыре «Фокке-Вульфа-190» — новейшие истребители, на которых немцы возлагали большие надежды.

— Ребров, оставайся с «горбатыми».

— Вас понял, — услышал Комлев и развернул свою «семерочку» в новую атаку. Он решил боем сковать истребителей врага и дать возможность товарищам спокойно уйти домой.

— Остались одни, смотри внимательней, не отрывайся, — предупредил Комлев Булатова и, развернувшись влево, ввел самолет в головокружительный вираж.

Надрывно ревет мотор, непрерывной ровной лентой с консолей срывается бледно-сизоватый воздух. Становится трудно дышать, в глазах темнеет, свинцовой тяжестью наливается тело. Комлев знал, что «фокке-вульф» маневреннее «мессершмитта», его вираж меньше радиусом и выполняется быстрее. Еще секунда, еще... Комлев тянет на себя ручку, горизонт уже не плывет, а летит с сумасшедшей скоростью навстречу. Вот в прицеле показался хвост «фокке-вульфа», подплывает кабина. Но как медленно, медленно она плывет. «Яшу» лихорадит. Еще полметра — и можно открывать огонь. Вот, вот... Комлев нажимает на гашетки, но «фокке-вульф», сделав неожиданный маневр, выскальзывает из-под огня.

— Э, черт! — выругался летчик и осмотрелся.

Булатов в клещах. Надо выручать! Единственный маневр — лобовая атака. Молниеносно сближаются самолеты на встречных курсах. Немец попался упрямый, не отворачивает. В перекрестье прицела стремительно увеличивается силуэт самолета противника, занимая все больше и больше делений. Правая рука до боли сжимает управление, левая с силой давит на сектор газа. Он отдан до отказа, но рука все жмет и жмет. Тело летчика устремлено вперед. Силуэт закрыл все деления. Еще мгновение — и конец... В прицеле желтое брюхо врага. Немец не выдержал, рванул на себя ручку и полез вверх. Комлев нажал на гашетки. Из пушки и двух крупнокалиберных пулеметов вылетел шквал огня. Немецкий самолет развалился на части. Струей воздуха ЯК-3 резко переложило с крыла на крыло.

В первые секунды после выхода из лобовой атаки Никита не мог оценить происшедшего. Он взглянул на приборную доску: обороты винта предельны. Прибрал газ. Сразу и летчику и машине стало легче. Во время атаки Комлев прикусил, нижнюю губу, пот и кровь смешались во рту. Он сплюнул, распухшим языком облизал сухие, воспаленные губы. Кистью левой руки смахнул пот со лба, протер глаза. Ноги и руки от перенапряжения дрожали. Осмотрелся. Булатов идет на сближение. Немцы больше не пытаются атаковать.

— Ну, как ты там, орел? — крикнул Комлев, стараясь подбодрить товарища.

— Ничего! Здорово получилось! Глазом не успел моргнуть, как вы долбанули его.

Самолеты вошли в облачность.

Постепенно серая мгла стала редеть, становилось все светлее и светлее. Яркие лучи

солнца пронизали гряды молочно-белых облаков. Такой картины с земли увидеть нельзя! Только что выйдя из смертельного боя, Комлев любовался ею, как будто видел впервые. Секунды, в которые он разрешил себе это, оказались роковыми. Он скорее почувствовал, чем увидел, тень вражеского самолета и в то же мгновение машина вздрогнула всем корпусом, вздыбилась, как боевой конь, потом клюнула носом и нырнула в облачность.

«Неужели конец? Прыгать!»

Летчик дернул на себя аварийную ручку. Колпак должен был отлететь, но не шелохнулся.

«Вот ясное море!» — подумал Комлев, отстегнул ремни и, опершись ногами в пол, ударил в колпак головой. В кабину с шумом и свистом ворвался воздух. Летчик, с трудом приподнялся и высунул голову. Поток воздуха выхватил его из кабины. От динамического удара при раскрытии парашюта в глазах потемнело, послышался звон в ушах. Комлев осмотрелся: над головой надежный купол парашюта, под ногами — пенистые волны фиорда. От мысли, что предстоит выкупаться в ледяной воде, по спине забегали мурашки. Но ветер сносит его в сторону берега, где там и сям виднеются разноцветные домики.

Земля кажется мирной и тихой.

Однако мысль о возможности принять холодную ванну быстро сменилась другой: «Немцы решили меня доканать». Комлев увидел заходящего для атаки «мессершмитта», хотел сманеврировать, подскользнуть, взялся за стропу парашюта, но сил для преодоления сопротивления воздуха не хватило. «Мессершмитт» вошел в пикирование. Вот он ближе, ближе... Сердце Комлева сжалось.

С гулом мотора слилась трескотня пулеметов и тьякканье пушек: шесть огневых линий сверкнули перед ним, но трасса прошла в метре от летчика. В бессильной злобе Комлев погрозил немцу кулаком и крепко выругался.

При второй атаке пули пролетели еще ближе. Сделав два покачивания с крыла на крыло, самолет скрылся. «Жив, пока жив!» — обрадовался Комлев. Парашют несло боком, но исправить положение было уже нельзя. Поодаль мелькнул маленький, словно игрушечный, желтый домик. Никита увидел стоящих на крыльце женщину и девочку.

Земля летит на Комлева все быстрее и быстрее, кольцо горизонта с возрастающей скоростью сужается, как будто он спускается в воронку. Удар!.. Земля выскочила из-под ног и стремительно полетела вверх, небо дном огромной чаши опрокинулось вниз. Все слилось в один разноцветный вращающийся диск...

2

Каждый раз, когда самолеты возвращаются с боевого задания, на аэродроме царит волнение, все до крайности возбуждены.

Механики встречают машины, мотористы заправляют горючим, маслом, заливают охлаждающую жидкость, оружейники заряжают пушки и пулеметы.

Волнуется командир полка Локтев. Он непрерывно вызывает по радио «чирков», а те как в рот воды набрали.

Посмотрел на часы.

Наконец далеко-далеко на горизонте появилась тоненькая черточка. Словно кто-то карандашом черкнул. Она все увеличивалась, росла и превратилась в силуэт самолета. Затем послышался неровный, прерывистый рокот мотора.

Над аэродромом пролетел Булатов. Мотор работает с перебоями, «яша» летит как-то неестественно, юзом.

Вот летчик начал выполнять третий разворот. Самолет вздрогнул и, сорвавшись в штопор, скрылся за вершиной горы. Все замерли. Но вдали снова раздался гул мотора, захлебывающийся, с сильными хлопками. Из-за горы показался истребитель. Он летит медленно, словно тащит в гору непосильный груз.

Когда истребитель вновь появился над аэродромом, Локтев приказал летчику набрать

высоту и оставить машину. Слышал ли эту команду Булатов? Трудно сказать. Ответа не последовало. А если бы и слышал! Да кто же похоронит раненого друга? А бросить самолет, когда еще есть надежда спасти его, то же самое, что похоронить еще живого друга.

И вот новый заход на посадку. Одно колесо недовыпущено. Истребитель коснулся земли, прокатился несколько метров и, воткнувшись носом в землю, загорелся.

Друзья вытащили из кабины потерявшего сознание пилота. Через минуту было потушено и пламя.

Хмурые после тяжелого дня возвращались люди в землянки.

— Снег повалил! — сообщил дежурный, входя с охапкой дров.

Эти слова встревожили летчиков.

— Туго сейчас приходится нашему комэску, — озабоченно проговорил Блажко.

— Если он только жив, — заметил кто-то.

Вошел парторг Голубев. Заговорили о проведенном вылете.

— Не унывайте, ребята, не будет он Комлев, если не выкрутится, — сказал Голубев. — Вернется. Так что спите спокойно, утро вечера мудренее.

Первым после бессонной ночи вышел на улицу лейтенант Блажко. В предрассветном небе мерцали холодные звезды. Подморозило. Хилые заполярные березки склонились под тяжестью льда. Семен наскоро освежился холодной водой и, вздрагивая, вернулся в землянку.

— Лед! Дождь ночью был, — лязгая зубами от холода, сообщил он. — Замерз где-нибудь Никита Кузьмич.

— Нет, товарищ лейтенант, командир наш жив, — возразил Дорофей Ребров. — Видел его во сне сегодня. Подошел он ко мне, положил руку на плечо и спросил: «Как дела, Дора? Хорошо ли отдохнул? Тепло ли было в землянке?» Вот как с вами, так и с ним разговаривал. Эх, если бы знал, где он, через сопки и болота кинулся бы на выручку.

— Ты думаешь, другие не кинулись бы? — отозвался Блажко.

3

Комлев не знал, сколько времени он пролежал без сознания. Когда пришел в себя и понял, что произошло, отстегнул лямки парашюта и кинулся к ближайшему кустарнику.

Обычно летчики прикрепляли шоколад к лямке парашюта, на случай оставления самолета в воздухе. Комлев вспомнил о шоколаде, хотел было вернуться, но...

— Хальт! Хэнде хох! — раздался лающий окрик. Комлев вздрогнул. В двадцати шагах от него стоял немец. Автомат направлен в бок Комлеву.

Сердце заныло, но мысль заработала быстрее.

Плен! Нет, это не укладывалось в голове. Лучше смерть. А жить-то так хочется! Левая рука стала медленно подниматься и одновременно Комлев стал поворачиваться к немцу лицом. Фашист уверенно повторил:

— Хэнде хох!

Комлев выхватил из кобуры пистолет и выпустил одну за другой три пули. Враг упал, но Никита не был уверен, что убил его, и тоже упал за кочки, прижался к земле.

Через несколько секунд застрочил автомат, пули со свистом впивались в кочку, за которой укрывался летчик. Комлев не подавал признаков жизни. Стрельба прекратилась. Немец приподнялся, вытянул шею, всматриваясь в кочки. Комлев уже спокойно навел пистолет и выстрелил. Солдат взмахнул руками и рухнул навзничь.

Комлев пополз по-пластунски, от кочки к кочке, к огромному серому камню, потом вскочил и побежал к нему. Там защита! А за спиной раздалась отрывистые громкие голоса, защелкали автоматные очереди, засвистели пули. Пригнувшись, он петлял из стороны в сторону. В голове звенело, казалось, вот-вот разорвется сердце, но он все бежал и бежал. Ноги подкашивались, силы убывали, нестерпимо мучила жажда. Хотя бы глоток воды, хотя бы каплю... По заболоченному торфяному полю пробегал ручеек. Живительная влага, глоток которой прибавил бы силы. Но в этот миг Комлев вспомнил о записной книжке. Он выхватил

ее, бросил под ноги и, не останавливаясь, вдавил в топь. Вот и валун. Комлев навалился на него, сбросил с головы шлемофон, перевел дыхание. Метрах в тридцати кустарник. В несколько прыжков Комлев достиг зарослей. Пули противно жужжали, срезая ветки. Под ногами зачавкала вода. Болото! Комлев нагнулся, на бегу схватил горсть болотной жижи, прижал к распухшим губам. Бежать стало легче.

Ветки били по лицу, но Комлев не обращал на это внимания. Впереди, сквозь кусты, он увидел сетку, ровно натянутую по земле. Летчик почему-то подумал, что это минные поля, хотя раньше их видеть не приходилось.

— Э, не все ли равно, на mine подорваться или пулю в затылок получить, — решил Комлев и выскочил из кустов.

...Дорога, а на ней, метрах в пятидесяти, фашист.

— Эх, ясное море, перекрыли! — Комлев свернул в сторону.

Немцы остановились, что-то кричат. Пролетели только секунды, но время было выиграно. Комлев оторвался от преследователей.

Кустарник стал редеть, ноги все больше и больше вязли в болоте. Кругом поваленные кусты с вывороченными корнями, будто здесь только что прошел ураган. Комлев запнулся и... упал. Не было сил подняться. Бездействие — смерть. Это он понимал. Напрягая последние силы, пополз. Широкие корни и густые ветки одного куста стали хорошим укрытием.

Крики и стрельба отдалились. Голоса слышались все глуше, стрельба реже. Наконец все смолкло...

Никита насторожился. Прошла секунда, вторая, третья, быть может, минута, а установившуюся тишину ничто не нарушило. «Кажется, ушел», — подумал он. Теперь можно было оценить обстановку и принять решение, что делать дальше. Заменял в пистолете полупустую обойму. Девять патронов: семь для врагов и два для себя, на случай осечки. Хотелось курить. Пренебрегая опасностью, повернулся на левый бок, вынул из кармана портсигар. Вспомнил Петра Зайцева. «Молодец, спасибо тебе, Петя. Как пригодился твой табачок!»

Когда механик перед стартом положил в карман летчику деревянный портсигар с табаком, то ни он, ни Комлев не думали о том, что табак пригодится. Папиросы размокли, и махорка была сейчас кладом. От глубокой затыжки приятно закружилась голова.

Быстро наступала темнота. Вдруг вдали послышался лай собак. Одни лаяли протяжно, с визгом, с подвыванием, другие — отрывисто, грубо, третьи — с хрипом. Вслед за лаем донеслись голоса немцев.

Никита сжался в комок, плотнее приник к болотной жиже. «Ну, теперь все!» — обожгла мозг страшная мысль. Шли нескончаемо длинные минуты. Комлев вспомнил Бозора Мирзоева. Может, где-нибудь здесь, поблизости, в болотной трясине нашел он свою смерть? А что будет с ним, Никитой? Что думают товарищи? Вернулся ли Анатолий Булатов? А если не вернулся?

«Надо быть ко всему готовым», — подумал Комлев. Чтобы в случае смерти враги не смогли установить номер части, он достал удостоверение личности и вместе с отпускным удостоверением спрятал в корнях куста. Партийный билет Комлев оставил при себе. И мертвый, он будет прижимать к груди эту маленькую книжечку.

Лай собак, крики немцев и хлюпанье ног в болотной жиже слышались все ближе и отчетливее. Никита замер. Но свора пронеслась мимо. Опасность временно миновала, и он снова стал думать не о смерти, а о жизни.

Завтра, с отпускным удостоверением в кармане, он летел бы домой, к жене, детям, матери. Комлев достал изрядно потрепанную, поцарапанную орденом винтом фотографию. Она тоже останется с ним до последней минуты. Милые, родные. Никита прижал к пересохшим губам фотографию.

«Родные, если бы я мог вас обнять в последний раз, проститься с вами!».

И, словно это было вчера, он услышал голос Веры, ее последние слова, которыми

проводила его на фронт: «Я верю в тебя, Никита, знаю, что с тобой ничего не случится, ты вернешься домой. Обязательно будешь дома. Слышишь, обязательно! Я буду ждать тебя, Никита!».

Лежа в холодной воде, Комлев продрог, но левая нога горела, как в огне. Когда и при каких обстоятельствах получил рану, он не помнил.

Остаться здесь дольше нельзя, надо действовать. И Комлев, приподнявшись на локтях, осторожно выполз из-под куста. Зажгло в правом плече.

Вода... кочки... кустарник. Никита полз медленно, осторожно. Каждое движение вызывало острую боль. Куда ползти? Небо закрыто сплошными тучами, ни одного просвета. Впереди — неизвестность. Но надо, надо двигаться вперед. А что ждет там, впереди?

Под руку попала суковатая палка. Летчик подобрал ее. Опираясь на палку, приподнялся, сделал шаг, еще, еще — идти можно.

Подул легкий ветерок. На небе стали проступать звезды. Теперь уже легче. По звездам летчик определил направление, наметил вдали ориентир — высокую сопку — и направился к ней.

В темноте земля кажется ровной, сопки вдали — расплюснутыми. Вдруг правая нога погрузилась во что-то мягкое, жидкое. Инстинктивно Комлев переступил левой, но и эта нога завязла. Все тело медленно потянуло вниз. Трясина! «Вот и конец! Даже следа не останется от меня! Как все это глупо! Уйти от пули, чтобы захлебнуться в гнилой болотной жиже. Спокойно!» — приказал себе Комлев и замер. Потом лег на живот. Погружение как будто приостановилось. Он выбросил палку вперед и потянул на себя. Палка подалась свободно. Но он продолжал орудовать палкой, пока она не зацепилась суком за твердый грунт. Комлев начал вылезать из трясины. Сантиметр... еще сантиметр... еще... Левая рука дотянулась до кочки. Наконец-то!

Выбравшись на твердую почву, он пошел прочь от этого страшного места. Порой, теряя сознание, падал на камни. Тело ныло от усталости, болела нога, но он шел и шел, не зная куда — навстречу ли новой опасности или к своему спасению. Много времени прошло, пока взобрался на вершину сопки. Там лежал большой камень. Одна сторона его обрывалась стеной. Здесь, за ветром, летчик решил сделать привал и в изнеможении опустился на землю. Вынул из кармана маленькую коробочку. В ней было шесть витаминных конфет. Хотел одну положить в рот, но сдержался: еще неизвестно, что впереди.

Пошел мелкий, морозящий дождь. И без того мокрая одежда на этот раз промокла до нитки. Потянуло ко сну. «Не спать, не спать!» — командовал себе Комлев. Но веки смыкались. На минуту забылся и явственно услышал лязг гусениц танков и ясный русский говор: «Он здесь, он должен быть где-то здесь!»

Быстро вскочил, но кругом было тихо. Дождь прекратился, зато крепче ощущался холод. Куртка и брюки обмерзли, стали твердыми, словно футляр.

«Эх, ясное море! Чуть не уснул. Так можно и замерзнуть», — ругал себя Комлев, разминая одеревеневшие члены.

Сквозь частокос соснового леса проглянула холодная луна. Опираясь на палку, Комлев пошел на восток.

Наступил рассвет. Поднялось позднее осеннее солнце. Комлев сел на ствол поваленного бурей дерева. Снова посмотрел на свои продовольственные запасы. По три конфеты в день — на двое суток хватит, по две — на трое. Позавтракал одной конфетой.

Посмотрел на письмо Голубева и с горькой усмешкой подумал: «Когда же теперь доставлю его адресату?».

Виктор Хмара писал простым карандашом, и вода не очень испортила письмо. Комлев разобрал каждое слово. Хмара сообщал, что ему присвоили звание старшего лейтенанта, наградили орденом Красного знамени, что теперь он командует ротой.

Комлев живо представил себе механика, которого на аэродроме почти ежедневно преследовали неудачи. «Где он со своими орлами теперь? Не придет мне на помощь.

Слишком далеко я приземлился».

Пригрело солнце. Подперев рукой голову, летчик задумался. С досадой он вспомнил свои ошибки во вчерашнем бою. Зачем надо было после боя выходить из облачности! Зачем?

Утреннюю тишину нарушило гудение моторов немецких самолетов. На небольшой высоте они пролетели над Комлевым. Но вот он услышал другой, знакомый гул. Это в безоблачной выси шли свои. Радостно забилося сердце. Он встал и снова побрел.

Три дня и три ночи то шел, то полз Комлев, под дождем, под снегом. Питался ягодами. Однажды на пути встретился сохатый. Пока Комлев раздумывал, убить его или нет, лось спокойно скрылся в лесу.

Наступила четвертая ночь. Комлев уже не шел, а полз. Впереди открылось большое озеро. На том берегу — родные, русские сопки, там Родина! Опираясь на палку, с трудом встал на ноги. Холодный порывистый ветер пронизывал до костей. По небу, словно сказочные бойцы-великаны в шинелях с рваными полами, бежали тучи. Зарядами валил снег.

— Эх, ясное море, засыплет-заметет! — Комлев поправил на голове подшлемник.

По шоссе промчался автомобиль. Комлев повернул от озера и поковылял к дороге. Еще есть патроны, рука способна нажимать спусковой крючок, а глаза видят цель. Только бы не упасть и не потерять сознание. Уж если смерть, так в бою.

4

Темная осенняя ночь. Барабанит по крыше дождь, плачут окна. В доме почти все спят. На коленях, уткнувшись головой в подушку, тихо посапывает Гена. В короткой рубашонке, разбросав руки и ноги, сладко спит Наташа. Глубоко дышит на печи бабушка.

Вывернув фитиль в лампе, Вера Комлева села за Стол проверять ученические тетради. «Чем-то они сегодня порадуют меня», — подумала, беря первую тетрадку из стопки. Она медленно водила над строчками ученической ручкой, со следами детских зубов.

— На Мурманском направлении наша авиация совершила массированный налет на военные объекты противника, — услышала Вера голос диктора и насторожилась. — В ожесточенном воздушном бою наши летчики сбили девять самолетов противника. Один наш самолет не вернулся на свой аэродром.

Сердце тревожно забилося, в глазах зарябило, строчки запрыгали... «Неужели? Нет, нет! Не может быть...»

Вера закрыла глаза, застыла в неподвижности.

«Что же это я расстраиваюсь, ведь истребители не делают налетов на вражеские тылы», — успокаивала она себя.

Открыв глаза, увидела на странице красную кляксу. «Детей ругаю за неряшливость, а сама не лучше», — укорила себя. — У, как сильно разгорелась лампа, совсем не берегу керосин». Убавив свет и придвинув поближе лампу, Вера продолжала работу.

«Ох, уж этот мне Шура, снова ту же ошибку допустил, — поставила на полях галочку. — Нет, он не мог ошибиться. Не первый год летает. Надо с ним дополнительно заняться, у него пробел со второго класса, второй раз эту ошибку делает. Но Шура-то маленький, а Никита взрослый, Никита не мог допустить, чтобы его сбили».

Мысли бежали круговоротом, одна за другой. По телу прошла нервная дрожь, в локтях и под коленками ныло.

«Что же это я, в самом деле?! Взять себя в руки, может быть, он и не летал в этот день, а я, дурочка, не могу уже и тетради проверить».

Вера встала, опираясь на стол и стулья, подошла к кровати и поправила на дочке одеяло, потом вышла на кухню. Умывшись холодной водой и стараясь больше ни о чем не думать, легла в постель, но долго не могла уснуть.

...В легком цветном платье Вера вышла из рожи и подошла к Белому Яру.

Под обрывом тихо течет река, вода такая светлая, такая прозрачная, что виден каждый камушек на дне. В воду смотрятся ветвистые березки. Вдали за рекой раскинулись луга,

заросшие кустами тальника. До чего же знакомы эти места! Здесь они с Никитой не раз играли в детстве, играли весело и беззаботно. «Кто это такой?» — подумала Вера, увидев мужчину, поднимавшегося по обрыву. Он цеплялся за ветки, под ногами осыпалась галька и падала в воду. Мужчина срывался, но продолжал карабкаться.

— Никита! — радостно вскрикнула Вера и хотела броситься ему на помощь, но перед самым обрывом ноги подкосились. Вера протянула руки, а он поднял голову и весело ей улыбнулся. Он все ближе и ближе, вот уже готов схватиться за ее руку, но берег осыпается и Никита летит под обрыв...

Обливаясь холодным потом, Вера проснулась. Она быстро скинула с себя одеяло и села на койке.

— Никита, милый, ну почему ты так долго не едешь, почему? — простонала Вера.

5

У ворот школы Веру встретила девушка-почтальонка и вручила письмо.

— Вот спасибо-то, дай я расцелую тебя, — обрадовалась Вера. — Ну и дуреха, ну и дуреха, услышала вчера по радио, что на севере не вернулся самолет, и всю ночь не спала, — распечатывая конверт, говорила Вера. Читая на ходу, она радостно улыбалась.

Вера повернулась, чтобы пойти домой, сообщить радостную весть свекрови, расцеловать ребятишек, но, взглянув на часы, остановилась. До урока оставалось пять минут. А свекровь уже отвела внуков в садик, сама ушла на ферму. Вера побежала в школу.

— Ты чему улыбаешься?

— Ой, девчонки, не говорите: едет, Никита домой едет, — схватив в объятия пожилую учительницу и кружа ее на месте, радостно сообщила Вера.

Внезапно нахлынувшее счастье сделало Веру моложе и красивее. Яркий румянец разлился по круглым щекам, черные глаза весело заискрились.

Сегодня Вера решила нарушить план урока. Она отодвинула тетрадь в сторону и, обращаясь к детям, звонко и весело проговорила:

— Ребята! Пишите сочинение на свободную тему, кто о чем хочет.

Ученики углубились в тетрадки. В классе слышалось посапывание да скрип перьев. Вера подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. За окном боролся с наступающим сном сад. Земля уже укрылась разноцветным ковром, на деревьях еще шумят редкие желтые листья.

«И он тоже сажал деревья, только не знаю, которые. Что же никогда об этом не спрошу? Надо обязательно спросить, когда приедет. Вот эти кусты акации мы с братом сажали».

Вечером в доме Комлевых было весело и радостно. Маленькая Наташа восторженно визжала и лепетала:

— Папа, папа едет!

Гена пристал к бабушке с вопросом:

— Где моя сабля?

— Зачем она тебе?

— Я с папой на фронт поеду.

— Зачем ты туда поедешь?

— Немцев бить.

— Господи, вот твоя сабля, под койкой.

Геннадий извлек деревянную саблю, положил ее на плечо и, маршируя по комнате, приговаривал:

— Ать, ать, ать!

Матрена Савельевна сидела и думала о том, что хорошо, если бы ее сыновья нагрянули к празднику вместе. Она рисовала себе встречу, думала, как и чем будет их угощать.

Глава II

Комлев перебрался через канаву и вышел на шоссе. Идти стало легче. Черная лента дороги огибала кустарник. Сквозь ветви пробились два тоненьких, движущихся лучика, а минуту спустя, послышалось легкое шуршание велосипедных шин. Никита остановился. Пути к отступлению нет. Быстро выхватил из кобуры пистолет, приготовился.

— Стой! Хэнде хох! — тихо, но властно скомандовал Комлев, когда двое велосипедистов выехали из-за поворота.

Оторопевшие, они спешили и, ударяя пальцами себя в грудь, наперебой заговорили:

— Норге! Норге!

Один был совсем юноша, другой — мужчина средних лет. Одеты в одинаковые спортивные куртки, за плечами рюкзаки. Комлев понял, что это мирные норвежцы. Те тоже немного успокоились при виде человека, который не угрожал, а, скорее, просил о помощи.

Знаками Комлев показал, чтобы мужчины сошли с дороги.

— Хлеб, хлеб! — проговорил он.

Норвежцы смотрели недоуменно, не понимая, что он от них хочет.

— Брот, брот, — вспомнив немецкое слово, повторил Комлев, одновременно показывая на рот.

— Клип! Клип! — оживились норвежцы и наперебой что-то стали говорить ему, пожимая плечами. — Брот нах хауз, — показывали они руками в сторону.

Комлев догадался, что они приглашают домой.

В пути, когда Комлева оставляли силы, его бережно поддерживали норвежцы.

Деревья резко выступали на фоне яркого зарева. Когда Яутйки вышли на опушку, Комлев увидел в центре небольшого селения догоравший дом. Вокруг освещенные пламенем ходили немецкие солдаты с автоматами в руках.

«Неужели предадут?» — мелькнуло в голове Комлева, и он до боли в суставах сжал пистолет.

Норвежцы свернули вправо. Подошли к дому с теневой стороны. Немного постояли.

Когда Комлев оказался в маленькой теплой слабо освещенной комнате, голова закружилась, по телу прошел озноб, и он бессильно опустился на стул.

Очнулся от глотка коньяка в мягкой постели, укрытый теплым одеялом. Осмотрелся. Рядом ласково улыбаются двое норвежцев. Раны перевязаны чистыми тряпками. На маленьком столике стоит ужин: кружка с молоком, отварной картофель и ломоть хлеба. Комлев с жадностью принялся за еду. Хозяева знаками стали показывать, что надо есть меньше, а то будет плохо.

Фотографии в немудреных рамках на стенах, домотканые половики на полу, керосиновая лампа-молния, висевшая под потолком, — весь вид комнаты успокаивающе действовал на летчика. Но сознание, что за стеной враги, настораживало офицера. Все же усталость взяла свое.

Из полусонного состояния Комлева вывело прикосновение чьей-то руки. Над ним склонился Мартин Вадсен, хозяин дома, встретивший Комлева в горах. Никита уловил беспокойный взгляд его светлых глаз.

Мартин, подавая ключи, что-то говорил Комлеву. Но тот, чувствуя себя так, словно его пропустили через молотилку, не мог пошевелиться. Поняв, он взглядом указал, чтобы хозяин закрыл двери снаружи.

Когда щелкнул замок и Комлев остался один, его вновь охватила тревога. Куда и зачем ушел хозяин? Что, если... И Комлев сжал пистолет... Беспокойное течение мыслей прервал раздавшийся за стеной отчаянный крик женщины и следом — звонкий детский плач.

Комлев не помнил, как он дополз до двери, за которой происходило что-то непонятное и,

как ему казалось, страшное. Но тут силы окончательно оставили его.

Тем временем Мартин возвратился и провел врача к роженице другим ходом.

Все что мог сделать врач, — это дать заключение о причине смерти жены. Преждевременные роды со смертельным исходом для роженицы вызваны ударом в живот.

Получив плату за вызов, врач ушел, а Мартин Вадсен с дочерью на руках склонился над постелью жены. Она словно бы уснула после тяжелого непосильного труда.

Перед глазами норвежца встали картины из их жизни.

После женитьбы Мартин Вадсен получил небольшой участок земли, часть которого была завалена камнями, а часть покрыта болотными кочками. Сколько труда было вложено, сколько пота было пролито, чтобы клочок суровой земли стал плодородным, чтобы построить дом и обзавестись скотом! Одному богу ведомо!

Зажили они с супругой довольно-таки сносно, не жаловались на судьбу, надеялись, что придет время и у них появится наследник.

Но вот весной 1940 года в их страну ворвались враги. Они прожорливой саранчой объедают крестьян, бесчинствуют, угрожают, бросают людей в концлагери.

На земле Мартина Вадсена и его односельчан немцы устроили военный аэродром, лошадей и коров забрали. Мартин и его жена стали работать в подсобном хозяйстве немецкой военной части.

Так нежданно-негаданно потомок гордых викингов, свободный норвежский крестьянин превратился в немецкого раба.

За годы оккупации Мартин Вадсен ссутулился, походка его стала настороженной, голова втянулась в плечи. Ему еще не было и тридцати лет, а выглядел он пожилым человеком.

И вот новое испытание.

В среду жена еле-еле прибрела домой и, не раздеваясь, легла в постель. Чем-то она не угодила немецкому солдату — надсмотрщику над рабочими подсобного хозяйства — и он в злобе ударил ее кованым сапогом в живот. Наутро она уже не могла встать. А в пятницу оставила новорожденную сиротой.

— Дьяволы в человеческой коже, — скрежеща зубами, простонал Мартин. — Запомните, придет время, рассчитаюсь за все.

В раздумьях о своей судьбе Мартин забыл о человеке, которого оставил в соседней комнате и который нуждался в его помощи. Норвежец встрепенулся, встал. Оставив дочку на попечение старой соседки, а Комлева вновь уложив в постель, пошел за надежным человеком.

3

Приближался рассвет. На горизонте появилась густая синева, первый предвестник скорой зари. В этот ранний час в комнату вошел мужчина лет пятидесяти, высокого роста, широкоплечий, длиннолицый. На нем поношенное коричневое пальто, фетровая шляпа, полуботинки. При входе неизвестного рука Комлева невольно потянулась под подушку, нащупала пистолет.

— Многие лета, — поздоровался незнакомец по-русски и представился: — Эдгард Хансен. Как ваша нога?

Приподнявшись на локте, Никита спросил:

— Вы врач?

— Я инженер, но это неважно, — осматривая рану, ответил незнакомец и покачал головой. Обращаясь к хозяину, он что-то произнес, и тот, кивнув головой, вышел.

Эдгард Хансен придвинул плетеный стул к койке, поудобнее уселся на нем и коротко рассказал о себе.

— Я работаю инженером на заводе в Киркенесе, я живу недалеко отсюда, в своем доме. Мой дом стоит на берегу озера, окнами смотрит на Россию. Каждый день я вижу русскую землю и вспоминаю Мурманск, в котором когда-то жил и работал. В молодости я был рыбаком, много лет плывал с русскими в Баренцевом и Норвежском морях, ловил рыбу.

Русские — хорошие парни. Эдгард Хансен сделал паузу и ею не замедлил воспользоваться Никита Комлев.

— Участники экспедиций Руаля Амундсена, мои соотечественники Александр Кучин и Геннадий Олонкин очень хорошо отзывались о норвежцах, с которыми им довелось многое пережить. А теперь я сам вижу, что за люди норвежцы.

— Спасибо комплимент. Как у дедушки Крылов: кукушка хвалит петуха, а он кукушка, — ответил Эдгард Хансен. — Но это между прочим.

Вернулся Мартин с какой-то жидкостью в бутылке и с бинтом. Промыв рану, Эдгард сделал перевязку. Боль в ноге сразу стала утихать.

— Ну как, идти, наверное, не сможете? — снова обратился он к Комлеву.

— А что?

— Видите ли, — немного смущаясь, начал Хансен. — Могут зайти сюда наци с проверкой и тогда... Петля ему будет, — кивнул он в сторону Мартина.

— Да-да, мне все понятно, — перебил Комлев. — Я уйду, конечно. Передайте хозяину большое спасибо за помощь.

Свесившись с койки, он стал доставать сапоги.

— Куда вы, куда? — тревожно спросил Эдгард.

— Вы не беспокойтесь, на улице еще темно. И если даже встретят меня немцы, они не узнают, что я вышел отсюда.

— Погодите, вы меня не поняли! Я хотел перевести вас к себе, пока еще темно. У меня будет безопаснее. Видите ли, наци в нашем приходе спалили церковь, но справлять религиозные обряды не запрещают. Верующие теперь собираются в моем доме, поэтому посторонний человек не вызовет подозрения у полицейав.

Молча и удивленно наблюдал Вадсен за этой сценой. Но вот он быстро-быстро заговорил с Эдгардом, а потом знаками стал показывать Комлеву, чтобы тот лежал спокойно.

— Мартин говорит, что вы останетесь у него. Он сказал, что по вашему означает, как это... за много бед один раз отвечают, Но я все же считаю, что на время похорон и крестин вам надо уйти.

...Для Комлева началась кочевая жизнь. Несколько дней он жил в мезонине у Эдгарда Хансена, потом в шалаше у Оскара Мунсена, у того самого озера, на противоположном берегу которого виднелись русские сопки. Здесь его навещал только Мунсен, рыбак и охотник. Коренастый, с огрубевшим широким лицом, чистым открытым взглядом, в кожаной куртке, широкополой шляпе моряка, в больших сапогах он словно был высечен из гранита. Комлев уверился в том, что именно этот человек поможет ему выбраться на родину.

Как-то при беседе, еще в мезонине инженера, Оскар Мунсен сказал:

— Монге так русик флювер{11}.

— Кого и за что вы благодарите? — поинтересовался Комлев.

Эдгард Хансен перевел вопрос. Отвечая на него, Оскар Мунсен рассказал, как они однажды охотились за пушным зверем, заплыли в русские воды к острову Колгуеву. Разыгрался шторм, норвежцы попали в тяжелое положение, и гибель казалась неизбежной.

— Русс флювер Михей, — тут Оскар наморщил лоб, что-то вспоминая.

— Михеев Иван Васильевич, — подсказал Комлев.

— Да, Васильевич Михеев Иван, — оживился Оскар. А Эдгард Хансен закончил рассказ за своего друга:

— Русский летчик Михеев Иван Васильевич обнаружил норвежских охотников, а подошедшие по его сообщению корабли подняли их на борт.

...Когда суета и хлопоты в доме Мартина Вадсена утихли, Комлев опять перебрался к нему.

возвращении на родину. Эту мысль он однажды высказал своим друзьям.

— О, путь далекий и трудный. Для этого нужно еще полечиться, — ответил Оскар.

— Хорошо. Я умею ждать, — не без горечи согласился Комлев.

Проводив друзей, Комлев думал о чудесных людях, норвежцах, которых так мало знал раньше.

Последней из комнаты вышла Ранди Танг с уснувшим на руках маленьким сыном Туриком.

Знакомство Комлева с ними произошло в мезонине дома Эдгарда Хансена и его жены фру Лотты Хансен — сухощавой, с больными ногами и больным сердцем дамы.

В его каморку вошла маленькая хрупкая женщина. Коротко подстриженные волосы и немного вздернутый нос придавали ее лицу выражение озорства, но красивые глаза смотрели грустно.

Улыбаясь, она прямо направилась к Комлеву и выложила из старенькой кошелки пачку немецких сигарет, коробку спичек и небольшой бумажный сверток. Сидевший на ее руках трехлетний бутуз потянулся было к нему, но мать довольно строго прикрикнула. Укоризненно посмотрев на нее, Комлев развернул пакет, в котором оказались бутерброды, и дал один ребенку. Потом поманил мальчика к себе. Тот охотно перебрался на колени к незнакомому дяде.

Долго они не могли объясниться, наконец, женщина поняла, что от нее хочет русский, и назвала себя и сына.

— Туре! Туре!

— Туре, ну, как живешь? Растешь? Молодец! А хочешь, я тебя на кочках покатаю?

Никита Кузьмич примостил малыша на колени и, приговаривая: «По кочкам, по кочкам, по гладеньким дорожкам, по ухабам», начал забавляться с ним.

Вскоре они так подружились, что, как только Туре появлялся в комнате, начиналась веселая игра. Сколько бывало разговоров с малышом! Туре что-то лепечет непонятное, а Комлев то поддакивает, то делает вид, что страшно удивлен, то вдруг оба зальются хохотом: один колокольчиком звенит, другой гроыхает.

Коротая длинные часы, Комлев мастерил ребенку всевозможные игрушки, а в один из вечеров обрадовал Туре несказанно, подарив ему русскую тройку, запряженную в розвальни. Вот было радости!

Комлев, узнал, что Ранди Танг — та самая женщина, которая стояла с дочерью на крыльце своего дома, когда он спускался на парашюте. Она страшно тогда волновалась, но помочь русскому летчику не могла, кругом были немцы.

Муж Ранди, офицер норвежской армии Танг, после оккупации немцами Норвегии, вместе с другими патриотами покинул Родину, чтобы на чужбине бороться за ее освобождение.

Друзья, ушедшие в подполье, позаботились о его семье. Чтобы оградить ее от гонений со стороны оккупантов, достали документ, которым удостоверялось, что офицер-квислинговец Кнут Танг погиб в бою за идеалы германского фашизма. С этим документом Ранди Танг устроилась работать машинисткой и переводчицей в комендатуру концлагеря. Ненавидя врагов, Ранди вынуждена мило улыбаться и кокетничать с ними. Этим она завоевывала еще большее доверие к себе у охраны лагеря и, следовательно, могла как-то помогать несчастным за колючей проволокой. Ранди сознавала, что, помогая русским, она тем самым помогает мужу быстрее вернуться в родную семью.

«Какой замечательный народ, — подумал Комлев о норвежцах, и тут же его мысли перенесли к родным, друзьям и близким. — Что будет дома, когда получат похоронную?!»

Вот и праздник Октября прошел, а с фронта к Комлевым не только никто не приехал, но и письма больше не приходили. Наступили для обеих женщин длинные бессонные ночи. Вера

подолгу ворочалась с боку на бок в постели, и под вой осеннего ветра одни мрачные мысли сменялись другими.

— Ты что не спишь, Вера, петухи уже пропели? — спрашивала сидящая на печи Матрена Савельевна.

— Я уже выпалась. А ты сама-то? Ведь скоро вставать.

— Я тоже бока пролежала.

Так скрывали друг от друга свои грустные думы. Обменявшись двумя-тремя фразами, вновь умолкали.

Однажды в школу позвонили из военкомата, попросили зайти Веру Ефимовну. Приглашалась она туда часто: то по вопросам работы женсовета, председателем которого была, то по случаю прибытия нового аттестата от мужа, то еще по каким-либо делам. В военкомат Вера вошла с тяжелым чувством, а когда увидела лейтенанта, сразу все поняла. У Веры вдруг ослабли ноги, и она тяжело опустилась на диван. Офицер вышел из-за стола, хотел что-то сказать утешительное, но махнул рукой и вручил извещение о том, что командир эскадрильи капитан Комлев Никита Кузьмич пропал без вести.

— Все?! — спросила Вера упавшим голосом.

— Все.

Она повернулась и молча вышла. Ветер гнал обрывки облаков. Горстями бросал в лицо колючий снег. Вера ничего не видела, ничего не чувствовала. Она шла сгорбившись, словно под тяжелым грузом.

По пути зашла в детский сад. Увидев мать, Наташа бегом бросилась навстречу с радостным визгом:

— Мама! Мама!

Вера молча взяла ее на руки и поцеловала.

— Мама плачет! — вытирая ручонкой катившуюся слезу на щеке матери, удивленно проговорила Наташа.

— Это снежинка растаяла, деточка, — тихо ответила мать.

Переваливаясь с ноги на ногу, неуклюже подбежал к матери Гена.

— Мама, а большие разве плачут?

— Нет, не плачут, — ответила она. — А ты откуда это взял?

— Ты плачешь.

— Нет, сынок, это не слезы, это от ветра.

В сенях, у порога, Вера увидела письмо. Оно было от жены старшего брата Комлева и адресовано Матрене Савельевне, поэтому Вера, не читая, положила его на стол.

Не раздеваясь, прошла с детьми в комнату и села на сундук. Детишки взобрались ей на колени, стали ласкаться.

— Мама, огонь надо, — запросил Гена.

— Огонь, огонь, — поддержала его сестренка.

Но Вера словно не слышала лепета детей, крепче прижимала их к себе.

— Мам, зажги огонь, я покажу, как мы с Вовкой штыками дрались, — требовал Гена.

— Зазги, — подтянула Наташа.

— Не надо, ребята, зажигать огня, посидим так, — прошептала мать.

— Надо! — закапризничал Гена.

— Папы нет у нас больше...

— Почему нет?

— Убили его, убили...

— А почему убили? — допытывался Гена.

Наташа притихла и сильнее прижалась к матери. Пришла Матрена Савельевна.

— Ты что это огонь не вздуваешь? — спросила она.

— Спички на бровке, — ответила Вера.

Мать зажгла лампу и увидела на столе письмо. Она взяла его, надела очки и прочитала

адрес.

— Ну, наконец-то от Анны пришло письмо. Может, что пишет о Ване.

Вначале сноха передавала приветы от сватьи и всех троих внуков. А потом вдруг словно кто холодной водой облил Матрену Савельевну. По телу ее пробежала дрожь, сердце остановилось, захватило дыхание. Сноха писала: «Нас постигло большое горе, и нет слов его выразить. Вчера получила...» А дальше в глазах матери все расплылось, бумага вывалилась из рук.

— Ох, горюшко мое.

Этот вздох вывел из оцепенения Веру.

— Мамаша, мамаша, что с вами? — тряся свекровь за плечо и поднося к ее губам стакан воды, спрашивала Вера.

— Да ведь Ванечку убили, — простонала она. — Да, милый сыночек мой, ясный соколик, ненаглядный, убили, ой, убили тебя изверги, ой, сердце мое, — причитала мать, положив голову на стол.

— А мама говорит, что папу убили, — выпалил удивленный и перепуганный Гена.

Эти слова внука не сразу дошли до сознания старой женщины. Слишком тяжело было горе, чтобы обращать внимание на его лепет. Потом она медленно подняла голову, увидела перед собой внука и, широко раскрыв остекленевшие глаза, прошептала:

— Что ты сказал?

Мальчик чувствовал, что сказал что-то неладное, что бабушка рассердилась на него. Боясь, что из-за него может попасть маме, со слезами на глазах пролепетал:

— Мама сказала, что папу убили. — И, заливаясь слезами, протянул: — Баба, я больше не буду...

— Правда, Вера?

— Правда.

Тяжко застонала мать, уронила голову на стол.

Вера увела детей в комнату и стала укладывать спать. Говорила шепотом, двигалась медленно.

В памяти проходили картины прожитых с Никитой лет. Только поженились, началось освобождение Западной Белоруссии от польских панов, и он по тревоге улетел. Вместе с другими комсомолками Вера добилась, чтобы ее отправили на любую работу в город, где базировалась часть Никиты. Но быстро промелькнуло счастливое время — началась война с белофиннами. Снова разлука. Встретились в апреле, а в августе он уехал в академию. В конце сорокового года Вера с сыном переехала в Москву, а в июле сорок первого возвратилась на родину, за Урал. Вот и вся их совместная жизнь.

Обессиленная, опустошенная, подогнув ноги, сидит на печи Матрена Савельевна. Откинув голову к стене, что-то беззвучно шепчет.

Утром, проснувшись и взглянув на бабушку, Гена в страхе прижался к матери и прошептал:

— У бабушки рот набок!

Матрена Савельевна надолго слегла в постель.

6

Тревожные сновидения Комлева были прерваны какой-то непонятной возней за дверями. Через минуту, неся на руках мужчину, в комнату вошли Ранди, Оскар и Мартин. Мужчину раздели и уложили под теплое одеяло на койку, которую уступил Комлев.

Ранди быстро рассказала о случившемся, попрощалась и ушла. В дверях она встретила с Эдгардом Хансеном.

Мартин зажег лампу. Комлев подошел к незнакомцу и чуть не вскрикнул от радостного удивления: перед ним, закрыв глаза, лежал Бозор Мирзоев. Лицо его блее полотна, губы плотно сжаты.

— Бозор! Бозор! — затормошил Комлев друга. Когда Мирзоев открыл глаза, он увидел, что на краешке постели сидит мужчина в полосатой пижаме.

«Сплю или брежу?» — подумал Бозор, приподнимаясь на локтях, широко раскрыв удивленные глаза.

— Товарищ комиссар!

— Вот, ясное море! Не веришь глазам своим? Ну, держи пять, — и Комлев протянул мускулистую руку, а второй так хлопнул по плечу, что все сомнения летчика сами собой исчезли.

— Как вы сюда попали?

— Да ведь и ты был без пяти минут покойником, а вот очутился же здесь. Так и я. Их благодарить надо, — Комлев кивнул в сторону, где вокруг стола расположились трое.

Ближе к двери, сторбившись и зажав руки между колен, сидит Мартин Вадсен. Рядом удобно устроился в плетеном кресле Оскар Мунсен. Кресло жалобно поскрипывает под его тяжестью. Крупные черты лица добродушны и привлекательны, глаза смотрят смело, не таясь. По другую сторону стола — Эдгард Хансен. Он внимательно прислушивается к разговору летчиков, полусшепотом переводит его смысл норвежцам. В самых напряженных местах то один, то другой из слушателей качают головой. А Никита Кузьмич тем временем рассказывает Бозору о том, как он попал в эту комнату.

— Вот так, Бозор, мы и встретились, вроде как в филиале нашего дома отдыха, — закончил свое повествование Комлев. — Когда привели меня, думал, не выкарабкаться. Пластом лежал, ногой двинуть не мог — всю разнесло. Пришлось Мартину сапог разрезать, чтобы осмотреть рану. Пустяковая, а чуть не стоила жизни. Теперь чувствую себя хорошо.

Бозору не терпелось узнать, каким же образом он попал в этот дом. Но тут, сказав что-то односельчанам, начал прощаться Эдгард Хансен и, мягко, бесшумно ступая, вышел. Следом, крепко пожав летчикам руки, ушел Оскар Мунсен. А вскоре и их хозяин, пожелав спокойной ночи, удалился в свою комнату.

Время ушло за полночь, а друзья никак не могли наговориться. Мирзоев рассказал, как попал в лапы к фашистам. Выпрыгнув из самолета, он пошел на восток. Утомился, прилег, а проснулся — на груди стоит овчарка, по бокам два автоматчика. Немцы долго его обрабатывали, уговаривали работать на радиостанции, подслушивать русских летчиков и передавать им ложные сведения. На это предложение Мирзоев ответил оплеухой вербовщику и до полусмерти избитого его уpekли в концлагерь. Очухался, начал подумывать о побеге. Парни подобрались как будто все надежные. Немецкий ефрейтор здорово помогал: достал топографическую карту, компас, ножницы для резания колючей проволоки. Бозор и его товарищи незаметно заготавливали продукты, обзаводились теплыми вещами. Перед самым побегом — провал. В группе оказался предатель из военнопленных.

Выстроили весь лагерь. Первым расстреляли немецкого ефрейтора. А потом — каждого второго. Остальных разбросали по разным баракам. Бозор оказался в бараке номер семь. Начались кошмарные дни и думы о новом побеге. Норвежцы чем могли помогали узникам лагеря. Через проволоку бросали теплые вещи, консервы, картофель. Пленные, вынося отходы в помойную яму, собирали подарки норвежцев, но это помогало мало. Многие умирали от голода, холода, побоев и непосильного труда.

Работая на выкорчевке кустарника, Мирзоев бежал. В глубоком снегу он выбился из сил и потерял сознание.

— Замечательные, удивительные люди, эти норвежцы! Ты знаешь, кто вынес тебя чуть не на своих плечах из лесу? Маленькая, как подросток, хрупкая женщина — Ранди Танг. Ты ее завтра увидишь. Так вот, эта Ранди Танг нашла тебя без сознания и на санках привезла в свой дом. Взволнованная, она прибежала к Оскару Мунсену и, решив, что беглецу оставаться у нее в доме небезопасно, тебя, бесчувственного, переодели в костюм ее мужа и переправили сюда. Через ту же Ранди стало известно, что немцы меня перестали искать, решив, что русский летчик погиб в трясине. Поэтому до сегодняшнего дня я отсиживался у норвежцев

довольно-таки спокойно. А вот теперь положение осложнилось, — закончил Комлев. — Тебя, Бозор, непременно будут искать. Поэтому нам надо думать, как побыстрее выбраться отсюда. Ну, да утро вечера мудренее. А сейчас спать давай.

7

Однако уснуть нашим друзьям не удалось. Дверь без стука отворилась и вошли встревоженные Мартин, Оскар и Ранди.

— Никита Кузьмиш! Аппель. Повальная облава будет. В пять часов, — выпалила Ранди.

— Что ж, этого надо было ожидать. Не у тещи в гостях, — невозмутимо отозвался Комлев и посмотрел на Оскара.

По-видимому, у них уже заранее был разработан план на этот случай. На Оскаре были олени унты, меховая доха и шапка. Мартин принес из другой комнаты узел с теплой одеждой и торопливо стал помогать летчикам одеваться. Потом он снова выбежал куда-то, а через минуту вернулся, сообщил, что все спокойно. Наспех распрощавшись с ним, друзья вышли.

Оскар сильной рукой поддерживал все еще прихрамывавшего Комлева. На улице распрощались с Ранди.

Идти пришлось недолго. За околицей, у развилки дороги, стояла оленья упряжка. Оскар сел впереди, Мирзоев с Комлевым сзади, и нарты понеслись. Вот олени повернули в сторону, взбежали на сопку, опустились в лощину, обогнули скалистую гору, и в узком ущелье упряжка остановилась. Оскар снял с пояса, размотал веревку, поддал один ее конец Комлеву и проворно полез в гору. Вскоре веревка натянулась. Комлев первым ухватился за нее и с трудом начал взбираться. Помогая ему, как только мог, следом полз Мирзоев. На небольшой площадке их ожидал Оскар. Прижимаясь к отвесной скале, прошли по тропинке над пропастью и оказались в крутой седловине. Здесь стоял небольшой шалаш, известный одному Оскару. Сейчас, занесенный снегом, он был еле заметен среди валунов. В таком, примерно, шалаше Комлев когда-то батрачком проводил короткие ночи на покосе, спасаясь от дождя и комаров. Если бы не болезненно хилые березки вокруг, столь отличающиеся от могучих сибирских красавиц, да не валуны кругом, можно было бы подумать, что он опять в родных местах.

Оставив рюкзак с продуктами и наказав, чтобы его ждали, Оскар скрылся за скалой. Вот они и одни в этой незнакомой стране.

Ночью запуржило. Вначале еле потянул сиверко и снежинки вяло захороводили у лаза. Но с каждой минутой они кружили все быстрее, слышался заунывный выюжный напев — засвистело, застонало вокруг. Порывы ветра сотрясали утлое убежище. А тут еще грохот горных обвалов, от которых вздрагивала земля и сиротливые березки, казалось, испуганно жалась к шалашу. Вход в него с каждой минутой становился уже, а вскоре его и совсем замело.

Сначала Мирзоев пытался отбрасывать снег, однако Комлев остановил его.

— Напрасная трата сил, а они еще пригодятся.

Друзья лежали, прислушиваясь, перебрасывались короткими фразами и думали, думали. Конечно, же, и о том, когда и как выберутся к своим.

— Знаешь что, — прервал затянувшееся молчание Комлев. — В нашем положении сейчас хоть думай, хоть не думай — главное, чтобы время быстрее шло. Давай лучше расскажи о себе, Бозор, а то в суতোлке боевой жизни некогда было этим заниматься, то бишь рассказывать и выслушивать. Мало я знаю о своем вedomом.

Мирзоев поведал о детстве — суровом и тревожном. И хотя рассказчиком он был неважнецким, Комлев слушал с большим вниманием.

Мать и отца Бозора зверски замучили басмачи, и он остался с бабушкой. А вскоре от непосильного труда и лишений умерла и она. И погиб бы мальчонка, да на пути встретились красноармейцы, которые и воспитали его, как сына полка.

— Про таких одиноких людей, как я, русские говорят: «Один как перст», — закончил

рассказ Бозор и тяжело вздохнул.

— Неправда. Ты не одинок, Бозор. О тебе думает и переживает вся эскадрилья. Да и Танюша тоже, — улучив момент, сообщил об этом Комлев. — Ты даже не можешь себе представить, как она любит тебя.

При этих словах Комлева у Бозора кровь ударила в голову. Командир повел разговор о самом больном. Комлев рассказал, как раскаивался Блажко в своем поступке, как отнеслись к этому товарищи и, наконец, как переживала Таня, когда узнала, что Бозор не вернулся с боевого задания.

Бозору хотелось схватить капитана, расцеловать. Он сделал резкое движение к Комлеву и почувствовал, что у него закружилась голова, затошнило, как от табачного дыма.

Мирзоев сказал о своем самочувствии Комлеву.

— Фу ты, ясное море, какого маху дали! — ответил тот. — Не сообразили сразу и видишь, какую ошибку допустили — снегом нас завалило, доступа воздуха нет. Вот и сказывается недостаток кислорода.

Словно кроты, они буравили снег. Он поддавался туго, но летчики были настойчивы и вершок за вершком продвигались вперед. А когда пробились и вылезли наружу, оказалось, что над ними — звездное небо, а вокруг стоит глубочайшая тишина.

— Отдышался? Теперь давай подзаправимся немного, а то Мунсен только наши косточки обнаружит...

За скромной едой всухомятку Комлев спросил вдруг:

— Бозор, ты Хмару помнишь?

— Виктора? Как же! А что?

Комлев рассказал о письме от Хмары.

— В конверте была вложена газетная вырезка. Жаль, что размокла она, пришлось выбросить. Посмотрел бы, каков он, наш бравый механик Хмара, теперь: в шапке-ушанке, дубленом полушубке, с погонами старшего лейтенанта, с автоматом на груди. И улыбается в объектив. Знаешь, такой улыбки широкой, простодушной мы никогда не видели у него. Вроде он и не он...

Мирзоев вспомнил поединок с фашистом, пропасть, над которой висел и как был вытаснен сильной рукой Хмары. «Встретимся ли мы еще когда-нибудь?» — подумал он.

Мысли перебил Комлев.

— Вот видишь, ясное море, как меняется человек, когда находит свое место в жизни. А мы сыпали на парня выговоры, ругали, считали его плохим воином...

Немного пофилософствовали на эту тему, затем Комлев рассказал о гибели Ветрова, Бугрова и Кучеренко. Мирзоев тяжело вздыхал, сжимал кулаки.

Оскар Мунсен пришел на вторые сутки.

Глава III

1

Вернувшись с гор, пилоты попали в заботливые руки фру Лотты Хансен. Каждое утро она поднималась по крутой лестнице, принося им в мезонин свежий кофе, и в течение дня навещала еще несколько раз. И сколько бы Комлев не возражал против этих чрезмерных забот, фру Лотта лишь мягко улыбалась и продолжала ухаживать за русскими, как за детьми. Спускаться вниз им было запрещено. Целыми днями сидели, как мыши в норе. Время тянулось томительно медленно.

Повальная облава не принесла гестаповцам никаких результатов. Но они не потеряли надежды найти беглеца. Не провалился же он сквозь землю! Были введены строгие порядки, усилилось наблюдение за жителями. Это осложнило обстановку.

Давно уже не приходил Оскар. Все реже стал ночевать дома Эдгард. Только Мартин да Ранди с Туриком почти каждый день навещали их. И надо было видеть, как преобразался

Комлев, играя с мальчиком. Сколько было у них разговоров!

Сегодня вечером они одни. Сидят, погруженные каждый в свои думы.

— Вот и жди у моря погоды, ясное море! — вдруг взорвался всегда уравновешенный, спокойный Комлев. — И чего это Оскар не показывается? Хватит! Ждем еще сутки и, если не придет, сами будем действовать. Не сидеть же здесь мокрыми курицами!

Все это выпалил горячо, залпом. Мирзоев не успел и слова вставить. А возразить было что. Конечно, и его последние дни мучили те же мысли. Но он считал, что одним, без помощи норвежцев, вряд ли удастся добраться до своих. Надо ждать Оскара!

Только было Бозор хотел высказать все это, как внизу послышались знакомые шаги. Тяжело ступая по лестнице, Оскар успел на ходу сказать фру Лотте что-то смешное, и вот веселый, улыбающийся, он стоит в дверях. Вместе с ним ворвался в комнату морозный воздух, пришло хорошее настроение.

— Доброго вечера, Никита Кузьмич! Бозор, как здоровье?

— Отличное! — поспешил заверить Комлев, пожимая огромную руку друга.

— О, хорошо! А я вам радость принес. Завтра двинемся в путь!

Комлев вскочил, потом сел и стал взволнованно приговаривать:

— Вот спасибо, вот спасибо...

Оскар сообщил, что переправить их к своим можно либо через Швецию, либо морем, на Рыбачий. Первый вариант менее опасен, зато второй...

— К черту Швецию! — воскликнул Комлев. — Там начнутся разговоры да переговоры. Так мы до морковкиного заговенья не попадем домой. Морем, на Рыбачий!

— Ну, тогда так. Завтра утром вас доставят в Киркенес. В обед я уйду на промысел. Вы мои новые компаньоны. Поплывете со мной. Вот паспорта. Одежда внизу. Главное — благополучно выйти. А в море — мы хозяева!

Появилась фру Лотта с неизменным подносом в руках, за нею Мартин, Эдгард, Ранди. В комнате стало тесно, все уселись вокруг стола.

— Выпьем за ваш благополучный путь, — поднимая рюмку, сказал Эдгард.

— Спасибо, дорогие друзья! — ответил Комлев.

— Скол! Скол!{12}

Комлев поднес рюмку к губам, но рука его замерла: он прислушался к донесшемуся с улицы непонятному шуму и возгласам.

— Пленных с работы ведут, — то ли пояснил, то ли успокоил его Эдгард. — Сегодня на новый объект водили.

Тяжело вздохнула фру Лотта. Комлев двинулся к окну.

— Увидят свет! — удержал его за плечи Вадсен. Свет погасили, приподняли штору. По дороге, слабо освещенной тусклой луной, по четыре в ряд, словно сторбленные тени, еле передвигая ноги, шли люди, покачиваясь от усталости. Вокруг — конвой, заливаются хриплым лаем собаки. Сзади всех, поддерживаемый под руки щупленькой женщиной и подростком, устало плетется высокий мужчина. Когда колонна поравнялась с окнами, мужчина упал на дорогу, увлекая за собой провожатых. К ним сразу кинулись конвоиры. Один направил на упавшего автомат. Но женщина, загородив собой товарища, крикнула:

— Не смей! Не смейте стрелять! Он дойдет!..

Восклицание было таким страстным и повелительным, что если бы даже Комлев не уловил в нем русских слов, сомнений бы не возникло: так вести себя могла лишь непокорная русская душа.

Солдаты замешкались. А тем временем женщина, сказав что-то подростку, уже поднимала упавшего. И даже издали было видно, какого напряжения это ей стоило.

Подхватив несчастного под руки, они кинулись вслед за ушедшей колонной, подгоняемые собачьим рычанием и руганью конвоиров.

Через плечо Комлева эту жуткую картину наблюдал Мирзоев. Он был бледен, зубы

выбивали нервную дробь.

Когда пленные скрылись, Мирзоев, опустившись на стул, прошептал:

— Наших провели.

Уже задернуты шторы, включен свет, а в комнате все еще стоит тягостная тишина. Покинуло всех возбужденное, приподнятое настроение. Застыл в неподвижности Комлев, уставясь глазами в одну точку. Мирзоев сжал челюсти так, что выпуклые скулы еще более обострились. Зубами бы перегрыз горло гадам! О чем-то задумалась Ранди. Никто и не притрагивался к наполненным рюмкам.

— С болота идут, в барак возвращаются, — нарушил молчание Эдгард.

О бараке номер семь, разделенном на мужскую и женскую половины, Комлев уже слышал от Бозора, а раньше — от Ранди. Это страшное место — могила заживо погребенных. Гоняли заключенных на убийственно тяжелые, осушительные работы. Из барака был только один путь — в трясину. Если не это, то смерть от истощения и разных болезней. Но сейчас рядом с ним сидит друг, который вырвался из этого места. Сегодня он увидел пленных, своих соотечественников, в окружении палачей. И стало больно, страшно больно за них...

— Поздно уже, — встав со стула, попрощался Эдгард, но, дойдя до двери, обернулся и, вздохнув, кивнул на окно:

— Что с людьми делают, что делают!.. Стал собираться и Оскар.

— Отдыхать надо лучше. Завтра буду приезжать за вами. — Оскар делал большие успехи в русском языке, старался объясняться по-русски. С грустной улыбкой пожав друзьям руки, через несколько минут ушли Мартин и Ранди.

Хмуро обронив: «Утро вечера мудренее», Комлев стал укладываться. Мирзоев последовал его примеру, но заснуть не мог. Слышал, как беспокойно ворочается с боку на бок Никита Кузьмич, видел вспыхивающий в темноте огонек его сигареты. Так прошло довольно много времени.

— Ты чего не спишь? — вдруг спросил Комлев.

— Разве уснешь? Машенька-артистка, Тиша маленький, Ванюшка... С ними в лагере был... О них думается...

— А ты спи, тебе завтра в дорогу.

Бозор не сразу понял смысл сказанных слов и со своей стороны пожелал:

— И вам не мешает уснуть. Скоро среди своих будем, с семьей встретитесь...

— Вот-вот, ты прав! Через несколько дней я встречу с женой, с детьми. Когда, как не сегодня и думать об этом? А кто из тех, кого мы сейчас видели, доживет до подобного дня?

Комлев рывком сел на кровати и зло продолжал:

— Чем мы можем помочь? А может быть и можем? Но как? И риск...

— Никита Кузьмич!

— Ты стихи Адама Мицкевича знаешь?

Нет, лучше с бурей силы мерить,
Последний миг борьбе отдать,
Чем выбраться на тихий берег
И раны горестно считать!

Комлев лег навзничь, заложив руки за голову, и надолго замолчал.

Наконец Комлев снова заговорил:

— Нет, я должен попытаться что-то предпринять! Какой же я, к черту, коммунист, если оставлю в беде своих, не сделаю всего, что смогу!..

— Правильно, Никита Кузьмич! — воскликнул Бозор. — Надо будет с норвежцами посоветоваться, что-нибудь да придумаем.

— Что правильно? Ты утром поедешь с Оскаром, — категорически отрезал Комлев.

— Вы хотите, чтобы я оставил друзей?! Нет! Высказали то, о чем я много думал. И вы меня отправляете домой... Нет!

Комлев заговорил спокойнее, душевнее, но так же непреклонно:

— Это очень опасно, Бозор, и кто знает, чем все кончится. Один из нас должен

вернуться.

Они спорили до тех пор, пока Комлев не согласился с доводами Бозора, и только под утро уснули. А вскоре были разбужены Оскаром.

— Хорошо отдохнули? — спросил он, входя.

— Прекрасно, — соврал Комлев.

— Ты бледный, — озабоченно посмотрел на него Мунсен. — Больной?

— Нет, здоров. Просто мы решили не ехать.

— Как не ехать?!

— Вот так, Оскар. Надо попробовать вывести пленных.

— О-о! — протянул Оскар. — Это трудно, очень трудно...

— Я знаю, что трудно, но надо! Просто ничего не дается, так учит нас партия. Понимаешь? Партия! — Комлев подошел к сидевшему на стуле рыбаку и, положив руки ему на плечи, продолжал.

— Оскар, друг! Ты пойми, мы не можем оставить их здесь и вернуться на родину одни. Мы коммунисты. У вас тоже есть коммунисты, партизаны, я знаю. И хотя ты ничего не говоришь, мне кажется, что ты один из них. А если и нет, все равно ты настоящий человек. Организуй нам встречу с каким-нибудь партизанским отрядом, с руководством партийного комитета! Ведь ты это можешь, Оскар!

Пока Комлев говорил, Оскар внимательно смотрел ему в глаза, стараясь понять все до слова. Потом встал и, положив в свой черед руки на плечи Комлева, сказал:

— Хорошо, давайте думать...

2

Полночь. Медленно опускаются на землю белые хлопья. Люди идут цепочкой. Впереди — Оскар. Сама природа, кажется, решила помочь им: нет затрудняющего движение ветра, густой снег быстро засыпает лыжню. Хорошо подготовленные, натертые мазью лыжи скользят легко.

Оскар часто оборачивается — беспокоится, как себя чувствуют русские друзья.

— Хорошо, хорошо, давай вперед! — бодро кивает Комлев.

Настроение чудесное. Их ведут к партизанам. Пришло к концу гнетущее бездействие.

После того, как летчики решили попытаться что-либо предпринять для освобождения пленных, прошло немало дней в тревоге и неизвестности.

И вот они в пути! Шли долго. Обогнули скалистую сопку. Пробежали лощину. Предстояло подняться на крутую, со скалистыми выступами гору.

Комлев, давно не ходивший на лыжах, стал сдавать, да и нога побаливала. Оскар остановился, хотел облегчить ему подъем, забрав рюкзак, но Комлев не отдал.

Одолев гору, очутились в густом, низкорослом ельнике.

— Привал! — скомандовал Оскар.

Тотчас сказалась усталость. Но то, что увидели перед собой, заставило забыть обо всем. Облака, как белоснежные волны, охватывали площадку, на которой они стояли. Отдельные их гребни поднимались девятым валом и захлестывали тусклую, бледно-желтую луну. Вот она прорвалась сквозь эту преграду и осветила фантастическим светом крутой спуск, покрытый опущенными голубоватым снегом елями.

— Красота-то какая! — не выдержал Комлев.

— Норге! — проникновенно отозвался Оскар. Опершись на палки, он весь подался вперед и долго молча смотрел вниз. Потом, энергично сдвинув вязаную шапку на затылок, с большим чувством начал декламировать.

Затем сам перевел стихи, и хотя перевод был не совсем правильным и стройным, но слова Нурдаля Грига задели самые чувствительные струны в сердцах летчиков. Поэт говорил о Родине:

Норвегия! Живи в сердцах людей
И будь сама прибежищем им верным!
Пусть обретем мы на груди твоей
Упорство вместе с мужеством безмерным!

Оскар кончил читать и посмотрел на летчиков.

— Хорошо, очень хорошо сказано, и прочитано хорошо, — восхищенно сказал Бозор.
Минуту стояли молча. Вокруг — сказочная тишина. Первым нарушил молчание Оскар.
— Пора в дорогу.

3

Мирзоеву всегда представлялось, что партизаны живут в лесу, в полутемных землянках, ходят увешанные гранатами, опоясанные пулеметными лентами, с болтающимися на длинных ремнях пистолетами. Каково же было его удивление, когда, подойдя к одиноко стоявшему почти на самой вершине горы дому и стукнув в дверь три раза, Оскар сказал:

— Вот мы и дошли!

Послышались шаги, и он повторил стук, но теперь уже в другом ритме.

— Какова сегодня погода? — раздался за дверью чей-то знакомый голос.

— Ветер, — ответил Оскар.

Дверь отворилась и путники увидели Мартина Вадсена.

— Мартин! Разве ты тоже участвуешь в операции? — удивленно спросил Комлев.

— Наци надо убивать, как злая змея, — ответил тот с гордым вызовом.

— Ты хорошо продумал? Возможно бой будет, а у тебя дочка...

— Моя жизнь не дороже твоей, — прервал диалог норвежец.

Миновав полутемную переднюю, где летчики оставили лыжи, он провел их в большую, ярко освещенную, уютно обставленную комнату: посредине круглый стол, покрытый синей скатертью, вокруг него мягкие, обитые синим же кресла, дорогого полированного дерева комод и массивный гардероб. Слева у стены — пианино, в углу — камин, выложенный разноцветными изразцами, на стенах — картины в золоченых рамах.

— Где же партизанский штаб? — разочарованно шепнул Бозор, пока Мартин помогал ему и Комлеву освободиться от заплечных мешков и верхней одежды.

Бесшумно отворилась другая дверь, и вошел среднего роста, плотно сложенный мужчина в хорошо сшитом костюме. На белоснежной сорочке темным пятном выделялся галстук. Щеки чисто выбриты. В серых глазах выражение приветливости, некоторой торжественности.

Петер Лихтсен — так звали незнакомца — был коммунистом, возглавлял движение Сопротивления в Северной Норвегии.

Неся подсвечник с вставленными в него двумя небольшими флажками — советским и норвежским — он с дружески протянутой рукой направился к русским.

Все это было столь неожиданно и трогательно, что Мирзоев и Комлев растерялись. Никита Кузьмич не удержался и, отвечая на крепкое рукопожатие, притронулся, как бы приласкал пальцами родной алый флажок. Сели за стол, на котором разложили карту и цветные карандаши, Лихтсен указал на ней точное расположение лагеря и рассказал о нем кое-что новое.

— Всего в лагере семь барakov, — не торопясь, чтобы его все поняли, говорил он приятным тенором. — Пять находятся на окраине вот этого поселка, — он обозначил на карте точку. Отсюда пленных гоняют работать на рудники. Шестой вот тут, — он поставил еще одну точку на изгибе дороги, ведущей от поселка к озеру. — Обитатели его строили аэродром и дорогу, да и теперь выполняют там все тяжелые работы. Самый отдаленный от комендатуры лагеря барак — номер семь, тот, который вас интересует, — продолжал Лихтсен, поставив крест в нанесенном ранее кружке. — Вот здесь, под невысокой скалистой сопкой, домик охраны, а в ста метрах от него, на самом краю болота, барак, окруженный колючей проволокой. Барак и караульное помещение охраняются часовыми с собаками.

— Очень удобно для операции, что барак отделен от основного лагеря двумя соединенными проливом озерами, — нетерпеливо перебил Оскар.

— А как сообщаются между собой немцы? — спросил Комлев.

— Через каждые два часа начальник караула докладывает коменданту лагеря, как идут дела на блоке. Кроме того — на автомобилях, на мотоциклах в объезд озера.

— Так так, — удовлетворенно протянул Комлев, глядя на карту. — Здесь около восьмидесяти километров. В зимнее время это не менее двух часов езды. Неплохо...

Мирзоев слушал и удивлялся осведомленности норвежцев о концлагере. Уточняя обстановку, он рассказал все, что знал о седьмом бараке, в котором провел кошмарные месяцы.

— Нападать надо со стороны болота: вначале снять часовых у барака, потом захватить караульное помещение, — предложил Оскар Мунсен.

— Нет, это не пойдет, — решительно возразил Комлев. — Нас заметят часовые у караулки, и тогда все погубило. Надо нападать одновременно двумя группами — на барак и на караульное помещение.

— Но к караулке только один путь, мимо барака. Посмотрите, с запада — скала, с юга — незамерзающая река, перейти ее будет трудно, да и заметят наверняка, — пояснил Мирзоев.

Тут заговорил все время молчавший Мартин Вадсен.

— А если на голову им со скалы свалиться? По веревочной лестнице?

— Вот это надо обдумать! — Комлев радостно потер ладони.

Итог подвел Петер Лихтсен.

— Так и решили: одна группа спускается со скалы, снимает часового вместе с собакой у караулки, врывается в караульное помещение и расправляется с остальными охранниками. Вторая в это время уничтожает охрану барака. Все делается быстро, бесшумно.

— Нужна еще одна группа: операция должна охраняться от неожиданного появления фашистов, — вставил Комлев.

— О, конечно, вот сюда, на развилку дороги, выставим усиленный отряд. Надежных парней ты подберешь, — кивнул Лихтсен Оскару. — Возможно, им придется вступить в бой.

— А теперь о маршруте, — поднялся с места Комлев. — Задача отряда — выйти в расположение советских войск. Как идти?

Беглецам предстояло пройти около двухсот километров по заснеженной гористой местности, преодолеть горные хребты, обойти топи, найти переправы через незамерзающие реки. Но самым опасным был первый этап пути. Хорошо охраняемый немцами участок дороги между заводом и аэродромом Комлев рассчитывал проскочить в плохую погоду и прежде, чем в основном лагере узнают о побеге. Но норвежцы в один голос возразили, что ни в хорошую, ни в плохую погоду здесь отряду незамеченным не пройти.

— Вам надо во что бы то ни стало выйти к этим двум избушкам. Здесь живут финские рыбаки. Они будут знать о вас и окажут помощь. А пройти к ним можно, обойдя заставы здесь, — Лихтсен провел извилистую линию южнее аэродрома. — В момент, когда отряд должен будет проходить этот участок, мы отвлечем внимание немцев на себя.

— Это дело! — оживился Комлев. — Но ведь у финнов тоже могут быть немцы?

— Бывают, но редко. Это место, говорят они, проклято богом, и неохотно туда заходят, предпочитая отсиживаться в деревушке.

— Значит, решено, — прихлопнул кулаком Никита. — Отсюда мы выйдем вдоль гряды гор в район озера Хутоявр. Здесь левый фланг наших войск. Вот маршрут. Согласны?

И все склонились над картой, следя за движением его карандаша.

Затем решались вопросы снабжения заключенных, продуктами, теплой одеждой и лыжами.

Операцию наметили на первую ночь после смены караула. Командиром сводного отряда

назначили Оскара Мунсена.

4

Прошло еще несколько дней. Жили летчики у Петера Лихтсена. Комлев часами просиживал над картами, решал, как он выражался, задачу со множеством неизвестных. Мирзоев помогал ему восстановить в памяти ориентиры, запомнившиеся во время полетов. Норвежцы собирали и сносили по ночам в тайнику сопки все, что понадобится в походе. Дело это было опасное, и все работали в состоянии душевного напряжения.

Однажды за чашкой кофе Комлев вновь выразил сердечную благодарность норвежцам, которые, подвергаясь, смертельной опасности, бескорыстно помогали попавшим в беду русским.

Петер Лихтсен, внимательно выслушав его, поставил маленькую голубую чашку на блюдечко, отодвинул от себя. Посмотрел прищуренными глазами на летчиков и не спеша заговорил:

— Помогая вам, норвежцы платят старые долги и выражают дружеские чувства. У вас говорят: долг платежом красен. Норвегия и Россия дружат с давних времен. Еще новгородский князь Ярослав Мудрый приютил норвежского короля Олафа Второго, войска которого были разбиты датчанами. Передовые люди Норвегии и России испокон веков делали все для того, чтобы их страны были добрыми соседями. Вспомним, хотя бы, трогательную дружбу Эдварда Грига и Петра Чайковского. А Фрицьоф Хансен?

— Имя этого великого ученого, путешественника и гражданина, пришедшего на помощь Советской России в тяжелый голодный двадцать первый год, наши люди помнят и произносят с уважением и благодарностью, — сказал Комлев.

— Сейчас у нас общий враг — фашизм. Победа Красной Армии принесет свободу и нам, норвежцам, — закончил Лихтсен.

Вошел Мартин Вадсен. Он передал донесение от Оскара Мундсена о том, что пришел связной штаба Карельского фронта Малыш с друзьями. Они принесли норвежским партизанам оружие и радиостанцию. При возвращении Малыш сообщит советскому командованию о побеге военнопленных, навстречу им выйдет специальный отряд. Встреча должна произойти в районе круглых озер. Следовательно, маршрут придется немного изменить.

— Спасибо за хорошие вести, — пожимая руку Вадсена, возбужденно сказал Петер Лихтсен. И обращаясь к Комлеву и Мирзоеву, продолжил: — Часть гранат и радиостанцию передадим вам, пригодятся в пути. Мы обойдемся старой, она еще надежно работает.

Это сообщение так возбудило летчиков, что они долго не могли уснуть, представляя радостную встречу с красноармейцами. Выросла уверенность в успехе.

За день до операции пришла Ранди. Комлев и Мирзоев очень обрадовались и удивились ее приходу. Но удивляться было нечему. События развивались так, что многих деталей они не могли знать. После памятного утра, когда они решили попробовать вывести пленных на родину, норвежские патриоты сразу же начали готовиться к их освобождению. Ранди Танг дали задание приручить к себе сторожевых псов.

Вся охрана лагеря, от начальника до солдата, знала, что муж переводчицы погиб за фюрера, поэтому относились к ней с сочувствием и доверием. Получив новое задание штаба Соппротивления, Ранди Танг мелкими подачками, нежным взглядом и ласковым словом приблизила к себе проводников сторожевых собак. Одного сигаретой угостит, у другого спросит, что пишет жена, третьего, бесцельно болтающегося по селу с увольнительной в кармане, черным кофе напоит. В часы пересмены караулов, или при другом каком случае, встречаясь на узкой дорожке с собакой на поводке у проводника, Ранди, чтобы грозная овчарка не бросилась на нее, поспешно вынимала из сумки кусок колбасы, конфетку. Прошло немного дней и теперь при встречах с Ранди страшные овчарки приветливо виляли хвостами, преданно подскуливали.

Выхлопотав отпуск, якобы, для поездки к больной матери, Ранди пришла в штаб отряда.

5

Комлев, Мирзоев, Ранди и Вадсен лежат под пронизывающим ветром, в снегу, на вершине горы, к подножию которой прижалось караульное помещение. Единственным укрытием служит большой, отполированный ветром валун.

— Тронулись, — шепотом отдает команду Комлев и ползком, друг за другом, разматывая веревочную лестницу, закрепленную за камень, они двинулись к пропасти. Уклон становится все круче, а снежный покров-все тоньше и, чтобы не соскользнуть с обрыва, приходится крепко держаться за лестницу. Добрались до места, где остроугольные глыбы начали круто сбегать в пропасть. Теперь надо спускаться по одному.

Через минуту голова Ранди скрылась за уступом. А вдруг пес не узнает ее? До чего же тревожно бьется сердце!

Ветер раскачивает и бьет об острые углы висящую над пропастью Ранди. Окоченели пальцы, но она так же быстро перебирает ступеньку за ступенькой. Вот ноги уже не ощущают упора, она повисла в воздухе. Наконец и руки перехватили последнюю перевязь, а земли все нет под ногами.

«Просчитались!» — тревожно пронеслось в голове женщины. С замиранием сердца она отпустила веревку, А пес задолго до этого наострил уши, стал втягивать носом воздух. Бесшумно кинулся на женщину и совсем было схватил ее клыками за тонкую шею, незнакомый запах заставил разжать пасть, завилать хвостом, тихо заскулить. Ласковый голос зовет: «Тог, 1 Тог!» — и вот уже собака с жадностью хватает из ее рук колбасу, а через минуту катается в снегу в предсмертных судорогах.

...Комлев начал спуск, не дожидаясь сигнала — трехкратного рывка лестницы. Веревки обледенели, руки и ноги соскальзывают, колючий снег больно хлещет в лицо. Внезапно лестница под ним перекосилась, стала угрожающе вытягиваться, поползла вниз. «Фу ты, ясное море, неужели перетерло?» Упершись ногой в ближайший выступ и зацепив носком другой свисающий конец, Комлев стал подтягиваться на руках до ближайшей крепкой перевязи. Вот он встал на нее, затем, перегнувшись, подхватил нижние звенья. Так и есть! Веревка перетерлась. Как выйти из создавшегося положения? В это время он почувствовал толчок в плечо. Чуть не на спину ему спускается Вадсен. Сразу поняв, что произошло, он вытащил из кармана бечевку. Комлев связал звенья, и спуск продолжался.

Мирзоев спускался последним и при падении угадал прямо в объятия норвежского партизана.

Теперь предстояло снять часового. Ранди и Никита поползли в обход караульного помещения с одной стороны, Вадсен и Мирзоев — с другой.

До боли в суставах Мирзоев сжимает в руке финский нож. Вот и угол. На минуту задержавшись, он увидел выползшую из-за угла тень солдата, а через секунду кошкой кинулся на него сзади. Часовой обмяк и беззвучно опустился на руки Вадсена и Комлева.

Как из-под земли вырос Оскар, следом подоспели и другие товарищи. Они уже убрали часовых у барака. Без выстрела отряд занял караульное помещение. Через несколько минут с охраной было покончено.

С минуты на минуту должен был подъехать Хансен с товарищами, привезти все необходимое, но нарты не показывались. Бежали драгоценные минуты. Оскара покинуло спокойствие. Комлев нервно жевал сигарету.

— В чем дело? Почему нет Эдгарда? — то и дело спрашивал он.

Промедление может привести к провалу всей операции, к жертвам не только среди пленных и их освободителей, но и среди мирных норвежцев.

Решено больше не ждать. Только двинулись к бараку, как из снежной кутерьмы вынырнула оленья упряжка. Быстро взвалив на плечи узлы и расхватав лыжи, все

устремились к дверям. Комлев с силой рванул двери женской половины барака.

6

Узкий, низкий и длинный, как гроб, барак. Сквозь запыленные стекла небольшого фонаря еле пробивается свет, освещая двухъярусные нары вдоль закуржавевших стен. Стоны, тяжелый разноголосый кашель, то ли сонное, то ли полубредовое бормотание выдают присутствие зарывшихся в лохмотья смертельно усталых и больных людей.

Когда Бозор вновь очутился в бараке, сердце его сжалось. С тревогой подумал: успеем ли?

В первое мгновение на них никто не обратил внимания: по-видимому, привыкли к внезапным ночным визитам охраны. Только женщина у печки, старавшаяся разжечь сырые промерзшие дрова, крикнула:

— Закрывайте двери, вам здесь не ночевать...

— Не ругайся, Машенька, тебе здесь тоже не ночевать, — приблизившись, успокоил Мирзоев и громко крикнул: — Товарищи! Быстрее вставайте, товарищи! Мы за вами пришли!

Люди, обреченные на смерть, услышав самые близкие слова: «Товарищи!», «Свобода!», не могли поверить своим ушам. Если бы сейчас под ними раскололась земля, они не были бы так удивлены.

На нарах задвигались, заволновались, зашумели. Первой бросилась на шею Мирзоеву изможденная молодая женщина, растоплявшая печь.

— Бозор! Милый! Откуда ты, господи, откуда вы? Неужели это свобода? Неужели это правда?! Ты... ты... — она и смеялась и плакала.

Женщина походила на девочку, перенесшую тяжелую болезнь. Из-под черных вразлет бровей доверчиво смотрели на Бозора влажные глаза.

Она! Комлев узнал ее, прикрывшую собой от автомата упавшего человека.

Тут на женскую половину гурьбой ввалились мужчины в полосатых рваных костюмах. Впереди всех — юноша. Его прозрачное восковое личико выражало буйное ликование. Но прежде всего он кинулся успокаивать плачущую.

— Мария Васильевна, не плачьте. Машенька, ты же никогда не плакала! Это наша Машенька-артистка, — с гордостью сообщил он Комлеву. — А я Тиша маленький, Тиша большой, дядя Тихон, красноармеец, умер вечор. Тетя Маша, — он кивнул в сторону печки, — ему лекарство варила, да не помогло.

Восторги, объятия прервал Комлев.

— Товарищи, времени у нас мало. Быстрее собирайтесь. В любую минуту могут нагрянуть из комендатуры. Слушайте меня: путь на Родину будет тяжелым, но мы выйдем, обязательно выйдем. Только скорее!

Маша уже не плакала.

— Правильно, товарищи! — кинулась она к Комлеву. — Лучше умереть на свободе, чем сгнить здесь. Кто с нами — быстрее собирайтесь!

Люди стали сбрасывать опорки, рваное тряпье. Ранди, Тиша и Мария Васильевна распределяли теплые носки, обувь, немецкие шинели, шарфы. На всех не хватило, и кое-кому пришлось выдавать только варежки. Но узников это не пугало. Охваченные одним порывом — поскорее выбраться из этого страшного места, — они готовы были идти в чем есть. Один из них, высокий, изможденный мужчина с отвисшими складками кожи на щеках, когда трофейная шинель-маломерка лопнула на нем по шву, весело воскликнул:

— До своих дойду, а там новую сошьют.

Не досталось ничего и Марии Рябиной. Она по сравнению с другими одета хорошо: длинноухая пуховая шапка, на худеньких плечах в лохмотья изодранная шубенка, валенки, подшитые через край белыми нитками.

«А если замерзнут в пути? — подумал Комлев. — Но как можно предложить кому-то остаться? Кто откажется от попытки прорваться на родину? Даже думать об этом нельзя!

Надо рисковать, надо брать на себя ответственность за все и всех».

— Лейтенант Мирзоев! Вы командир боевого отделения. Людей знаете, выдайте оружие и боеприпасы.

Приготовления закончены. Все столпились у выхода. Никита Кузьмич посмотрел на Оскара.

— Ну друг, всем вам большое спасибо. Лиха беда начало. А теперь пора в путь.

Оскар вынул изо рта свою трубку, выбил о ноготь большого пальца и протянул Комлеву.

— На память. В дорогу надо. Много лет курил, теперь ты будешь. Помни не лихом... А ты, Бозор, вот это бери, — он отдал свой нож и зажигалку.

— Кузьмиш, — к Комлеву шагнула Ранди и набросила ему на шею свой теплый шерстяной шарф.

— Спасибо, Ранди, жив буду — сберегу твой подарок, — растроганно сказал Никита Кузьмич.

Комлев предупредил всех, что путь будет нелегким и только желание вернуться на родину поможет им все преодолеть. В полном молчании, хотя и очень возбужденные, покинули барак.

Глава IV

1

Комлев уверенно повел отряд по хорошо изученному по карте маршруту. Свирепый ветер хлестал в лицо, вихрями закручивал снег. Мирзоеву, замыкающему, не видно головы колонны. Шли почти всю ночь. Вставшие на лыжи впервые и большие двигались в середине, с женщинами.

Хотя командир строго-настрого приказал соблюдать в походе тишину, все были оживлены. Ощущение воли, сознание того, что страшные дни остались позади, прорывалось веселыми возгласами, приглушенным смехом то в одном, то в другом конце колонны.

Когда по цепи передали, что перешли государственную границу, всех охватил бурный восторг, родная земля придавала силы. О погоне не хотелось думать. Хмурый старшина Сомов в шинели-маломерке простуженным голосом пытался затянуть «Широка страна моя родная», но получил от Комлева выговор.

— Петь будем, когда к своим придем. А пока что кругом враги.

Комлев и Мирзоев знали, что к утру, а, может быть, и раньше немцы обнаружат побег, и погоня обязательно будет. Весь вопрос — в каком направлении она пойдет?

Только под утро остановились на первый привал. Лыжами разгребли снег у подножия сопки, утрамбовали площадку. Мария Васильевна Рябинина выдала сухой паек. Закусили и легли вповалку отдохнуть часок-другой под охраной часовых.

Как ни устали все, но многие не могли сразу заснуть. То там, то здесь слышался шепот. Привалившись к плечу Бозора, лежит Тиша маленький. Возле него примостилась Маша Рябинина, рядом — Комлев.

— Ну-ка, артистка, двигайся сюда, теплее будет, — предложил Комлев.

— Какая я артистка, разве во сне видела себя ею! — усмехнулась она и под села поближе. Голос мягкий, говорит с чуть заметной шепелявинкой. Комлев почувствовал, что ей нужно высказаться, и приготовился слушать. Задумчиво, полушепотом она начала рассказывать.

— Мама и папа мои — учителя. Я тоже окончила педагогический, а когда училась, каждое лето на каникулы приезжала в родное село. Вы никогда не бывали в Смоленской области? Ох, и до чего же у нас красиво! Когда вернусь домой, целые сутки простою на берегу Днепра, все буду смотреть и смотреть... И почему мы до войны так мало обращали внимания на окружающую нас красоту?.. Я любила ходить в березовую рощу, кататься на лодке, петь с сельскими девчатами частушки по вечерам. Иногда мы выступали на полевых

станах с немудреной самодеятельностью. А «артисткой» я стала поневоле, в концлагере. Побои, голод, унижение...

Маша замолчала ненадолго, потом, тяжело вздохнув, опять заговорила.

— Проснусь, бывало, и гляжу на длинный ряд нар, а сердце болит. Так и хочется закрыть глаза и не видеть, не слышать ничего. А вставать надо — придут и резиновой палкой поднимут на работу. Никак не могла смириться с одним: только вчера делала что хотела, шла куда вздумала, и вдруг — неволя. Какое страшное слово! Разве думали мы, что когда-нибудь узнаем, что это значит...

Меня окружали сильные люди. Но были и павшие духом, они становились безразличными ко всему, теряли человеческое достоинство. А в неволе — это самое страшное. Таких надо поддерживать, бодрить. А как? Иной раз какую-нибудь шутку обронишь, другой — забавную историю расскажешь, а в ответ проскользнет по лицу улыбка одного, повеселеют глаза у другого. Настроение — убийственное. Кто-то из женщин заплакал в голос. Смотрю, уж у многих на глазах слезы.

— Девчата, что же вы? — кинулась я успокаивать их. — Вот вы ревете, а Геббельс, прыщ плюгавый, радуется этому.

Только отмахиваются от меня, так расстроились.

— Отстань, какой такой Геббельс?

— А вот смотрите, какой...

И начала я представлять, как умела. Наверное, смешно получилось, потому что девчонки до слез хохотали. Кто-то сказал:

— Ну, Машенька, ты настоящая артистка!

Так меня и начали все звать... А потом как-то само получилось — организовалась своеобразная самодеятельность. Что мы делали? Нам в барак часто подбрасывали антисоветские листовки на русском языке. Мы перекраивали напечатанное в них на свой лад, придумывали частушки, анекдоты о Гитлере, о лагерном начальстве и с этим репертуаром вечерами выступали.

Однажды нас, артистов, накрыли, избили, меня посадили в карцер. А вы знаете, что такое карцер? Это ужасно! — шепотом воскликнула Маша и теснее прижалась к Комлеву. — Там, куда меня бросили, можно было только стоять. Сырость страшная, сверху капает. Тяжелые капли каждые десять секунд падают на цементный пол: кап, кап. Под полом кто-то противно скребется. Я думала — с ума сойду! Чтобы не слышать, сначала пела песни. Стали отказывать ноги — решила стоять попеременно: отсчитаю шесть капель на одной ноге, потом переступаю на другую. Так вот и выстояла двое суток, выдержала...

А после разбросали нас по разным лагерям. Я попала в Норвегию, на рыбный завод.

Наш грузовик остановился на площади небольшого городка, прижатого к морю высокими горами. Серо, уныло. Куда привезли? Только подумала об этом и на нас полетели комья снега. Это мальчишки с озорным смехом, под одобрительные возгласы конвоиров, соревновались в меткости. Теперь, думаю, ясно куда привезли: сочувствия в этой стране не жди, даже дети и те настроены против нас. Снежки падают градом, разваливаются, и на коленях одного оказывается горбушка хлеба, у другого — печеная картофелина, у третьего — кусок селедки. Мы поняли хитрость маленьких граждан Норвегии, на душе стало теплее. Она замолчала.

— Ну а потом, Машенька?

— Потом? Раз немцы придумали обедню нам отслужить: притащили откуда-то русского попа. Он пришел и затянул: «Аллилуйя — аллилуйя!» А мы в ответ запели: «Страна моя, Москва моя»... За это меня опять в карцер, а оттуда на север в рудник. Из рудника прямым сообщением, без пересадки в барак номер семь с соответствующей характеристикой, — она улыбнулась, и в темноте сверкнули белые зубы. — Думали, что я здесь образумлюсь. Не тут-то было! И здесь нашлись артисты, да еще какие! Цыганка Роза пела свои песни и плясала. А пожилые женщины так бывало затянут русскую проголосную, что невольно заслушаешься,

перенесешь сердцем и мыслями в родные русские просторы... Вот так и жили. Ну, да о бараке номер семь вам, наверное, Бозор немало рассказал, он у нас политруком был: политинформации каждый день проводил, — закончила свой рассказ девушка.

Мария Васильевна и Тиша маленький рассказали о судьбе товарищей, бежавших вместе с Бозором. Всех, кого поймали, фашисты расстреляли перед строем узников.

...Буря немного утихла, но тучи волнами ходили по небу. Через четыре часа раздался глухой голос Комлева:

— Становись!

На первом привале оставили одного товарища, — засунув руки в рукава, скорчив ноги в полосатых лагерных штанах, он, недвижимый, остался сидеть... Еще вчера, вырвавшись на волю, надеялся, мечтал, радовался. Но подорванный организм не выдержал напряжения.

Это была первая потеря отряда — начало тяжелых испытаний.

2

И на второй день все еще пуржило. Шли вдоль извилистой речушки, в устье которой у озера жили рыбаки-финны.

Ожидание отдыха, тепла придавало силы. И хотя буря очень затрудняла движение, все же продвигались к цели. У сопки, где, как обещал Лихтсен, должен был встретить финн, остановились. Но прошел час, второй — никого не было. Наконец Комлев махнул рукой:

— Довольно ждать! Видимо, там что-то неладно. Возьми-ка, Бозор, кого-нибудь с собой и разведай.

С Бозором пошел Ваня Трофимов, курносый веснушчатый весельчак. Покидая барак, он в спешке потерял одну варежку. Кто-то дал ему в дороге перчатку, и ему все время приходилось дуть на торчавший из нее большой палец, потирать его. Маша по этому поводу пошутила:

— Ты, Ваня, современный Ахиллес, только у тебя не пятка, а палец уязвим.

Иван непонимающе посмотрел на нее, но на всякий случай весело хохотнул и, поперхнувшись, пробурчал:

— Ничего, небось обойдется.

В разведку он отправился охотно. Осторожно шли вдоль огибавшей сопку реки, вглядывались в плотную снежную завесу, часто останавливались.

Неожиданно Иван тронул Мирзоева за плечо и кивнул в сторону. К ним кто-то приближался. Человек или зверь, различить в метельном сумраке трудно. Приготовили автоматы. Через минуту стало ясно, что к ним смело направляется человек. Видимо, он заметил их раньше, чем они его, и шел прямо к соснам, за которыми притаились разведчики. Широкоплечий и низкорослый, в меховой одежде, человек походил на медведя. Лыжи обиты оленьими шкурами, чтобы не скользили при подъеме. Давно небритые щеки заросли светлой щетиной. Лицо угрюмое, усталое, изборожденное резкими морщинами. Не спрашивая, кто они, не останавливаясь, он бросил на ходу по-русски:

— Где люди? Ведите, — и двинулся дальше. Разведчики повернули обратно. Финн молча шел сзади. Только слышно было, как он глубоко вдыхал носом воздух и отрывисто выдыхал.

«Умеет экономить силы», — подумал Бозор.

Отряд ждал, укрывшись у заветренного склона сопки. Издали разглядев, что товарищи возвращаются не одни, Комлев торопливо двинулся навстречу. Финн сбросил вещевой мешок, протянул ему руку и отрывисто проговорил:

— Хлюппенен. У меня, командир, немцы. Много, с собаками. Ищут вас. Говорят, живыми или мертвыми найдем. На север от нас, до самого Петсамо рыщут еще несколько отрядов. Туда тоже нельзя. Обходить надо к югу, за теми вот горами, — он указал рукой, но Комлев и его друзья ничего, кроме вьющегося снега, не увидели.

— Здесь рыба. — Он пнул свой мешок ногой. — Это все, чем могу помочь. Я пошел.

Финн был уже далеко, а люди все еще стояли неподвижно. Вся суть сказанного только доходила до них.

— Вот так! — выдавил из себя Сомов, разводя руками. Он сразу еще больше сторбился, сник.

Комлев глядел в сторону, где скрылся за снежной пеленой финн, плотно сжав челюсти, нахмутив брови. Тщательно разработанный план рухнул: удлинялся маршрут, увеличивались трудности. Отдыха, к которому все так стремились, не будет. Рядом враги. Надо быстрее идти. А куда? Что впереди? Раздались тревожные возгласы. Кто-то из женщин заплакал. Маша успокаивала:

— Ну что вы голосите? Перестаньте. Слезами горю не поможешь! Обойдем это опасное место и опять по намеченному пути двинемся. Полно распускать нюни-то!

Наконец Комлев принял решение и отдал приказ к выступлению.

Мороженую рыбу разложили на санки, «тягачи» впряглись, и колонна двинулась.

Через несколько часов уперлись в реку. Из кипящей воды горбами торчат валуны. Река парит: кажется, сунь руку — ошпаришь. Берег крутой, высокий, противоположный утонул в пурге. На берегу из-под снега торчит бурелом.

— Привал? — полувопросительно воскликнул Сомов, выпрягаясь из упряжки первым.

— На той стороне, — коротко отозвался Комлев.

— Переходить? Это невозможно! Надо идти дальше, может где переправу найдем.

— Так вот и понастроили немцы для нас переправ, — рассердился Комлев. — А в Финляндии теща блинов напекла. Там тоже все на ноги поставлено, любезный друг. Дальше река нас заведет к противнику. Выходит, надо переправляться здесь. Единственный для нас выход.

До сих пор молчавшая Машенька укоризненно посмотрела на Сомова.

— И чего вы спорите, Олег Прохорович? Не сидеть же нам, в самом деле, пока придут немцы и скажут: «Пожалуйста, господа хорошие, в барак номер семь!» Перейдем реку, и к своим.

Рядом с ней, как всегда, стоит Тиша. У мальчика сильный жар, но он старается держаться бодро. Комлев скользнул по нему ласковым взглядом и с улыбкой спросил:

— Ну как, Тиша, перейдем?

— Перейдем, дядя Никита! — болезненно улыбаясь, ответил тот.

— Раз так — готовить переправу! Старшина Сомов, организуйте сбор валежника, сучьев. Всем вязать маты. А ты, Бозор, переправься на тот берег, попробуй укрепить там канаты. Трофимова возьми с собой.

Нашли жерди. Два каната прикрепили к соснам на этом берегу, и вот Бозор с Иваном спускаются к воде. У Бозора перед первым прыжком закружилась голова. Он ставит жердь на дно, с замиранием сердца, отчаянно отталкивается от берега и прыгает на плоский, скользкий камень. У самых ног ревет и пенится вода. Малейшее неосторожное движение, и его подхватит бушующий поток.

Вскоре Иван оказался рядом с Бозором. Стало веселее. Так, перепрыгивая с камня на камень, они переправились на противоположный берег. Теперь оставались пустяки — натянуть канаты.

Тем временем товарищи пустили в ход все — ремни, веревки, валежник и быстро наплели маты. Их надо было набросить на веревки и таким образом соорудить своеобразный мост. Задача трудная, рискованная. Занялся ею Комлев. Мирзоев видел, как, сторбившись, почти на четвереньках, Комлев метр за метром приближался к ним. Ветер старается вырвать из его рук каждый настил, и Комлеву стоит больших усилий прикрепить его к «балкам». Не легче и тем, кто подносит маты. Наконец наброшено последнее звено. Началась переправа.

Переползали по двое: слабого сопровождал сильный, больного — здоровый. Мост качался так, что дух захватывало. Вначале все шло благополучно и казалось, что беды не будет. Перетягивая по «мосту» сани с продуктами и аккумулятором радиостанции, пожилой

мужчина в немецкой каске почувствовал головокружение и покачнулся. Стараясь удержаться, он потянулся к своему товарищу. Тот непроизвольно отшатнулся в другую сторону. Настил от этого еще сильнее закачался. Оба потеряли равновесие и вместе с грузом рухнули в воду. Мгновение, и их унесло в водоворот.

— М-м-м, ясное море! — простонал Комлев. В этот миг он вспомнил Малыша, представил себе, каких трудов стоило ему перенести радиостанцию через фронт в Норвегию. И вот теперь это лишний и бесполезный груз. И Комлев распорядился бросить рацию в бушующий поток.

3

Ветер сгреб с неба тучи. Люди впервые за эти дни увидели редкие звезды в сероватом предрассветном небе. Ярче других выделялась над головой Полярная звезда. Комлев посмотрел на часы. Был серый день, когда солнце не появляется над сопками, а далекие лучи его, скрытые за дугой горизонта, приносят сюда только слабый отсвет. Ни светлой полоски, ни розового пятнышка не видно в это время на северном небе. И снег, и сосны, и скалы кажутся покрытыми однообразным серым полотном. Только на севере сумерки гуще, на юге — бледнее. Полярная ночь!

Отряд, потерявший в пути еще пять человек, сгруппировался на склоне горного массива.

...Сняв мост, они ушли от печальной переправы. Вначале петляли по ущельям, которые становились все уже и уже. На второй день перед отрядом выросла стена из бесформенного нагромождения скал и камней, торчащих из снега. В глубокой расщелине люди закусили каждый одним сухарем да кусочком рыбы. Там же уснули.

Новый подъем после отдыха принес новые жертвы: еще двое, прижавшись друг к другу, остались лежать. А непогода все не унималась: то стихнет на минуту, то забушует с новой силой.

Комлев осмотрел заметенные снегом трупы, с досадой сказал:

— Хоть не останавливайся!

На Сомова эта картина подействовала убийственно. Он в страхе отскочил от умерших, а увидев впереди нагромождение скал, попятился назад.

— Куда теперь пойдём, куда?! — панически закричал он. — Ведь говорил же финн, что надо обходить горы... Не послушал, завел нас в ловушку!

— «Говорил, говорил!»! — сердито ответил Комлев. — Пойми, голова садовая, что горную цепь нам где-то все равно надо переходить. Чем южнее, тем она будет скалистее. Здесь преодолеем хребет, выйдем на прежний маршрут и ближайшим путем пойдём к левому флангу наших войск.

При этих словах Комлева у Сомова залязгали зубы и весь он затрясся как в лихорадке, жалобно приговаривая:

— Ведь там же немцы... Опять в барак номер семь попадем... Я не хочу туда...

Сомов серьезно заболел. Глаза его блуждали, словно у помешанного, он что-то невнятно бормотал.

— Олег Прохорович, я вас не узнаю, — вмешалась Маша Рябинина. Потом, хлопнув Сомова по плечу, весело пропела:

— Старшина, старшина, улыбнитесь, пусть улыбка будет флагом корабля. Ты боишься встречи с немцами? Но ведь у нас есть оружие и такие воины, как Сомов! Нет, нам не следует бояться этой встречи. Мы обязательно пробьемся к своим.

К Сомову подошел Трофимов и, подмигнув, сказал:

— Ты, что же, браток, испугался этих гор? Нам политрук рассказывал, как Суворов через Альпы переходил. Вот это горы так горы! Да! А это не горы — горушки, мы их мигом перескочим, — с нарочитым пренебрежением закончил он.

Начался штурм гранитных глыб. Отряд был разбит на три группы: штурмующая,

«обоз», куда входили, женщины и больные, и «буксир», она же и группа прикрытия.

В который уже разгодились канаты, предусмотрительно припасенные заботливыми норвежцами.

Сомов навалился на стену плечом, уперев руки в колени. С помощью Комлева Трофимов вскарабкался на плечи старшины, дотянулся до выступа. Через минуту послышался его радостный возглас:

— Порядок!

Затем Трофимов помог подняться Мирзоеву.

Со скалы на скалу, с площадки на площадку поднимаются они все выше и выше. Пурга с невероятной яростью хлещет в лицо, пытаясь сбросить обратно, но они цепко хватаются за камни и ползут. Вот обмотались канатами, уперлись ногами в камни и подали товарищам знак к подъему. Первым начал взбираться Сомов. Он уже дополз до вершины глыбы, хотел ухватиться за ее ребристый выступ, но рука сорвалась и Сомов пополз вниз.

— Держись, держись, старшина! — кричит снизу Маша и подставляет под его ногу плечо. Передохнув, Сомов взобрался на скалу.

— Олег, теперь ты помоги мне, — просит Маша. Сомов подает дрожащую руку, помогает Рябининой.

Поднимавшаяся следом женщина в башлыке свалилась с высоты в сугроб. Тогда Комлев с чернобородым мужчиной поднялись на первую площадку, взяли второй конец каната. Люди садились на образовавшуюся полу-петлю, и она двигалась, помогая подняться.

А потом этот утес. Он встал непреодолимой стеной. С одной стороны такое нагромождение глыб, что идти по ним нечего и думать. С другой — выступ утеса, занесенный снегом. Решили пойти по нему, узнать, что за скалой. Комлев послал на это опасное дело Бозора Мирзоева и Ваню Трофимова. Ваня подошел к краю обрыва, глянул вниз и, покачивая головой, протянул:

— Э-ге-ге! Тут, братишка, не только оленю, даже и змее не проползти. Ну, да ничего. Вот наш политрук рассказывал про переход Суворова через Альпы. Вот это да! Ну, поехали.

— Поехали, — ответил Мирзоев, заразившись оптимизмом добродушного парня.

Подпоясавшись канатом, стараясь не смотреть вниз, крепко прижимаясь к щербатой стене, друзья двинулись по заснеженному карнизу. К счастью ветер дул на утес и помогал смельчакам: прижимал их к гранитной стене. Шаг... Второй... Третий... Сердце словно оборвалось, кровь остановилась. Мирзоев замер. Глухой грохот быстро скатывается вниз. Мирзоев открыл глаза. Впереди только что был сугроб, теперь чистый гранит с разрывом в полметра. А там — бездна. Шаркая лыжами по камню, преодолевая провал, Мирзоев идет дальше. За спиной слышится тяжелое сопение Ивана. Это подбадривает.

Утес овальной формы. Пройдя метров тридцать по узкому выступу, очутились на сравнительно пологом склоне горы. Сели отдохнуть на камень; молчали, тяжело переводя дыхание. Потом словно прорвало: схватили друг друга в объятия, громко заразительно захохотали. Успокоившись, закрепили канат за сосну. Он натянулся вокруг скалы.

Начался переход остальных.

Крепко ухватившись за веревку, впереди Никиты передвигается пожилая женщина в клетчатой шали с обтрепанными кистями.

— О, осподи, прости мою душу грешную!

Когда миновали самое опасное место и напряжение ослабло, Комлев спросил:

— Ты разве, тетя, грешна?

— Грешна, грешна, сынок, грешна, — машинально ответила она. Потом, скосив глаза на Комлева, слабо улыбнулась: — В девках дюже бойкой была, жениха у подружки отбила. Где-то он, мой старый? Ушел в партизаны, из-за него и маюсь. Жив ли?

— Жив. Ну вот, мы и перешли.

— Слава те осподи!

Молчаливая женщина в башлыке оступилась, повисла на канате. Ей хотел помочь

чернобородый мужчина. Канат лопнул, и они с криком упали в пропасть. Эта трагедия на время парализовала всех. Иван с Бозором уже срастили канат, а оставшиеся по ту сторону утеса все еще не решаются переходить. Наконец оцепенение прошло, а сознание того, что не вековать же там, заставило людей идти.

И вот горы позади.

Глыба, которую вчера обошли по узкому выступу, отсюда походит на гигантского орла. У ее подножия дремлют могучие сосны. Дальше раскинулась равнина, изрезанная речушками, покрытая, словно оспинами, озерами и болотами. Еще дальше, на горизонте, там и сям виднеются пологие сопки.

Отряду предстоит пройти по открытому месту около ста километров, преодолеть еще один хребет. Там свои. Из хранящегося у каждого неприкосновенного запаса — сухаря и двух плиток шоколада — не разрешено брать ни крошки до остановки на ночлег. Комлев распорядился искать «подножный корм».

— Какой корм? — скептически обронил Сомов. — Кругом снег, камни, а ими не насытишься. А есть-то так хочется, никакого терпения нет...

На это замечание откликнулся Иван Трофимов:

— Э, братишка, ты, наверное, еще по-настоящему не знаешь, почем фунт лиха. Нам вот политрук рассказывал, как в гражданскую они через Каракумы две недели шли, вот это да. Солнце палит, воды ни капли, хлеба ни крошки, один голый песок. А нам что? У нас и под ногами харч и над головой харч, да какой! Витаминчики! А идем — ноем!

Стали разгребать снег, искать ягоды, мох. Но здесь, на высоте, нашли немного. Трофимов не унывает. Отодрав тонкую ленту коры от случайно найденной сосновой ветки, он смачно жует ее и продолжает балагурить:

— Подкрепимся вот этим. Для сохатого это лучшее лакомство, а мы чем хуже его?..

— Ну ничего, внизу найдем ягоды, а теперь — вперед! — подбодрил Комлев и первым стал спускаться по склону.

Вскоре пошли по открытой равнине. Минувшая буря намела снежные барханы с завитыми гребнями. Лыжи тонут в этих застывших волнах, и требуется немало усилий, чтобы продвинуть их хоть на полшага вперед. Мирзоеву видно, с каким трудом идет Никита Кузьмич. На последнем привале у него открылась рана. Норвежская меховая куртка — подарок Мартина Вадсена, чудом держится на плечах. Унты обмотаны веревками от носков до колен. Щеки заросли черной щетиной, провалились, нос заострился.

Следом за Комлевым идет Сомов. Он совсем выбился из сил и еле бредет, хотя у него взяли автомат, подменили в упряжке. Вместо продуктов на санках теперь везут Тишу: болезнь окончательно свалила парня с ног. В центре Машенька в подпоясанной ремнем шубенке. Лицо изможденное, восковое, одни глаза на нем живут. Но старается идти бодро. Невдалеке, лихо сдвинув на затылок трофейную каску, вышагивает Ваня Трофимов. Бозор глядит на своих товарищей, и невольно на ум приходит русская старинная песня о том, как бежал бродяга с Сахалина. Впервые он услышал эту песню давным-давно от красноармейцев-сибиряков, которые на его родине громили банды Ибрагим-бека. Услышал и полюбил: сколько в ней грусти и тоски по родине, глубины чувств. Вид колонны вызвал на лице улыбку. В это время Комлев оглянулся, кивнул ему и пошел еще медленнее. Мирзоев прибавил шаг.

— Ты чему улыбаешься?

— Да вид у нас у всех, товарищ командир, парадный: словно от своры собак отбивались.

— Это ничего. А насчет парада... Пройдем мы еще по главному проспекту Мурманска парадным шагом, обязательно пройдем, Бозор. Но теперь надо быть начеку: погода летная... Еще раз растолкуй всем, что делать в случае налета... Ступай.

Еще сутки прошли без особых происшествий. Больные, уставшие люди бредут медленно. Сомов, по выработавшейся в пути привычке, боязливо озирается по сторонам: а

вдруг неожиданно настигнет погоня? Его тревога передается другим. Открытая местность: ни навесной скалы, ни расщелины, в которой можно бы занять оборону. А немцы наверняка не прекратили поисков. Если обнаружат — встреча с врагом неизбежна.

Кончился еще один короткий серый день. Начало подмораживать. Недавно еще пухлый, как вата, снег твердел. Теперь лыжи скользили легко. Но, обжигая лицо, подул ветер. Усиливаясь, он срывал с твердого наста острые хрусталики, и они, перегоняя друг друга, поползли навстречу. Началась поземка. У измученных людей вот уже трое суток не было во рту почти ни крошки. Подножный корм выручал плохо. На привалах перерывали массу снега, чтобы найти хоть что-нибудь. Ели древесную кору и хвою, мох и лишайник. Один раз наткнулись на голубику, темную с сизоватым, бархатным отливом. Поляну обшарили вдоль и поперек, исползали на коленях, но то, что добыли с таким трудом из-под снега, лишь разожгло аппетит.

Шли по снежному свею. Дышать тяжело: бьющий в лицо ветер захлестывает, вызывает кашель, выматывающий последние силы, раздирающий грудь. «Только бы до привала никто не остановился! — думает Комлев. — Пусть длиною хоть с вершок будет шаг, но надо идти и идти вперед; в этом спасение. Остановится один, повалятся все, и тогда никакая сила не поднимет людей».

Комлев вспомнил, как ему трудно было идти двенадцать лет назад из родного села на станцию. Тогда он только вступал в пору юности. С котомкой за плечами, в дубленом перешитом полушубке, в серых больших валенках с глубокими разрезами на голенищах под коленками, в шапке с завязанными назад ушами и в стеганых варежках на руках он гордо вышел из Белоярова, перешел через мост, оглянулся еще раз и уверенно шагнул вперед. Мать попыталась отговорить его. «Не ходил бы ты, Никитушка, сегодня, сердце у меня что-то не на месте, да и солнце кровавое», — робко сказала она. Но разве усидишь дома, когда получен вызов в школу ФЗО и в нем указан срок явки. Вначале идти по наезженной дороге было легко. Но потом потянула поземка, наступили сумерки, а за ними ночь. Никита сбился с пути. Куда ни ступит — твердый лист ломается, и он проваливается по пояс в снег. Никита выбился из сил. Он вспомнил рассказы старших о том, как замерзают люди в степи. Холодные мурашки побежали по спине, захотелось плакать, позвать маму. Руки начали коченеть: промокли рукавицы. Никита сбросил их, засунул руки в рукава полушубка, поджал под себя ноги и, переваливаясь с боку на бок, покатился. Сколько так катился и куда, не знал. Но вот почувствовал, что под коленями и локтями не проваливается снег. Остановился. Пошарил руками. Снег твердый, на нем соломинки. Обрадованный, вскочил на ноги, поплясал на месте. «Дорога, дорога!» Не раздумывая, в какую сторону ему нужно, побежал. Куда девалась усталость! Сквозь редкий лес мелькнул желтый огонек. Через несколько минут он лежал на полатах, а в трубе голосила теперь уже не страшная вьюга.

То было двенадцать лет назад и на своей родной земле. Сейчас он так устал, что непреодолимо захотелось растянуться на снегу и уснуть навсегда. А как же люди, которых вырвал из рабства? Нет-нет, он не может быть слабым.

Думая так, Комлев оглянулся. У шедшей сзади него женщины выскользнула из-под ног лыжа, проваливаясь одной ногой в снег, она со стоном начала приседать. Комлев кинулся к ней, схватил за руки, хотел помочь удержаться на ногах, но она уже села. Широко открытые, без всякого выражения глаза, не мигая, смотрели в одну точку. Не замедлил со вздохом облегчения опуститься рядом Сомов.

— Товарищи, не садитесь! — просил, требовал Комлев. — Скоро привал. Там лес, костер разожжем, обогреемся. Здесь же нет ни сучка, открыто кругом, метет...

— Эй, что встали?! Жми до горы, там остановка! — крикнул в хвосте колонны Трофимов.

Но какое-то тупое безразличие овладело всеми. Никто не хотел двигаться с места. Сил хватало только на то, чтобы зачерпнуть пригоршней снег и отправить его в рот. Тогда Комлев выхватил из кобуры пистолет и, потрясая им в воздухе, страшным голосом просипел:

— Прекратить глотать снег, иначе стрелять буду!
— Очень буду рад! — Сомов посмотрел такими глазами, что Комлев только поежился.
— Старшина, вы же окончательно простудитесь, заболеете, — опуская пистолет, стал упрашивать Комлев.

— Туда и дорога! — Он что-то еще пробурчал невнятно, устало прикрыв веки, стал засыпать.

Тетя под шалью без кистей сидит неподвижно, только тяжело вздыхает:

— О, осподи... Отпусти мою душу грешную на покаяние...

— Нашла время молитвы читать! — вырвалось у Мирзоева.

— Не сердись без толку, Бозор! — сказала стоявшая над женщиной Машенька. — Ее молитва тебе не мешает, а ей, может быть, поможет...

— Что же будем делать дальше? — обращаясь ко всем, спросил Комлев. С болью он смотрел на потухающие глаза и синие круги под ними, на нездоровый румянец на щеках Маши. Она тяжело дышала, еле сдерживала душивший ее кашель.

— Разрешите съесть по кусочку шоколада, — прошептала Маша.

Люди задвигались, стали вынимать из карманов драгоценные крошки. Раздались голоса:

— Если бы он был.

Стало ясно, что многие не выполнили приказ Комлева о неприкосновенном запасе шоколада. Никита, Бозор, Иван и Маша переглянулись. Первой полезла в карман меховой шубки Маша. За ней достали свои неприкосновенные запасы Комлев, Мирзоев и Трофимов. Все это разделили на маленькие части и отдали тем, у кого не было ни крошки.

— Пора, товарищи, — сказал Комлев.

Никто не пошевелился. Люди медленно погибали на глазах, и от этого сердце готово было разорваться.

Комлев вопросительно посмотрел на Машу, и она поняла, что он просит у нее помощи.

— Вы что, вековать здесь собрались? — звонко крикнула она и пошла от человека к человеку. — Видно, коротка у вас память, коль забыли, от чего ушли и куда направляетесь. Забыли тех, кто погиб там, за проволокой?! К вам пришла свобода, и вы пока живы. Мы победили бурю, одолели скалы, а когда цель уже близка, до своих рукой подать, вы добровольно ложитесь в могилу. Так не поступают советские люди.

Кто лежал — приподнялся, кто сидел — зашевелился, не спуская глаз с девушки. А Машенька вплотную приблизилась к Сомову и, глядя на него в упор, продолжала:

— Нам осталось немного пройти этой ложиной, преодолеть вон тот перевал, и мы дома. Глядите, он виден уже! А вы трусили. Ну что ж, трусы недостойны свободы. Им лучше оставаться здесь, ждать смерти. А еще лучше — вернуться в барак номер семь. Хотя зачем возвращаться? Придут немцы и, как миленьких, доставят вас обратно, если не перестреляют. Вы этого хотите, Олег Прохорович?

— Нет-нет, — испуганно заговорил он, вытянув вперед ладонь, как будто отстраняя от себя страшное видение.

— Тогда, Аника-воин, садись ко мне на плечи, понесу, — властно протянула ему руку Маша. Ухватившись за нее, он поднялся и, покачиваясь, побрел. Скрипнул снег под его лыжами, и этот скрип, как глоток горячего чая, обогрел и ободрил Никиту. «Теперь пойдут, теперь пойдут!» — радовался Комлев, наблюдая, как один за другим со стоном поднимаются люди.

Вот, охая, встала женщина в клетчатой шали, за ней еще и еще... Комлев, Трофимов и Мирзоев помогали подняться тем, кто не в силах был сделать это сам.

Отряд пошел. А навстречу продолжал дуть ветер, бросая в лицо колючий снег. Очертания леса впереди слились в одну темную полосу. Угрожающе завывала буря. Но теперь эта угроза не страшна: люди двигались вперед.

Комлев ушел в голову колонны. Тронулся Трофимов. Очередь за Машенькой, За ней замыкающим пойдет Бозор. Девушка наклонилась, чтобы взять лыжные палки, потеряла

равновесие и ткнулась головой в снег.

— Мария Васильевна! Маруся, вставай! — крикнул Мирзоев.

Маша не шевельнулась. Бозор опустился на колени, приподнял голову девушки. Она открыла глаза и тихо прошептала:

— Оставь, умоляю тебя. Уйди, оставь, только на одну минуту оставь.

Глаза ее вновь закрылись, голова опустилась на грудь.

— Нет уж, нет, Машенька, я тебя не оставляю, — и Бозор, уложив Марию Васильевну на связанные лыжи, медленно заскользил за отрядом.

А ветер все дул и дул, все гнал в неведомые дали мириады хрупких снежинок.

Глава V

1

Ложбина, в которую к вечеру зашел отряд, зажата тремя холмами. Ветер поработал здесь на славу — перемел снег со склона одного холма на другой. А между ними, кроной вниз, взметнув расщепленный ствол, лежала сваленная бурей сосна. Снег вокруг нее утрамбован, местами выбит до земли. Тусклый луч фонарика осветил чьи-то следы.

— Эге, лежбище сохатых, — первым догадался Ваня Трофимов.

— Ну, пока хозяев нет, отдохнем здесь мы, — решил Никита Кузьмич. Он внимательно осмотрел товарищей, и сердце дрогнуло: среди них не было Бозора и Маши.

«Остались, там остались», — грустно подумал он, и тут же решил после устройства отряда пойти с кем-нибудь на поиски.

Комлев подошел к сосне, чтобы разжечь костер.

— Никита Кузьмич, ну, как огонь немцы увидят? — тревожно спросил Сомов.

— Если люди не обогреются у костра и не попьют кипятка, нам их не поднять, Олег Прохорович. Возможно, ночь пройдет благополучно, а на рассвете уйдем... Ну, а в случае... Будем драться, постараемся задержать немцев. Тем временем Иван уведет больных и женщин. Не волнуйся, и ты с ними пойдешь... Как жаль, что рация погибла. Нас ведь наверняка не только немцы, но и наши ищут. Малыш давно уже сообщил командованию.

Комлев крутнул шестеренку зажигалки. Выскочила искра, заколебался голубоватый огонек. Через секунду занялись, затрещали сухие иглы, желтоватый ручеек перекинулся на ветку и пополз по сучку. Вскоре пламя охватило всю крону, дохнуло теплом.

Повеселевшие люди окружили костер, подставляют огню лица, руки, ноги, протягивают к нему фляжки, консервные банки, трофейные каски, наполненные снегом. Отогревается у огня Тиша. Полудремель возле него закутанная клетчатой шалью женщина. Сомов немигающими остекленевшими глазами уставился в одну точку. О чем-то задумался, взгрустнул у костра Ваня Трофимов. А уж если Ванюшка загрустил, ой, как трудно остальным.

— Что, Ванюша, тяжело? — спрашивает Комлев.

— Да нет, терпимо пока. Только вот кто этот окаянный желудок выдумал? Ноет и ноет, так бы и выбросил его к чертовой бабушке.

— Верю, Ванюша, что тяжело. Но на тебя вся надежда. Возьми двух бойцов, сходи за сучьями.

Они поднялись на склон сопки. Отсюда место привала отряда кажется стойбищем первобытного человека. Ваня поднялся быстрее других, довольно-таки быстро набрал охапку валежника и стал спускаться вниз. Подошел к автоматчику в стеганой шапке с пуговицей наверху. Тот стоит неподвижно, навалившись на дерево.

— Э, товарищ, пошли, — проговорил Иван. Автоматчик не ответил, Иван подошел ближе. «Уснул?» — задел его плечом. Товарищ сполз по дереву, сел, шапка сдвинулась на глаза. Иван глянул ему в лицо и оцепенел. Крепко прижав к себе дрова, автоматчик сидел с оскаленными зубами. Иван не помнит, как он снял с умершего автомат, дошел до отряда. Еще

ни одна смерть не производила на него такого потрясающего впечатления. Он боялся смотреть в сторону бойца, чтобы не увидеть еще раз холодного, страшного оскала.

— Еще один! — скорбно произнес Комлев. Он хотел встать, но почувствовал, что какими-то невидимыми цепями плотно прикован к холодной земле. От горькой обиды на свое бессилие заскрежетал зубами. Затем положил руки на поджатые к животу колени, опустил на них голову и задумался.

Неужели это конец? Неужели все люди навсегда останутся в этой братской могиле и он уже не сможет помочь Машеньке и Бозору?

«Пойдем, быстрее пойдем домой, Никита, — услышал он знакомый голос и почувствовал на плече ласковые руки жены. — Ребятишки тебя давно ждут, мама плачет».

Комлев устало поднял воспаленную голову. Сердце радостно встрепенулось. К нему, как призраку, тихо приближался Мирзоев.

— Бозор! — прошептал Комлев. — А где Маша? Бозор молча опустил голову, и Комлев увидел лежащую на лыжах Марию Васильевну.

Пламя заметно становилось меньше. Комлев бросил в огонь сухие сучья. Послышался треск, и огонь вновь полез вверх.

— Пить, — прошептал Бозор.

Комлев отвинтил от фляжки крышку, налил в нее воды и поднес к губам друга.

Горячая вода, тепло костра привели в чувство и Машу. Она открыла глаза и поддерживаемая Комлевым села.

— Где я? Что это со мной? — опросила удивленно.

— Все в порядке, Мария Васильевна, все в порядке, — сдерживая слезы радости, проговорил Комлев.

За ветром, у костра, беглецы обогрелись, утолили жажду теплой снеговой водой. Теперь они немного приободрились и выглядели не такими унылыми. Комлев посмотрел на часы. Они стояли.

— Вот новость, ясное море! И так потеряли счет времени, а тут еще часы остановились, — с досадой воскликнул Комлев, постукивая пальцем по стеклу. — А день-то сегодня какой, вы помните?

— День как день, — ответил Мирзоев безразлично.

— Нет, особенный день! — Комлев встал. — Дорогие друзья, товарищи! Гляньте на звезды — время приближается к полуночи.

Люди посмотрели в темноту. И, словно бы отвечая на измученные взгляды голодных, оборванных людей, на небе заиграла полярная заря. Она выхватила у темноты полнеба, огромными пенистыми волнами заперекатывалась от горизонта к зениту и от зенита к горизонту. Отдельные ярко-белые языки, словно раскаленный металл, вырывались далеко вперед и, на мгновение застывая на месте, освещали лагерь беглецов.

Вздохи радости вырвались из уст людей. Как зачарованные, они смотрели на эти дикие, величественные и таинственные сполохи, как на предвестников скорого избавления от мучений.

Комлев переждал немного и, когда волнение улеглось, продолжил простуженным голосом.

— А вы знаете, что будет в полночь? Забыли. Потеряли счет времени! Наступит новый, сорок четвертый год!

Радостно захлопала в ладоши Машенька. Кто-то чуть слышно крикнул: «Ура!». Тиша удивленно воскликнул: «Уже Новый год!».

— Да, Новый год, — подтвердил Комлев. — Выпьемте же за него и за нашу удачу этот божественный напиток, он сегодня для нас всего дороже! — и Комлев высоко поднял над головой котелок, полный горячей, источающей пар воды.

Чокались чем попало, жали друг другу руки, целовались. Глотали воду, обжигались, дули и снова пили большими глотками. Кипяток, которого так долго были лишены, пьянил

головы, румянцем расцвечивал щеки.

— Дай бог не последнюю! — восклицал один, приближая свою банку к каске товарища.

— За благополучное возвращение! — кричал другой. — За то, чтобы дома еще выпить!

— И закусить!

Когда, возбуждение прошло, все так разомлели от тепла, горячей воды, что тут же крепко уснули. Задремали и Иван с Бозором. Но прошло не больше часа, как Комлев начал будить своих верных помощников.

— Надо поднимать отряд.

Они ходили между спящими, тормошили одного за другим, но спросонья люди лишь отмахивались от них, как от назойливых мух.

— Ну подождем еще немного, — решил Комлев. Он опустился у костра, обхватив руками колени и опустив на них подбородок, задумчиво смотрел на затухающий огонь. Вот взовьется над раскаленным углем один-другой голубоватый язычок и исчезнет, уголек начинает тускнеть. Вдруг опять прорвется яркой вспышкой внутренняя сила огня и опять затухнет. Потом уголь покрывается серым налетом и вскоре совсем чернеет — один, другой, третий...

Мрак подступает со всех сторон. Он уже коснулся тех, кто дальше всех лежит от костра. Из темноты раздался тенорок Вани Трофимова:

— М-да, положеньице наше... А вот нам политрук рассказывал, когда они в гражданскую шли через Каракумы, такой случай был. Вот, как мы, выдохлись они и легли умирать. Все лежат, а командир их сидит: бессилён, стало быть. А рядом, с ним лежит один боец, музыкант, всюду скрипку за собой таскал. Приказал ему командир сыграть что-нибудь. Помог ему, конечно, подняться. И начал, и начал этот скрипач по струнам смычком водить. И, понимаете, встали ведь люди-то! Да, встали и пошли. Скрипач играет, а они идут, идут. Ушли уж далеко. Тогда пошел и скрипач. Сделал шаг, другой, упал. Все ушли, а он умер... Эх, жаль, что мою балалайку разбил фриц в бараке, а то и я бы сыграл.

— А ты помнишь, Ваня, как Чапаев... — задумчиво проговорил Комлев. Сжав губы, он начал тихонько выводить очень знакомый мотив. Сразу же подхватил слова Ваня:

Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой...

Не успели они вытянуть последнюю ноту, как уже Машенькин слабый голос и еще несколько тихих голосов вразнобой подхватили:

Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой...

Как тихо началась, так незаметно и замерла песня.

...В тишине, заставив насторожиться, ясно послышался хруст, ломающегося наста. Комлев выхватил пистолет. Приготовились автоматчики. Слышно только, чье-то дыхание. Из-за сопки показался лось. Большими прыжками он влетел в лощину. Увидев свет и людей, остановился, как вкопанный, и стал поводить ушами. Крутая мускулистая грудь животного гордо выдается вперед, стройные ноги нервно подрагивают. Комлев прицелился. Щелкнул выстрел. Животное вздыбилось и затем грузно осело, подогнув под себя передние ноги.

— Убит! — крикнул Мирзоев и бросился к сохатому. Следом побежали Комлев, Рябинина и другие. Подставляя под струйку крови котелки, преодолевая отвращение, жадно глотали ее, солоноватую, еще горячую. С каждым глотком прибавлялось силы, переставала кружиться голова. Казалось, даже костер вспыхнул ярче. Вскоре над ним разнесся одуряющий запах жареного мяса.

Ели с жадностью и немало пришлось Комлеву уговаривать и убеждать людей, требуя воздержанности. Надо было избежать новых несчастий. Каждому было выдано ровно столько, сколько нужно для утоления первого голода. Оставшееся мясо разделили, раздали на руки, строго наказав без разрешения не прикасаться к нему.

— Приготовиться к походу! — скомандовал Комлев, когда все насытились.

— Всегда готовы, — отозвался сразу повеселевший Сомов. — Хорошо встретили Новый

год! Теперь хоть на край света идти можно.

— Э, наевшись, куда угодно пойдешь. Вот если бы ты раньше так отвечал, я первый бы сказал: «Вот это старшина!» — начал было подшучивать Иван, но Комлев строго остановил его:

— Будет! Болел Сомов давеча, а сейчас выздоровел. И все. Пошли!

Одни уже сами прикрепляли лыжи, надевали на плечи рюкзаки, другим надо было помочь собраться. Мирзоев подошел к женщине в шали, которая, казалось, все еще дремала.

— Вставайте, мамаша, идти пора, — тронул ее за плечо. Но она не пошевелилась. Только правая рука со сложенными для молитвы пальцами безжизненно скатилась с колена.

— Умерла...

— Не дошла, — грустно отозвался Комлев. Впервые за все эти дни тихо заплакала Машенька. Никита Кузьмич молча постоял над женщиной, потом повернулся к Тише, не спускавшему с него испуганных глаз.

— Умерла? У меня ноги зябнут и руки... — прошептал мальчик.

Комлев молча снял с себя подаренный Ранди пуховый шарф, разрезал его ножом надвое и намотал каждый кусок на иззябшие в парусиновых рукавицах руки мальчика. Потом коротко кинул:

— Подожди! — и вернулся к умершей. — Вы простите нас, тетя, вам больше ничего не нужно, — тихо, как бы про себя, проговорил он, бережно снял с ее плеч клетчатую шаль, закутал ею Тишины ноги.

Двинулись. Как и прежде, замыкающим шел Мирзоев. Оглянувшись на еле тлевший костер, Бозор увидел, как он еще несколько раз мигнул и вскоре совсем погас. Хлопьями повалил густой снег, словно торопясь захоронить оставшихся товарищей. Стало темно и тихо.

2

Следующий привал должен был быть у скалы, названной на карте Пасть зверя. То ли в результате обвала, то ли в силу других каких причин в ее подножии образовалась вместительная пещера, действительно похожая на зияющую пасть чудовища. Когда до нее оставалось каких-то двести метров, в небе показалась темная, с каждой минутой увеличивающаяся в размерах точка. Первым заметил ее Иван.

— Летит! Воздух!

Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы — все инстинктивно бросились в разные стороны.

— Назад! К скале! Или как зайцев перестреляют! — закричал Комлев. Люди сбились в кучу.

— Рассредоточиться и бегом к скале! — крикнул еще раз Никита Кузьмич. — Главное — спокойствие.

Немецкий разведчик — «рама»{13} тем временем приближался. Летчик, по всей вероятности заметив колонну, прибавил газу: за хвостом потянулась полоса густого дыма. Но отряд уже подходил к скале.

— Проходите, быстрее проходите, по одному, — приговаривал Комлев и почти вталкивал каждого в темноту пещеры. — Осторожнее, успеем, успеем, все успеем...

Последний человек скрылся под гранитным навесом. А самолет уже делал заход для атаки. Зацокали по камню пули.

«Рама» развернулась и на полном газу ушла обратно.

Штурман наверняка передал по радио координаты, и теперь надо ждать карателей.

— Так-то, брат Бозор, не удалось нам незамеченными ускользнуть, — с горечью сказал Комлев, глядя вслед скрывшемуся в облаках разведчику. — Надо бы уходить отсюда скорее, да вот люди... — Он взглядом указал на скалу, укрывшую беглецов. — Без отдыха они двигаться дальше не могут.

— Тогда надо занимать оборону, — сказал Мирзоев.

— Да, надо! Обязательно надо!

Местность для обороны была удобной. Между скалой, которая укрыла отряд, и другой, соседней, круто уходящей вверх, образовался своеобразный туннель, вход и выход из которого предстояло оборонять.

В пещере тем временем разожгли костер. Из-под каменной арки, как из курной избы, повалил дым. Машенька хлопотала среди больных и обессиленных. Тиша любовно уложен на сосновые ветки. Остальные сидели у костра, взволнованно обсуждали последнее событие, поджаривали кусочки мяса.

Комлев присел к костру, высказал свои соображения о сложившейся обстановке. Возражений против того, чтобы занять оборону, не было. Даже Сомов понимал, что это единственная возможность спастись.

На ходу глотая непрожаренные куски мяса, мужчины под руководством Мирзоева занялись сооружением снежных окопов. Используя в качестве лопат лыжи, вырезали снежные кирпичи и выкладывали из них брустверы.

— Поднажмем, старшина, чтобы веселее фрицев, встречать, — подбадривал Мирзоев насупившегося Сомова.

— Будут окопы или нет, а если фрицы придут, все равно всем нам тут крышка.

— Ну, раньше смерти не умрем. Подлиннее и пошире делай!

— Что же, танцевать в нем, что ли?

— Ты забыл, что в окопах делают? — не удержался от замечания Иван. — Быстро вспомнишь, когда припечет. Руками начнешь снег разгребать.

Комлев в это время обошел местность, проверил у всех оружие. Кое-кому подсказал, как действовать гранатой. Четырех автоматчиков во главе с Иваном Трофимовым послал на противоположный конец ущелья.

Не успели закончить с окопами, как послышался такой знакомый, такой родной гул.

— Наши, наши яки! — в восторге крикнул Мирзоев. И тут же закричали, захлопали в ладоши, замахали руками остальные.

Истребители сделали круг и начали пикировать на противоположный склон невысокой сопки, стоящей неподалеку от скалы Пасть Зверя. Перекрывая гул моторов, затрещали короткие пулеметные очереди. Бозор непонимающе посмотрел на Комлева.

— Все ясно. Разведчики заметили врага и решили его атаковать. А обстреляли они наших преследователей. Видать, «рама» успела сделать свое дело, ясное море. Пошли готовиться к встрече! — Комлев быстрым шагом направился к ущелью. Но тут же остановился, показывая рукой на появившуюся в небе шестерку «мессеров». Завязался воздушный бой.

Клубок самолетов то удалялся в сторону — тогда их не было видно из-за нависшей скалы, то опять появлялся над головами, и люди с замиранием сердца следили за этой головокружительной каруселью. Вот вышел из боя задымившийся «мессер». Следом за ним вспыхнул «яша». Из кабины вывалился черный комок.

— Открывай парашют, открывай! — кричали из отряда падающему пилоту, словно он мог слышать. Не сразу заметили, как из-за сопки, по которой вели огонь наши истребители, выскользнул лыжник, за ним второй, третий, лощина стала быстро заполняться людьми. Впереди — высокий, на очень длинных ногах немец с овчаркой на поводке.

Зная, как напряжены, как волнуются товарищи, Комлев тихо, но так, чтобы слышно было всем, отчеканил:

— Спокойствие! Без команды не стрелять! После команды — одиночными патронами и только наверняка.

Между отрядом и немцами каких-нибудь сто, семьдесят, наконец пятьдесят метров. Гулко стучат сердца. Бозор еле сдерживается от соблазна нажать на спусковой крючок.

— Что же он молчит? — досадует на командира. Но вот долгожданная команда:

— Пли!

Грянул залп. Взмахнув руками, упал навзничь длинноногий немец. Овчарка, почувствовав свободу, большими прыжками ринулась вперед.

— Пли! — повторил Комлев и, когда собака сделала последний прыжок, выстрелил в упор.

Еще несколько вражеских тел распростерлось на снегу. Получив отпор, немцы залегли.

— Пли! — снова раздалась хрипая команда Комлева.

Гитлеровцы, отстреливаясь, стали отползать назад.

— Для начала неплохо, — удовлетворенно отметил Комлев.

— Дали напиток, — скупобронил лежащий рядом Сомов.

При первых же выстрелах этот человек, как строевой конь при звуке трубы, подтянулся, стряхнул с себя апатию, вел бой толково, с большой выдержкой. Теперь, обернувшись к Комлеву, он натужно, словно это стоило ему величайших усилий, сказал:

— Ты не сердчай на меня, командир. От слабости, от помутнения разума я тогда говорил... В случае чего, когда будешь писать письмо в Псков, жене моей, не пиши о том...

— Я уже забыл, — искренне ответил Никита Кузьмич.

3

Пока отражали первую атаку, летчик, покачиваясь на стропах, опускался на парашюте в ущелье. Его мотало из стороны в сторону, ударяло о гранитные выступы, и приземлиться удалось только на соседней сопке. Воспользовавшись передышкой, Комлев распорядился:

— Бозор, на помощь!

Но не успел Мирзоев отползти и несколько шагов, как немцы открыли по нему стрельбу. Взметываются рядом снежные султаны. Противное жужжание пронизывает насквозь. Хочется вскочить и броситься назад, под укрытие скалы, к товарищам. Но он продолжает ползти... Вжечь, вжечь!.. Мирзоев делает отчаянные прыжки, и вот он у парашюта, накрывшего собой пилота. Оттаскивает купол в сторону и валится в снежную воронку. В ней, зарывшись в сугроб, лежит человек. Минута, и лицо его очищено от снега. Не верится глазам. С губ срывается:

— Сенька!..

Да, перед ним Блажко. На подбородке застыл ручеек крови. Тормошит товарища за плечи до тех пор, пока тот не открывает глаза.

— Пить...

Комок снега, который Бозор вкладывает Блажко в рот, окончательно приводит его в чувство. Сев, Блажко оттолкнулся к стенке воронки.

— Бозор?! А говорят, того света нет...

— Успокойся, мы еще не на том свете. Ты ранен?

— Не знаю. Шум в голове страшный.

Ощупав летчика, Бозор не нашел ни ран, ни переломов.

— Борис, — Блажко пытается заговорить о чем-то, но Бозор отмахивается.

— Потом! Все узнаешь. Сейчас спустимся к нашим, еще не так удивисься.

— А кто это — ваши?

— Увидишь! Пошли.

Кубарем скатившись с горы, ползут по открытой местности. На этот раз по ним не стреляют. Оказывается, немцы частью сил обошли ущелье и начали штурм позиции Ивана Трофимова, оборонявшего с товарищами выход из него. Комлев, отобрав несколько человек, собирался ползти на помощь Трофимову, когда Мирзоев доложил:

— Товарищ капитан, ваше приказание выполнил!

— Молодец! Летчик-то жив? — не оборачиваясь, спросил он и вдруг услышал:

— Товарищ гвардии майор! Воздушный десант в составе гвардии лейтенанта Блажко прибыл в ваше распоряжение.

Комлев стремительно обернулся.

— Семен! Ну и дела! — Комлев дотянулся до руки летчика и крепко пожал ее.
— Ей богу, правда. На второй день пришел приказ о награждении вас боевым орденом и о присвоении звания майора. А вскоре после этого полку вручили гвардейское знамя, — торопился доложить все новости Блажко.

— Вести хорошие. А сейчас ты, Семен, вместе с Бозором отправляйся к Трофимову. Там сейчас жарко будет. А мы станем держать оборону здесь.

4

После того памятного дня, когда Таня Лебедева получила письма от Блажко и Комлева, прошло около года. Она тяжело пережила известие о гибели друга. В один из вечеров, обращаясь к своей тете сказала:

— Придется Леночке временно пожить у тебя.

— Что так? — спросила та.

— Я ухожу в партизанский отряд.

Тетя заголосила, но Таня не думала менять своего решения. Не помогли и уговоры подруг, товарищей. Когда Таня сообщила о своем решении Илье Фомичу Орехову, он пощипал свой длинный ус, потер наморщенный лоб и сказал:

— Ну так что ж, доченька, гладенькой тебе дорожки. Таню, прошедшую курсы медицинской подготовки, взяли в отряд вместо заболевшего фельдшера.

За эти месяцы молодая женщина три раза побывала в тылу противника, исколесила сотни километров. Она все еще надеялась встретиться с Бозором, но со временем надежды таяли.

Глубокой осенью партизанский отряд расформировали, многие бойцы пошли служить в регулярные части Красной Армии. Среди них была и Таня. Ее просьбу — направить к разведчикам — удовлетворили.

И вот новый поход.

Разведрота поднялась уже достаточно высоко по склону горы, как замыкающий передал по цепи:

— Сзади человек!

Рота быстро заняла круговую оборону. Бойцы с суровыми лицами, с автоматами и гранатами наготове всматривались в снежную пелену.

Вначале красноармейцы увидели какой-то движущийся ком, затем перед ними возник человек, одетый в спортивный костюм. Он тяжело дышал и что-то говорил, ударяя себя в грудь.

— Кто такой? — спросил командир роты.

— Норге, норге! Шел русски, руссиск! Надо помощь руссиск плен!

Красноармейцы ничего не понимали, удивленно смотрели на человека, возникшего из снежного вихря.

При рассказе норвежца сердце Тани дрогнуло. Она раньше всех поняла, что хочет сказать этот человек и нетерпеливо начала расспрашивать:

— Говори толком, кому помощь нужна, каким пленным?

Норвежец развернул карту и повторил рассказ более спокойно. Когда красноармейцы уразумели, чего хочет норвежец, Таня, обращаясь к командиру роты, умоляюще попросила:

— Ну, товарищ старший лейтенант, быстрее, быстрее пойдёмте за этим человеком...

Командир роты не спешил с принятием решения. Обстановка возникла необычная. Он приказал радисту связаться с командованием. Связь устанавливалась долго, слышимость была плохой.

— Вот тут поговори, черт побери! — нервничал командир.

После долгих переговоров командование поняло, что случилось, и бойцы услышали:

— Действуйте, исходя из обстановки! Разведгруппа двинулась за норвежцем.

На группу Трофимова обрушился шквал огня. От разрывов мин дрожат горы. Шипят в снегу раскаленные осколки.

Быстро пробежав по ущелью, Бозор и Семен падают между Иваном и Машенькой, плотно прижимаются к земле.

— Почему ушла от больных? Или без тебя здесь не обойтись? — спросил Мирзоев, с тревогой посмотрев на девушку.

— А ты не беспокойся за меня, Боря. Больные в укрытии, а здесь и мое оружие пригодится, — Маша скосила глаза на лежащую перед ней грудку камней. В голосе такая решимость, что спорить бесполезно. Однако камни против автоматов — плохое оружие, и Мирзоев отдает ей свой трофейный маузер. Как стрелять из него, объяснял на привалах.

— Жарко, Ванюша? Иван озорно подмигнул.

— Это что, терпимо! Вот у нас в Брестской... Внезапно огонь прекратился. Нависла тревожная, страшнее любой канонады тишина. Слышно, как сердце отсчитывает секунды. Мирзоев еще раз окидывает взглядом позицию: впереди крутой каменистый спуск, посредине ущелья торчит глыба гранита. За глыбой держат оборону три автоматчика.

— Как-то они там выстоят? — думает он и приказывает Блажко перейти к ним. Сам остается с Трофимовым. Семен не может обойтись без шуток — лежа выбрасывает к голове руку: ваше приказание-де будет выполнено — и ползком направляется за гранитную глыбу. Теперь Бозор спокоен за тот участок.

Немцы, видимо, решили, что их сокрушительный огонь сделал свое дело и стали цепью приближаться. На ходу сбрасывая лыжи, цепляясь за камни, солдаты полезли вверх. Бозор видит, как один замешкался, — удобный момент снять его метким выстрелом, но нельзя выдавать себя раньше времени. К остановившемуся подползает второй и дает ему увесистого тумака. Мирзоев, решив, что это командир карателей, берет его на прицел. К этому времени фланги противника выдвинулись вперед: медлить больше нельзя. Мирзоев нажимает на спусковой крючок. Немец, ткнувшись головой в землю, покатился под откос. Защелкали выстрелы обороняющихся. Атакующие, оставляя убитых и раненых, отхлынули назад.

— Ну, сейчас начнется кадрили, — впервые за все время атаки заговорил Иван Трофимов.

Слова его утонули в грохоте. И все же Бозор услышал, как Иван тут же охнул. Бозор бросился на помощь, а возле раненого уже сидит Машенька, перевязывая руку, приговаривает:

— Я же тебя предупреждала, Ваня, что палец — твое единственное уязвимое место!

— Это что, Машенька, обойдусь! Вот нам политрук рассказывал, как в гражданскую...

Ванюшка не успел досказать, о чем рассказывал политрук. Раздался такой силы разрыв, что у Мирзоева потемнело в глазах, возникла острая боль в ушах. Протерев глаза, он с ужасом увидел поднимающуюся во весь рост Машеньку. В лице ни кровинки, только в глазах невыразимая тоска. Пряди волос прилипли ко лбу. Рядом, на снегу, длинноухая пуховая шапочка.

— Все, Боря... — с трудом выговорила она, сорвала с шеи цветастую косынку и опустила на колени. Не успел Бозор подбежать, как девушка упала, неловко подвернув под себя руку. Крепко зажатую в другой руке косынку подхватил ветер, накрыл ею белокурую голову.

Мирзоев и Трофимов остались вдвоем. А немцы возобновили атаку.

— Получай! Еще получай! — приговаривает Иван после каждого выстрела.

В стороне, за глыбой, раздался недружный залп, вслед за ним взрыв, и все смолкло. Неужели у Блажко всех перебили?

— Оставайся здесь, Ваня, а я гляну, что там.

Мирзоев приподнялся и тут же упал. Пуля царапнула висок, сразу потянуло на сон.

Приложил к ране комок снега. Откуда стреляют? Глянул в сторону огромного камня — там притаился фашист. Как он туда попал, гадать некогда. Снимает его выстрелом и бегом за глыбу. Здесь двое убитых, третьему Блажко перевязывает рану на голове клочком своей рубахи, не видит, что совсем близко к ним подполз вражеский солдат.

— Зачем зеваешь? — кричит Бозор и выстрелом в упор сбрасывает врага.

— Гранату бросил какой-то стервец. Видишь, что понаделал? Ну, и ему не поздоровилось.

— Это тебе бы не было здоровья, если бы фриц поближе подполз. Есть патроны?

В автоматах убитых товарищей патроны еще были. Один автомат взял Бозор, другой — Семен. Магазины менять некогда. В азарте выпускают по очереди. Бьют почти наугад, так как фашисты решили залечь.

— Неужели они думают, что нас еще много? Что ж, это нам на руку, — говорит Мирзоев. — Слушай, пока здесь затишье, сбегая-ка я к Ивану. Что-то замолчал Трофимов.

Не успел Мирзоев сделать и двух шагов, как Блажко с легкостью кошки прыгнул вперед, схватил его за руку, отдернул за свою спину. Сверху прострелотала автоматная очередь. В глазах Семена сдвоилось рыжее лицо фашиста. Семен вскинул пистолет, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало. Тогда он с силой бросил пистолет в фашиста, притаившегося на камне, выругался и, зажав живот руками, со стоном опустился на снег.

— Семен! Сенька! — трясся за плечо товарища, в ужасе закричал Мирзоев.

— Прости Бозор за... — Блажко не досказал. Голова его ударилась о холодный камень, шлемофон откинулся на затылок.

Бозор, смахнув слезу, побежал к Трофимову. Тот, распластав руки, лежал мертвый. Мирзоев схватил его автомат, увидев, что диск пуст, с досадой отшвырнул в сторону.

— Теперь все...

И вдруг Мирзоев увидел — по ущелью ползет Тиша. В руке полощется что-то яркое, знакомое. Да это же машенькина косынка!

— Ты зачем здесь? Марш назад! — командует Мирзоев.

— Не уйду, дядя Борис! Что хотите делайте, не уйду!.. Я уже выздоровел, да и все тоже. Они сейчас подойдут.

— Эх, Тиша, что толку-то! Ни одного патрона у нас не осталось. Разве что у Комлева есть еще... — говорит Мирзоев, а сам глаза не может отвести от косынки. Проследив за его взглядом, Тиша поспешно объясняет:

— Она вместо знамени у нас будет, дядя Борис. Сейчас я палку найду. Дядя Ваня рассказывал, когда они Брестскую крепость защищали, то там один красноармеец своей кровью рубашку выкрасил и сделал из нее знамя.

Вслед за Тишей подползло еще несколько человек. У них нет оружия, боеприпасов, но у каждого в руке по камню. Воины полны решимости драться до последнего вдоха. Они не сдадутся. В пещере не осталось ни души.

Щелкнул выстрел. Руки Мирзоева опустились. В глазах все плотнее и плотнее сгущается туман. Мирзоев медленно склонил голову. Вокруг нее расплылось темное пятно.

6

Оставив за себя Сомова, Комлев с окровавленной щекой перебежал на позицию Трофимова. Он прибежал в тот момент, когда раненый боец, которого несколько минут назад перевязывал Блажко, отбивался от группы фашистов. Комлев выстрелами из пистолета помог бойцу отбить нападавших врагов.

— Русс, сдавайсс! — кричали снизу фашисты.

Но все решили драться до конца. Тиша вскарабкался на глыбу, воткнул в щель палку с косынкой и громко прокричал:

— Вот вам, получайте!

Зацокали по граниту пули. Тиша свалился Комлеву на руки, к счастью, невредимым. А

Машенькина косынка продолжала развеиваться по ветру.

Врагу не сдастся наш гордый варяг, — запел Комлев. Песню подхватили, она вырвалась из ущелья, и слова:

Пощады никто не желает! — гордой птицей полетели над головами врагов.

— Чего на них любуетесь? Бейте сволочей! — крикнул Комлев и первым метнул вниз гранату, последний боевой резерв. Метнули свои гранаты и другие товарищи. Следом на врагов полетели булыжники. Скалы загудели от взрывов. В то же время вражескую цепь подкосила автоматная очередь.

— У-ра! Ура-а-а! Ура-а-а! — донеслось издалека раскатистое, родное, русское.

Немцы заметались из стороны в сторону, побежали. А люди в ущелье, еще не поняв, что случилось, с криком «Бей, гадов!» кидали и кидали камни.

В лощину стремительно ворвались лыжники в белых маскировочных халатах. Враги окружены, их расстреливают в упор, сбивают с ног прикладами, завязывается рукопашный бой. Комлевцы, кто только может, кубарем скатываются вниз, оказываются в самой гуще боя. Нет времени подумать о том, каким образом подошла помощь. Ясно одно: наши, наши пришли!

Стрельба, панические крики немцев, русские крепкие слова слышны и в противоположном конце ущелья. Там тоже идет бой.

Схватка продолжалась недолго. Когда каратели были истреблены и на секунду восстановилась тишина, которую не успели еще нарушить ликующие приветственные возгласы, раздался чей-то хриловатый, когда-то уже слышанный Комлевым басок:

— Кто здесь старший?

Комлев устало направился к спросившему, высокому, военному в маскхалате, но, будто споткнувшись, остановился.

— Командир разведроты, старший лейтенант Хмара, — представился тот первым.

— Не узнаешь, Витя? — дрогнувшим голосом спросил Комлев. — Наверное, заершины у меня сегодня, ясное море, — проведя тыльной стороной руки по окровавленной щеке, оказал он.

— Товарищ комиссар! — крикнул Хмара и, бросившись к Комлеву, стиснул его в своих объятиях. По их загрубевшим щекам текли слезы.

— Как вы узнали про нас? — улучив минуту, спросил Комлев Хмару и, кинув взгляд в сторону, сразу все понял. Прислонившись к скале, наблюдая за происходившим, стоял, широко улыбаясь, Оскар Мунсен.

— Ты? Ну и спасибо же тебе дружище! — воскликнул Комлев, крепко пожимая руку норвежца. — Но какими судьбами оказался ты в отряде?

...Таня поднялась под навес скалы вместе с командиром роты. Она пристально вглядывалась в лица бойцов Комлевского отряда, но среди них не было самого дорогого, близкого человека. «Нет, видимо, не суждено мне больше его увидеть», — с болью в сердце подумала она, и тут взгляд упал на лежащего вниз лицом мужчину. Таня подошла и опустилась на колени. Осторожно подняла голову, и страшный крик пронесся под сводами скалы.

— Бозор, Боренька! — в отчаянии звала девушка. — Родной мой, открой глаза...

Стараясь привести любимого в сознание, девушка то осыпала его поцелуями, то прижимала голову к своей груди.

К Тане подошли Комлев и Хмара. Они опустились на колени рядом, сняли шапки.

— Прости меня, Таня, не уберег я для тебя Бозора, — заговорил Комлев. — А как он стремился к тебе.

Голос Комлева сорвался.

— Боря! Дорогой друг! Вот как нам пришлось встретиться! — прошептал Хмара, не пытаясь унять катившиеся слезы. Он прижался к груди Бозора, и ему послышалось, что тот вздохнул.

— Жив он! — крикнул Виктор.

— Что, что ты сказал? — переспросила Таня, не веря тому, что произнес командир роты. Она поднесла трясущимися руками к носу Бозора флакончик с нашатырным спиртом, смочила снегом лицо, стала растирать спиртом его грудь. Бозор приоткрыл глаза. Взгляд был туманным, блуждающим. Таня заплакала, но это были светлые слезы радости, надежды, счастья.

7

Когда первое радостное возбуждение от встречи несколько улеглось, выяснилось, что радист успел сообщить куда следует координаты «случайно обнаруженной разведкой колонны пленных» и за ними с минуты на минуту должны прибыть транспортные самолеты. Хмара отправил отделение красноармейцев к близ лежащему озеру, чтобы они кострами обозначили место приземления. В ожидании самолетов люди окружили Оскара, наперебой забрасывали вопросами, а он, усевшись на камень и попыхивая трубкой, рассказывал, мешая русские слова с норвежскими.

— Мы говорили, Кузьмиш, будем путать наци, уводить их в другая сторона.

— Ну да, вы обещали отвлечь их от нас, — подтвердил Комлев.

— Хитрый гестапо. Мало шел наш след. Много стал ходить так, — Оскар поставил на снег точку, должную обозначить барак номер семь, и стал вокруг нее чертить спираль. — Бежал много егерь, искал вас. Плохо, думаю. Догонит наци — пуф, пуф.

Все слушали, не перебивая, только Комлев изредка подсказывал Оскару нужные русские слова. Перед беглецами вырисовывалась яркая картина нового подвига норвежских друзей.

Освободив узников из концлагеря и отправив их в трудный поход, большинство партизан ушли в горы. Оскар остался в городке для связи. Он узнал, что Малыш к своим не пробился и раненый скрывается у норвежцев.

Пошел к Петеру Лихтсену, рассказал, что случилось с связным из штаба фронта.

— Чем же мы теперь им поможем? — озаботился Лихтсен.

— Надо, чтобы навстречу отряду вышли их части.

— А как это сделать?

— Сообщить им, что идут свои, маршрут движения. Оскар изложил свой план.

— Они пошли в обход. Я же напрямик, через линию фронта, и за три-четыре дня буду у красных. К этому времени пленные должны быть вот в этом районе, — Оскар сделал отметку на карте.

— Очень хорошо, — согласился Лихтсен. — Только одному идти нельзя. Надо иметь попутчика.

— Найдем.

— Кого?

— Ранди.

— Ну, желаю удачи.

Весь следующий день Оскар вертелся на глазах у немцев, готовил рыболовные снасти, лодку, продовольствие. А под вечер зашел в гестапо и взял разрешение на выход в море, на промысел. Ночью же спрятал лодку, и они с Ранди двинулись на лыжах к фронту. Кругом было беспокойно. Немцы прочесывали лес, рыскали по лощинам с ищейками.

Оскар и Ранди благополучно прошмыгнули под носом карателей севернее завода и углубились в горы. Преодолев подъем, они оказались на господствующей сопке и, выбрав место в затишье, остановились на отдых. Не успели развязать рюкзаки, как услышали лай собак. Сомнений не было: каратели шли по их следу.

Быстро забросив за плечи рюкзаки, двинулись дальше. Вдруг Оскар запнулся и упал. Крепление лыжи зацепилось за камень и сломалось. А лай все ближе.

— Беги! — подавая Оскару свои лыжи, крикнула Ранди.

— А ты?

— Беги, тебе говорят! Иначе ни ты, ни я не дойдем. Оскар взял лыжи. Два дня пробирался к фронту, а на третий чуть не наткнулся на неизвестный отряд. Это было в лесу.

С каждым шагом лес становился все реже, а сосны все толще. Прежде чем выйти из него, Оскар остановился, прислушался. Тишина. Еще минуту подождал. Пора в путь. Оттолкнулся палками, лыжи заскользили по снегу и — стоп! Что это? Ослышался? Почудилось? Нет, не может быть! Оскар присел около дерева, притаился. Голоса. Внизу люди. Но кто? Оскар тихо, от дерева к дереву стал спускаться под уклон. Между сосен увидел движущиеся фигуры в белых халатах. Разговаривали вполголоса, так что он ничего не мог понять.

Люди двигались гуськом поперек склона, в сторону, откуда шел Оскар. Он выждал, пока они скрылись, и направился к месту их стоянки. Но кроме притоптанного снега ничего не увидел. Так бы и осталось для него неизвестным, кого повстречал он вблизи линии фронта, если бы не услышал скрежещущий звук, когда, оттолкнувшись палками, хотел двигаться дальше. Быстро разгреб снег и увидел консервную банку. По этикетке определил, что она изготовлена в России.

— Русоиск солдаты! — обрадовался Оскар и бросился догонять лыжников.

Тут норвежца перебил Виктор Хмара и досказал, как они встретились.

— Ранди-то где, что с ней?

Оскар растерянно посмотрел на лыжи, лежащие рядом с ним. Наступила неловкая тишина. Каждый думал в эти минуты о том, что могло случиться с Ранди: на свободе она или в лапах гестаповцев? Но что мог сказать им Оскар?

Разговор прервало сообщение, что самолеты на подходе. И действительно, вскоре послышался гул моторов. Транспортные самолеты проплыли над головами и пошли на посадку. Было уже темно, и яркими звездами горели бортовые огни.

Все спустились к озеру. Трогательным было расставание друзей. Встретятся ли еще?

— Витя, позаботься... — обратившись к оставшемуся со своими людьми Хмаре, заговорил Комлев.

— Сделаем все. Похороним с воинскими почестями, — не дав договорить, ответил он. — А после войны здесь воздвигнут памятник.

— Кузьмиш, ждем вас, — пожимая всем руки, приглашал Оскар. — Быстро ждем. Забывай не надо.

— Придем, обязательно придем, — уверенно ответил Комлев.

В первую очередь погрузили раненых, постарались устроить их поудобнее. Таня заботливо укрыла Бозора полушубком.

Последние минуты. Прощальные возгласы, взмахи рук. Счастливые улыбки на изможденных лицах людей, теперь уже по-настоящему обретших свободу.

Вот все в самолетах. Машины оторвались и стали набирать высоту. Чем выше поднимались, тем светлее становилось вокруг. На юго-востоке, в разрыве между гор, обозначилась бледно-розовая полоска. Это где-то далеко-далеко, по ту сторону горизонта, светило солнце.

Часть третья

Глава I

1

За ночь тепло выдуло из дома, и на кухне стало прохладно. Матрена Савельевна, глухо откашливаясь, осторожно слезла с печи, умылась студеной водой. Вздвогнув от холода, с грустью подумала, что дом состарился и не стал держать тепло. «Ванюша все собирался перекачать его, даже в письмах с фронта писал, что вот кончится война — придет и займется ремонтом. Да не суждено, видно, ему помочь матери. Мертвым сном спит где-то в чужой сторонешке», — вспоминала она старшего сына.

В кути мерцает желтоватый огонек сального светильника. С керосином и при хорошей дороге на железнодорожную станцию было плохо, а теперь, когда начались февральские заносы, и вовсе не стало его в потребкооперации. Приходилось зажигать лампу только в то время, когда Вера Ефимовна готовилась к урокам.

Матрена Савельевна осторожно, чтобы не разбудить сноху, стала примешивать квашню. Старая женщина оправилась от тяжелого нервного удара, встала с постели и снова начала сама орудовать на кухне, чтобы дать возможность снохе отдохнуть в эти предутренние часы. От болезни остался глубокий след — искривившийся рот да немигающий глаз. Глаз и во сне не закрывался, поэтому Гена не стал ложиться спать с бабушкой.

Чем бы ни занималась Матрена Савельевна, ей все напоминало то старшего, то младшего сына. Вот и сейчас, примешивая муку в тесто, она думает о Никите. Сегодня у него день рождения, и мать подсчитывает в уме, сколько ему исполнилось.

«Так и не выполнил своего детского обещания», — с каким-то грустным трепетом в груди вспоминала она. Тогда Матрена Савельевна болела и лежала в этой же самой избе, на кошме, раскинутой на полу. Никита забежал с улицы, положил голову на материнскую руку и начал рассказывать о своих приключениях.

Лето было засушливое, в деревне с тревогой говорили о видах на урожай. Эти разговоры взрослых запечатлелись в детском сознании, и, рассказывая о новостях, он искренне добавил:

— Ничего, мама. Когда я вырасту большой, много-много, целую горсть тебе хлеба напахую.

«А вот и большой вырос, и уже сложил свою голову на войне, а так и не «напахал» обещанной горсти хлеба», — подумала мать, отставляя квашню. Она подошла к горящей лучиной берестяную растопку. Береста весело затрещала и свернулась кольцом. Матрена Савельевна пододвинула ухватом бересту под аккуратно сложенные дрова, и огненные ленты, упершись в кирпичный свод, потянулись к трубе. На стеклах окна заиграли огненно-красные блики.

Скрипнула калитка, за узорчатым стеклом мелькнул силуэт, и послышался хруст снега под ногами. Сердце женщины екнуло, руки задрожали, и чугун, сорвавшись с ухвата, упал на пол.

— Ой! — вскрикнула Матрена Савельевна, и ноги ее подкосились. Обессиленная, опустилась на лавку.

Из комнаты выскочила Вера. Одна лямка ее сорочки лопнула, вторая скатилась с плеча, и Вера, поддерживая рубашку, испуганно спросила:

— Мама, что случилось?

— Да ты посмотри, кто приехал-то!

Дверь открылась, и в комнату вошел мужчина в заиндевелем кожаном пальто, в шапке-ушанке, чуть-чуть сдвинутой набекрень, в унтах. Он блаженно улыбался.

Вера растерялась — перед ней Никита.

— Наконец-то приехал, — прошептала Вера, бросаясь к нему.

— Иди оденься, а то простынешь, я холодный, — заботливо сказал Никита, затем расцеловал мать, прижал ее седую голову к своей груди.

Первым проснулся Гена. Он поднялся на колени, но увидев незнакомого мужчину, быстро уткнул голову в подушку.

— Гена, смотри, кто это к нам приехал? — спросила Вера.

В ответ Гена повернул голову, посмотрел на незнакомого дядю и опять закрыл глаза. Так продолжалось несколько раз: откроет глаза, глянет, опять закроет. Потом встал на колени и, когда отец взял его на руки, без слов прижался к нему.

— Папа! — прозвенел голос дочурки.

Никита повернулся. Наташа сидела на койке и тянула к нему ручонки.

Никита поставил Гену на пол, подошел к дочери, и та мгновенно обвила его шею, стала целовать и приговаривать:

— Папа! Папа!

Но тут возник конфликт. Гена, насупившись, смотрел исподлобья на встречу папы и сестренки, потом подбежал и угрожающе закричал:

— Уходи, мой папа!

— Ваш папа, чей же еще папа, — и отец ласково примирил детей, беря и сына к себе на руки. Брат и сестра прижимались к отцу. Они так много слышали о нем от мамы и бабушки.

...Весть о том, что к Матрене Савельевне Комлевой приехал младший, считавшийся пропавшим без вести, молниеносно облетела село. Весь день в доме Комлевых не закрывались двери.

В минутном перерыве, когда не было гостей, Никита спросил мать, что она знает о гибели Ивана.

— Видно, уж не вернется Иванушка. Товарищи его сообщили, что своими руками похоронили, да одна добрая душа фотографию могилки прислала.

Матрена Савельевна достала с божницы письмо и передала сыну.

«Дорогая Матрена Савельевна, — начал читать Никита слова, выведенные неровным почерком. — Тебе пишет твоя неизвестная сестра с Харьковщины, из села Великие Дубы, Горпина Афанасьевна Кучеренко».

Горпина Афанасьевна сообщала, что на восходе солнца в их село вошли советские танки. Открылся люк, и танкист, высоко подняв руку, громко крикнул:

— Выходите, товарищи, вы свободны!

В это время раздался выстрел, и танкист замертво упал на броню машины.

— Читай, Никитушка, вслух, — попросила мать.

«От танкистов я узнала, что наш освободитель Иван Кузьмич Комлев — твой сын. Похоронили мы его на площади и украсили могилку живыми цветами. Мой Афонюшка тоже погиб где-то далеко на севере»...

Никита приостановился, тяжело вздохнул.

— Что с тобой, Никитушка? — спросила мать.

— Мама! Да знаешь ли ты, что Горпина Афанасьевна — мать моего боевого товарища Афони Кучеренко? Он погиб, когда семья была в оккупации. И я не имел возможности написать ей о случившемся. А когда его родное село освободили, меня уже не было в полку... Ваня, не знал ты, чью семью освободил! — уже ни к кому не обращаясь, тихо закончил Никита.

Мать молча слушала, влажными глазами смотрела на сына.

— Вот, оно какое дело-то! Нежданно-недуманно, где пути-дорожки сойдутся.

— Ответила, мама? — спросил Никита.

— Платье свое теплое послала, яичек, постряпала. Начисто ведь их фашист разорил, — сообщила Матрена Савельевна.

Никита с благодарностью посмотрел на мать, подошел и нежно поцеловал ее.

— Ты ведь у меня добрая.

2

Вечером у Комлевых собрались родственники и друзья. В доме шумно и тесно. Ярко горят керосиновые лампы.

Вбежала Клава Голубева. Розовощекая, с озорными глазами, пышной грудью, крепко пожалала руку Комлева и хрипловатым голосом сказала:

— Ну, рассказывай, как там живете?

— А вот прочитай письмо, узнаешь.

Клава разорвала конверт и быстро начала читать.

— Фу, так это письмо с бородой, — разочарованно протянула она.

— Виноват, Клавдия Никифоровна, небольшая задержка в пути произошла.

— Куда денешься. Придется простить на первый раз, — лукаво улыбнувшись, ответила

Клава. — Но чтоб больше не задерживаться нигде, — и она погрозила Комлеву пальцем.

Матрена Савельевна пригласила к столу, внесла большое блюдо, окутанное облаком пара. Сразу все оживились.

— Давненько я не пробовал сибирских пельменей, — потер руки Комлев.

— Ну вот, теперь ешь вдоволь, — ответила мать.

— А у меня с другом Афоней Кучеренко всегда из-за них спор шел. Я доказывал, что самое лучшее в мире блюдо — пельмени, а он утверждал — вареники. Чуть не до драки доходило. Его поддержат украинцы, а меня сибиряки, ну и пойдет словесная потасовка. Спор наш разрешал Бозор Мирзоев со своей шурпой. Только от одного рассказа, как она готовится, аппетит разгорается.

— Кому что. Ну, значит, за встречу! — проговорила, как приказала, Клава.

Раздался звон стаканов.

Гости попросили Комлева рассказать о фронтовой жизни. Раскрыв рот, внимательно слушал отца Геннадий. Потом, перебивая, пролепетал:

— Папа! Я поеду с тобой далеко-далеко, на фронт!

— И я, — пропищала Наташа.

— И я! — передразнив сестренку, скривил рот Гена.

Раздался дружный хохот.

— А что вы там делать будете? — спросил отец.

— Я буду пуф-пуф, вот! — и Геннадий показал, как он будет стрелять из автомата.

— Ну, раз такое дело, тогда поедешь, а сейчас иди спать. Перед дорогой надо выспаться хорошо.

Долго засиделись гости в этот вечер. Много было перепето песен, переплясано под звонкую однорядку.

Больше и легче всех летала по кругу Вера Ефимовна. Глаза ее горели, с губ не сходила счастливая улыбка.

Когда за полночь гости начали расходиться, одна из учительниц подошла к Вере Ефимовне и шепнула ей на ухо;

— Дай твой план, я завтра проведу за тебя уроки. Гости разошлись по домам. Крепко спят дети. Залезла отдыхать на печь мать.

— Милая!

— Родной!

И как будто не было длинной разлуки, не было мучительных ожиданий...

3

С каждым днем прибывали у Комлева силы. Но вместе с ними росло упавшее на сердце маленькой холодной росинкой чувство неудовлетворенности своим положением.

Жена уходила в школу, мать часто и надолго отлучалась на колхозные работы, и он оставался один с детьми. И как бы ни был ими занят, как бы ни приятно было слышать их лепет, но мучило сознание, что в такое время праздну проводит дни. Здесь все работают, там друзья ведут бои, а он, Никита Комлев, бездельничает.

Сумрачный вечер. Читать уже нельзя, а лампу зажигать еще рано, и Комлев с интересом наблюдает за игрой детишек.

Вошла Матрена Савельевна. Она чем-то встревожена. Нет-нет да и вздохнет.

— Что случилось, мама?

— Да так я, Никитушка. Не твоя забота.

— Забота матери, это и забота сына. Все же?

— Горю ты нашему все равно не поможешь, но коль спрашиваешь, скажу: завтра опять коровушкам постовать, на ферме ни одного навильника сена.

«Чем помочь?» — подумал Комлев. Он встал и, быстро одевшись, направился к выходу. — Ты куда, Никитушка? — Я скоро приду, а в общем, не знаю. Вера придет, ужинайте, —

ответил Комлев и вышел из дома.

Село раскинулось вдоль высокого берега реки, окраины утонули в сгущающихся сумерках. Только кое-где одинокими желтыми глазками светились окна.

Никита прошел мимо школы, завернул за районный Дом культуры, в котором было тихо и темно, и очутился на площади. В домах, окаймляющих площадь, ярко горят огни. Широкая полоса света из райкомовского окна освещает скромный деревянный обелиск. Комлев остановился. На стороне обелиска, обращенной к райкому партии, — третьей сверху фамилия Кузьмы Гавриловича Комлева.

Никита снял шапку.

Детская память удивительно цепкая. Она пронесит события через всю жизнь.

В холодное мартовское утро 1919 года на площадь согнали всех жителей села, от детей до дряхлых стариков. Матрену Савельевну Комлеву вместе с другими женщинами отделили в особую группу. На правой ее руке сидит Никита, левой она прижимает к себе Ванюшку.

Со скрипом и скрежетом распахнулись огромные ворота, со двора вывели заключенных.

— Тять! Тятенька! — заревели в голос Никита и Ванюшка. Они узнали отца, шедшего впереди. Он был бос, рубашка разорвана в клочья, на щеках запекшаяся кровь. Руки скручены за спиной веревкой.

Детский плач, стоны и проклятия женщин, крепкая брань мужиков, мольбы старух прокатились из конца в конец площади. Обреченных выстроили в одну шеренгу. Кузьма Комлев стоял в центре строя с гордо-поднятой головой, выставив вперед ногу. Таким отец и запомнился Никите. А еще запомнились его последние слова:

— Не забудьте этого, сыны мои!

А потом земля задрожала от топота конских копыт, над головами узников заблестели казачьи шашки. Никита в ужасе уткнулся лицом в плечо матери...

— Помню, отец, все помню! — прошептал Комлев.

Хлопнули двери райкома партии. К Комлеву, припечатывая скрипящий на морозе снег, размахивая руками, пошел человек.

— Хо, аккуратному почтальону — комсомольский привет! — прозвенел голос Клавы Голубевой. Подойдя, она тихо спросила:

— Отца пришел навестить?

Минуту стояли молча. Потом Клава заговорила:

— Зайдем в райком, а то ты, наверное, уже забыл, где такая организация находится. Потом Ивану расскажешь о моем житье-бытье. Настроение — хоть ревя реви, а пожаловаться некому, муженек далеко, не услышит.

— А что случилось, если не секрет?

— Гайки на бюро райкома партии подкручивали за комсомольско-молодежные фронтовые бригады по подвозке кормов к фермам. Вот я и на седьмом взводе. Ух-х-х!

— В чем же дело?

— Дел много. То одно, то другое, какая-нибудь заковыка да объявится. В «Буревестнике» как будто все на мази, да бригадира не могу подобрать.

У Комлева встрепенулось сердце, мелькнула мысль: «Вот случай помочь маме». И он, не задумываясь, выпалил:

— А я чем не бригадир? Имею опыт в этом деле. После окончания академии месяц уполномоченным райкома партии по подготовке к весеннему севу в колхозе был. Там всем приходилось заниматься, и вывозкой кормов тоже.

— Не шутишь? — обрадовалась Клава.

— Фу ты, ясное море! Какие могут быть шуточки, когда завтра скоту нечего давать, у мамы сердце готово на части разорваться. А ей расстраиваться нельзя.

— Тогда по рукам?

— По рукам!

Пока Голубева в соседней комнате отдавала распоряжение собрать комсомольцев

колхоза «Буревестник», Комлев в ее кабинете вспоминал о том, как пятнадцать лет назад здесь же старшая пионервожатая школы сняла с него пионерский галстук, а секретарь райкома ВЛКСМ, вручил комсомольский билет. Как давно это было, и как быстро летит время!

— Сбор эстафетой, так что через тридцать минут все будут здесь, — войдя в кабинет, сообщила Клава.

И действительно, вскоре раскрасневшиеся, переводя дыхание от быстрого бега, стали собираться комсомольцы. На лицах удивление. Впервые собрали их в райком комсомола, как по тревоге.

— Ребята, с вами сейчас будет говорить боевой летчик-истребитель, командир эскадрильи, фронтовик, гвардии майор Комлев, — сообщила Клава Голубева.

— Обстановка, товарищи, создалась сложная, — заговорил Комлев. — На ферме утром скот нечем кормить. Голодные коровы не дадут молока, может быть падеж телят. Это, товарищи, вы лучше меня знаете. А на фронте ваши отцы и старшие братья ждут продуктов. На голодный желудок воевать плохо. Поверьте мне.

— Верим. Знамо дело, какой бой на голодуху, — улыбаясь, отвечали ребята.

— Ну коль это ясно, перед вами ставится боевая задача: к утру подвезти сено к фермам. Голубева удивленно посмотрела на Комлева и неуверенно возразила:

— Ветерок подул, как бы ночью непогоде не быть.

— Взойдет луна и ветер стихнет, — продолжал Комлев. — Мы вот тут посоветовались с секретарем вашего райкома комсомола и решили создать комсомольско-молодежный фронтовой ударный отряд по подвозке кормов. Это сейчас, как говорят военные, главное направление в вашем колхозе. С этой целью и пригласили вас, комсомольцев, лучших из лучших молодых колхозников, пригласили для разработки оперативного плана действий.

Ребята не шелохнулись. «Боевая задача», «главное направление», «оперативный план» — все эти и другие слова боевого летчика захватили парнишек и девчонок. Глазами они пожирают то боевые ордена, то фронтовые погоны, то волевое лицо говорившего. А он сам вошел в азарт, и режет, и режет, словно бы перед боем.

— Ну как, справимся с боевым заданием? — спросила Голубева.

— Справимся! — уверенно ответили комсомольцы. — Вопросы есть?

— Нет вопросов, — хором закричали ребята, с нетерпением ожидавшие приказа летчика.

Комлев посмотрел на часы и распорядился:

— Скоро взойдет луна. Через час все должны быть на конном дворе. Оденьтесь потеплее. А теперь — по домам.

Вошла Вера.

— А я его ищу. Тебе что, дома не сидится? — с напускной укоризной спросила она.

— Это я его заполонила, не тебе одной... — Клава, не высказав мысли, озорно взглянула на Комлева.

— Сейчас за сеном поедем, — ответил тот.

— Я так и знала. Отлегло немного и уж захрабрился. Куда ты поедешь?

— За се-но-м, — протянул Комлев.

— Тогда и я с тобой поеду. А то еще заблудитесь.

— Рад, очень даже рад такому проводнику.

4

Только-только полумесяц оттолкнулся от Казахского плато, вдоль которого пролегал скованный льдом Тобол, с конного двора выехал обоз. Миновав мост, подводы свернули с большака на зимник. Справа и слева от дороги потянулись кусты тальника.

На передних дровнях Никита с Верой.

Мороз крепчает. Поскрипывает снег под полозьями.

— Не собьемся с дороги? — спросил Никита.

— Что ты? Я тут все тропинки знаю, каждый кустик мне знаком, — уверенно ответила Вера. — Это ты уж, наверняка, перезабыл все.

— Так уж и все.

— А как это озеро называется?

— Полуденное.

— А знаешь, почему оно такое название получило? Расположено на полдень от Белоярова. А видишь кусты? — показывая в другую старому рукой, опросила Вера.

— Вижу.

— Там Восходное. Красивые названия? Я часто там беседы с косарями проводила. Ох, и тяжелая же работа! Немец к Сталинграду прет, а меня спрашивают, скоро ли война кончится. А разве я знаю, когда она кончится? Подумаешь, стратега нашли. Когда, говорю, разобьем немца, тогда и войне конец. Да и посложнее вопросы были. Сообщит Совинформбюро, что наши войска по стратегическим соображениям оставили такой-то город и перешли на новые рубежи. Ну, бабоньки наперебой начинают спрашивать, что за стратегические соображения. А Акулина Петровна со злостью заметит: «Из-за этих стратегических соображений всю Рассею, может, оставят немцам». Объясню, как могу, что за стратегические соображения: неудобно, мол, оборону держать, в невыгодных условиях наши войска очутились. А Акулине Петровне отвечу: «Всю Россию не оставят. Немец не мог взять нас с ходу, а теперь и подавно не возьмет. Народ не позволит этого, ты, Акулина Петровна, непустишь его. А как? Да вот вместо сорока соток выгаластаешь сегодня своей литовкой полгектара, это уже будет твой удар по проклятому фашисту».

— Правильно отвечала. Надо думать, интересные разговоры у тебя с колхозниками бывают.

— Шуму-то сколько на беседе! А потом косу в руки и пошла вместе с колхозниками. Они сначала недоверчиво на меня смотрели. Куда, дескать, лезет, литовку-то не поднять! Правда, первое время трудно было. Коса втыкалась в землю, прокос корытом получался, после первого же прогона поясницу разламывало. Думала — упаду и не встану. А потом втянулась, не стала от них отставать. По-другому тогда заговорили. Любила я сено косить. Здесь не так жарко, как на пашне, да и косить куда интереснее, чем осот дергать. Все руки в кровь исколешь. Ну, да и там попривыкла. Попросил нас бригадир картофель прополоть. Я к ребятишкам: — Товарищи! Да-да, не ребята, а товарищи! Получена боевая задача! — и остановилась. Ребятишки так все и потянулись ко мне, глазами спрашивают: что за боевая задача, говорите скорее! А я не спешу. Так и так, продолжаю. Наша часть попала в окружение, красноармейцы в изнеможении героически сражаются, но врагов много и бойцам надо срочно оказать помощь. Быстрее бегите за оружием и на сборный! Ясно? Все хором: «Ясно, Вера Ефимовна!» Вернулись быстро, все с тяпками. Пришли на поле. Видите, говорю, сколько врагов окружают каждого нашего бойца? Это фашисты, их надо всех до единого уничтожить.

Разделила поле на равные участки и предупредила: кто выполнит задание, сразу же домой пойдет.

Первым кончил Сережа Брусков, младший Романа Филипповича. Подбежал ко мне, доложил о выполнении задания и спросил:

— Теперь мне можно домой идти?

— Иди, говорю, только вспомни, о чем читали в рассказе «В походе».

Сережа зашмыгал носом и заморгал глазенками.

— Там говорится, как у слабых товарищей, которые отставали в походе, те бойцы, которые были сильнее, брали вещевые мешки, противогазы, винтовки. И как они пришли все вместе, и все вместе победили фашистов.

— Хорошо, ты помнишь рассказ. Иди, Сереженька, домой, — сказала я ему и отвернулась.

Сережа постоял минутку, пошмыгал носом и со всех ног побежал к Мише Бабкину.

— Давай, я тебе помогу, а то тебе за два дня не выполоть.

— Да, понимаешь, руку смозолил, — со слезами в голосе сообщил Миша и показал большой водянистый волдырь на ладони.

— В Красной Армии это называется ЧП, за это на гауптвахту сядят. Это мне тятя говорил.

— Что это... ЧП?

— Это... это... Ну, в общем, каждый красноармеец должен следить, чтобы у него не было мозолей, а то как же он будет немцев бить, с мозолями-то!

Вдвоем быстро закончили работу да еще и девочкам помогли.

...Никита смотрит на бледное под лунным светом лицо жены и с горечью думает о нелегкой доле солдатки. Целует ее горячую руку, смотрит внимательно.

— Что, не похоже, что рука учительницы?

— Такая еще милее.

Сзади раздаются веселые голоса комсомольцев.

— Эй ты, уснула, — громко крикнул парень девушке, свернувшей в сторону.

— Ты сам не усни, — бойко отвечает та, поворачивая лошадь на дорогу.

Чтобы согреться, ребята затевают возню на дровнях, барахтаются, а то припустятся по целине наперегонки с лошадьми, кидаются снежками.

Незаметно доехали до последнего остожья. Дальше дороги нет. Подводы остановились. Одна лошадь свернула с дороги и сразу же провалилась по грудь в снег.

— Петька, пускай Чалого, — крикнул кто-то сзади.

Пустили вперед Чалого. Конь, сделав несколько прыжков, выбросил на наст передние ноги, остановился. Он тяжело дышал, с боков валил пар.

Собрав вокруг себя комсомольцев, Комлев сказал:

— Так дальше дело не пойдет. Лошадей измучаем, сами измучаемся, а привезем на один жевок.

— А что же делать? — спросил один паренек.

— Надо к стогу дорогу проложить.

— Фу! Как же мы ее проложим?

— По-фронтовому! В колонну по два становись! — скомандовал Комлев. — За мной, шагом арш!

Никита с Верой первыми пошли к видневшемуся вдали стогу. Комсомольцы парами двинулись за ними. Где наст был очень твердым, приходилось его разбивать. Снег доходил до пояса. Ребята падали, поднимали друг друга, выбивались из сил, но безропотно шли за проводниками.

— Жарко! — обронил кто-то.

— Фу, как в бане, — тяжело дыша, ответил другой. Уставшие, но довольные добрались до стога, и громкое «ура-а-а!» прокатилось по снежному ночному полю.

Вокруг стога ветер выдул снег до земли узким кольцом. Оставив четырех человек с лопатами расширять кольцо, Комлев с остальными ребятами по старому следу возвратился к лошадям. Теперь по протоптанной тропе можно было ехать к стогу.

С шутками и смехом весь стог сложили на дровни. Лошади легко вывезли большие возы на накат. Обоз тронулся в обратный путь.

...В небе на продолговатом облачке стоит горбатая луна.

— Вера, глянь-ка, как парусная лодка!

— Ой, как красиво! И впрямь, как парус одинокий, — восхищенно ответила Вера и тихо запела:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...

Никита поддержал:

Что ищет он в стране далекой,
Что кинул он в краю родном?

Прервав пение, Вера обняла Комлева и поцеловала, нежно шепча:

— Мятежный ты мой! Тяжело вздохнула.

— Вот, немножечко легче тебе стало, и ты уж не можешь сидеть на месте, все что-то волнуешься, куда-то тебе надо мчаться. Дома ребяташки еще не наигрались с тобой, мать не насмотрелась на тебя... А скоро умчишься, и опять жди, тревожься. Когда же все это кончится?

Некоторое время ехали молча, только плотнее прижимались друг к другу.

— Значит, скоро? — нарушила молчание Вера.

— Да, скоро.

— Ты еще так слаб. Сходил бы на комиссию, тебе продлят отпуск. Ведь многим дают отсрочку.

— Не могу, Верочка, надо ехать. Долечусь в дороге...

— Не любишь ты нас, — с грустью прошептала Вера.

— Фу ты, ясное море! Ну зачем так говоришь? Солдат ведь я.

— Ладно, никуда уж не ходи, — покорно отозвалась Вера. — А то, я вижу, ты в тоске по друзьям еще сильнее заболеешь. А как не хочется расставаться! С тобой так хорошо... Так и поехала бы на край света, только бы вместе.

Глава II

1

В Заполярье идет третья военная весна, весна 1944 года. И пусть еще кругом снег, временами свирепствуют бури, крепкие утренники щиплют нос и уши. Ярости жестоких бурь хватает ненадолго, снег одряб и побурел, кое-где появляются зеленые островки. Воздух все больше насыщается испарением земли: пахнет мхом, лишайником, прелыми листьями. Однобокие, обожженные злыми северными ветрами сосенки и худосочные заполярные березки сбросили снежные покрывала и стоят посвежевшие, радостные, словно девушки-подростки, собравшиеся на праздничный хоровод.

В ясный солнечный день Комлев вернулся в родную семью летчиков.

В полку, за время отсутствия Комлева, произошли большие события. Многие из них радовали сердце. Часть была преобразована в гвардейскую, на ее знамени появился боевой орден. И сейчас, когда майор Комлев, вместе с молодыми летчиками полка, принял гвардейскую клятву и поцеловал бархатное полотнище знамени с вышитым на нем портретом Ленина, командир полка, гвардии подполковник Локтев, вручил ему знак «Гвардия».

Комлев вспомнил майский день 1942 года, когда он получал командировочное предписание в отделе кадров Главного политического управления Красной Армии. Отдавая предписание, батальонный комиссар сказал:

— Едете в гвардейский полк, смотрите не подкачайте. Деритесь с врагами так, как гвардейцы капитан Алексей Поздняков и старший лейтенант Алексей Хлобыстов. Читали, что сегодня написано про них в «Красной Звезде»? В одном воздушном бою совершили три тарана. Это настоящие русские богатыри.

Признаться, лестно было Комлеву слушать, что он будет служить в гвардейском Яолку. Но в политуправлении Карельского фронта переиначили, и пришлось ему немало поработать, понюхать пороху, прежде чем получил право называться гвардейцем. «Да так и лучше, по крайней мере, никто не скажет, что примазался к чужой славе», — подумалось Комлеву.

Инженер-майор Галькин уехал на курсы. Видать, понял, что «на старом коне далеко не уедешь». В полку облегченно вздохнули: не стало нервотрепки. Вместо него назначен гвардии инженер-капитан Голубев. А парторгом первой эскадрильи Петр Зайцев. Повзрослели и возмужали летчики. Вернулся из госпиталя Булатов.

— Вот теперь, Леша, ты прошел закалку в огне и можешь по праву называться булатом, — рассматривая поджаренное, как пельмень, ухо и морщины от ожога на щеке, шутя сказал

Комлев.

— Температура повышенная была, перезакал получился. Да это пустяки. Они, ворюги, у меня и зуб золотой вышибли. Теперь вместо одного золотого три стальных, — Алексей оскалил зубы и показал на них бурой от ожогов рукой.

— Да, испортили они тебе карточку. Но не унывай, такого девчата еще сильнее любить будут.

— Хотя бы одна какая-нибудь взглянула.

— Взглянет.

Комлев подробно рассказал о встрече с Мирзоевым, о норвежцах, о гибели Семена Блажко. На командном пункте эскадрильи портрет Семена, написанный Петром Зайцевым, висит в одном ряду с портретами его погибших товарищей. В центре этой галереи героев — портрет первого командира эскадрильи Николая Ветрова.

— А теперь мне надо кое с кем рассчитаться, — окончив рассказ, сказал Комлев. — Петр, получай свой портсигар: здорово он пригодился мне. Тебе, Иван. Григорьевич, ответ на письмо Клава прислала и вот посылочку небольшую.

— Ничего себе, аккуратный почтальон, — получая посылку, весело сказал Голубев.

Воздушные бои и занятия с молодыми пилотами, письма родственникам подчиненных, душевные беседы с людьми — одним словом, фронтовые будни захватили комэска с головой.

2

В июне — августе 1944 года части Карельского фронта нанесли мощный удар по вражеской группировке в долине реки Свирь, между Ладожским и Онежским озерами.

В те дни была освобождена оккупированная врагом южная часть Карелии со столицей — городом Петрозаводском, часть Кировской железной дороги и Беломоро-Балтийского канала. Враг был отброшен к финской границе, Финляндия вышла из войны.

Узнав, что командованием отдан приказ о перебазировании, все несказанно обрадовались. В землянках, на командном пункте, у самолетов только и разговоров, что о боевой работе на юге.

А вместо этого полк рассредоточился на аэродромах Кольского полуострова. Эскадрилья Комлева перебазировалась на один из аэродромов Кандалакшского направления с задачей охранять город, железную дорогу, вести разведку тылов противника.

В эскадрилью прилетел Локтев.

Ведомый рулил несколько сзади, в стороне от ведущего, и за полосой пыли его не было видно. Но вот он вылез из самолета.

— Бозор, родной! — обнимая друга, шептал Комлев. По лицу его текли слезы радости.

В это время к командному пункту подошел Голубев. Увидев трогательную встречу, он сложил ладони рупором и во всю силу своих легких крикнул:

— Мирзоев прилетел!

Эхо не успело улететь за гору, а от самолетов к КП уже бежали пилоты и техники. Мирзоева подхватили на руки и с криками «ура!» начали качать, высоко подбрасывая над головами. Смущенный и радостный, он не сопротивлялся, а только тихо просил:

— Хватит, ребята, хватит! Но его никто не слышал.

— Почему же ты не писал? — спросил Комлев.

— Вначале память отшибло, потом не думал, что буду жить. А там комиссии без конца. Едва выпросился в полк.

— Ну, вот и молодец! А как сейчас самочувствие?

— Отлично! — весело ответил летчик.

3

На празднование Дня авиации на аэродром приехали гости. Увидев в группе военных гвардии капитана Хмару, Комлев обрадовался, словно родному брату. Хмара знал, что

встретит на аэродроме своего бывшего комиссара, но для гвардии майора встреча была неожиданной.

— Виктор! Какие ветры тебя сюда занесли?

— Те же, что и вас: приказ командования.

Комлев провел тыльной стороной руки по щеке и шутя спросил:

— Ну как, товарищ гвардии капитан, у меня сейчас заершин нет?

— Нет, — улыбнулся Хмара. — А у меня?

— Тоже нет, значит, не полетишь на хвосте, — вспомнил Комлев.

Позади Хмары стоял высокий грузный старшина. Широкий ремень застегнут на последнее отверстие. Между пухлыми щеками утонул маленький нос со вздернутым кончиком. Он молча наблюдал за встречей друзей.

— Сомов! — удивленно воскликнул Комлев.

— Он самый, — ответил тот.

— Нет-нет, это решительно не тот Сомов, которого я знал.

— Похудел?

— Ну и расперло же тебя, ясное море!

— Были бы кости, сало нарастет, — поглаживая себя по животу, пошутил Сомов. — Я ведь старшина роты, а поесть с детства люблю, вот и поправился.

Сомов ухмыльнулся и отступил в сторону. За его спиной стоял молоденький стройный боец. Он сделал два шага вперед, браво вскинул руку к пилотке и отчеканил:

— Товарищ гвар...

— Тиша! — Комлев схватил юношу в объятия.

— Мы в один госпиталь попали, — видя удивление Комлева, пояснил Сомов. — В одно время нас выписали, в один полк отправили, а там мы и встретились с нашим спасителем Виктором Васильевичем Хмарой. На днях Тише совершеннолетие отметили.

— Отличным разведчиком будет Тихон Юков, — с похвалой отозвался Хмара о юном бойце.

Тиша достал из кармана сверток и, передавая; его Комлеву, сказал:

— Товарищ гвардии майор, возьмите это, спасибо вам.

Комлев развернул газету. В ней оказался пуховый шарф.

— Ранди! — вырвалось из груди Комлева. — Спасибо, Тиша, сохранил дорогой подарок.

4

Сегодня у Бозора с утра радостно на душе. Да и как не радоваться! Танюша пишет, что она где-то рядом, и не исключена скорая встреча. «Каждый раз, когда над головой пролетают наши самолеты, я думаю, что это ты летишь, мой милый, родной», — пишет Таня.

Несколько минут назад он вместе с Ребровым на шоссе на дороге, огибающей сопку, уничтожил автомобиль с солдатами противника. Пули и снаряды летчиков легли впереди машины. Шофер резко затормозил, грузовик развернуло вправо, и он, перевернувшись, свалился в озеро.

— У нас гости, — сообщил вернувшемуся с задания Мирзоеву механик. — Какие будут замечания по работе мотора?

— Нет замечаний, — торопливо бросил Мирзоев и направился к шумливой, хохочущей толпе.

— Олег Прохорович! Тишенька! — подбежав, ликуя крикнул он и остановился в нерешительности, не зная, кому первому броситься на шею.

Из затруднительного положения его вывел Хмара. Он взял Бозора за плечи и повернул в сторону пикапа, на котором приехали гости.

— Танюша!

— Я самая, родненький, — прошептала она и прижалась к его груди.

Праздничный стол накрыт на берегу реки, между двумя ветвистыми кустами. Работники столовой постарались на славу. Время обеда подошло, однако хозяева не спешат с приглашением к столу, кого-то еще нет.

Но вот на ярко-желтой песчаной дороге, огибающей гору, к которой прижался аэродром, показалась машина. В это же время над аэродромом появился штабной самолет. Хозяева облегченно вздохнули, а Голубев громогласно объявил:

— Едут!

Через десять минут у командного пункта эскадрильи вновь слышны радостные возгласы, возбужденный разговор. Приехали гости с рудника, прилетел гвардии подполковник Дедов.

— Разрешите построить эскадрилью? — спросил Комлев.

— Не стоит. Приказ объявлю за столом, — ответил Дедов.

А Илья Орехов, обняв Танюшу за плечи, с отцовской нежностью говорит:

— Вот где нам пришлось встретиться, доченька! Нашла милого дружка? Все устроилось? Вот и хорошо! Я же говорил, что все утрясется.

— Ну, тамада, приглашай гостей к столу, — говорит Комлев Реброву.

Шумно и оживленно садятся за длиннущий праздничный стол. Места не хватает только тамаде. Ребров трогает мизинцем кадык, отшучивается:

— Тамаде каждый рад, а посему голодным не останусь.

Гвардии подполковник Дедов, занявший место за торцом стола, медленно поднялся, подперев плечом нависшую ветку.

— Дорогие товарищи! От имени Президиума Верховного Совета СССР, — торжественно заговорил Дедов, — за успешные действия на фронте борьбы с немецкими захватчиками командование наградило орденом Отечественной войны первой степени гвардии старшего лейтенанта Реброва.

Под дружные аплодисменты Дорофей Ребров прошел к заместителю командира полка по политической части. Дедов крепко пожал руку летчику и прикрепил к его гимнастерке боевой орден. Заблестели ордена боевой славы на груди летчиков Алексея Булатова, Бозора Мирзоева, инженера Голубева, многих техников и мотористов.

После вручения наград Сомов, Юков и группа летчиков и механиков подошли к пикапу и вытащили из его кузова несколько ящичков. Хмара начал раздавать подарки.

Через несколько минут руки летчиков и техников были загружены свертками, ящичками, пакетами.

5

Первый тост подняли за дружбу летчиков и пехотинцев.

Смолкли возбужденные голоса. Тишину нарушал только стук ножей и вилок.

— Люблю плотно закусить, — сообщил Сомов, нанизывая на вилку несколько кусков семги. — Вот бы тогда такой харч был, по-другому бы пели, — вспоминая поход, добавил он.

— Жаль, Семена Блажко нет, посоревновались бы вы, — заметил Мирзоев. — Он тоже любил побаловаться закуской.

Таня укоризненно посмотрела на Бозора.

— Не смотри на меня так, Таня. Семен был хорошим парнем, жизнь мне спас.

За столом вновь поднялась кряжистая фигура Орехова. Он расправил усы, ухмыльнулся, заговорил:

— Детушки наши родные! Сможем ли мы еще когда собраться такой семьей? Вряд ли.

— Такие встречи бывают не часто, — отозвался Дедов и при этом тепло посмотрел на Бозора и Таню.

Взгляд замполита, которого в полку за глаза уважительно называли Батей, перехватила Таня. Девушка зарделась.

— Так вот, — продолжал Орехов, — посоветовались мы тут с Сергеем Филипповичем

Дедовым и порешили обратиться к вам с предложением: не сыграть ли нам свадьбу тех, чья любовь победила все преграды?

— Правильно! Горько! — как по команде, закричали за столом.

Предложение Ильи Фомича выражало сокровенные чаяния Тани и Бозора, но, растерявшись, они не знали, что делать, что говорить.

— Встаньте и поцелуйтесь, — заметив растерянность молодых, прошептал Комлев.

Таня покраснела до корней волос, опустила глаза. Бозор, всегда легко смущавшийся, наивно улыбался.

— Танюша! — снова обратился к девушке Илья Фомич. — Люби Бозора, но не забывай о Леночке, не забывай обещания, данного ее матери, твоей подруге.

— Что вы, Илья Фомич! Разве можно это забыть!

— Вот-вот, и я так думаю. Я надеюсь, что вы с Бозором сумеете воспитать Леночку, и она не будет знать, что сирота.

Бозор смотрит то на Таню, то на Илью Фомича и решительно ничего не понимает. Неожиданным открытием было это и для его боевых друзей. Тогда встала Таня и, не скрывая волнения, объяснила, что она воспитывает дочь погибшей на руднике подруги.

— Что же ты мне раньше об этом не сказала? — пожимая горячую руку Тани, спросил Бозор.

— Если бы я сказала, разве бы ты разлюбил меня? Ответом был его нежный взгляд.

Снова слышались возгласы, тосты за любовь, счастье, за дружную семью Мирзоевых.

— Петро, сыграй что-нибудь, — попросили Зайцева товарищи.

Зайцев принес скрипку, взмахнул смычком.

...Спит деревушка, где-то старушка
ждет не дождется сына, —

полились звуки любимой песни первого комэска Николая Ветрова. Тихо-тихо к мелодии присоединялись голоса. Товарищи погибшего командира, закаленные в боях мужчины, пели душевно, с нежностью. Многие представляли себе тот час, когда вернутся домой, прижмут к груди седую материнскую голову.

Глянесь на сына разок, другой —
Летная куртка и бровь дугой,
Крепко прижмешься и улыбнешься:
Не пропадет, мол, такой!

Оборвалась песня, а мысли все еще летели в далекие родные края. Зайцев, отложив скрипку в сторону, запел сильным басом:

Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...

Выбрали площадку для танцев. Не замедлил образоваться круг зрителей.

...Солнце садится за гору. Гости стали собираться домой. Грустно смотрит Таня на Бозора. А в стороне командиры о чем-то весело разговаривают с Ильей Фомичем. Комлев подозвал к себе Мирзоева.

«Даже последнюю минуточку не дадут побыть наедине», — с досадой подумала Таня.

А комэск, словно бы и не замечая переживаний девушки, громко отдает приказ:

— Товарищ гвардии лейтенант! Вам надлежит немедленно отправиться в распоряжение... — командир эскадрильи сделал паузу, посмотрел в сторону Тани. А та даже в лице изменилась... — в распоряжение разведчика товарища Лебедевой. На десять суток!

Обращаясь к Тане, Комлев отечески проговорил:

— Что, кольнуло сердечко? О вашем отпуске вопрос также решен. Поезжайте, попроведайте свою Леночку и ее бабушку.

— Есть попроведать Леночку и ее бабушку, товарищ гвардии майор, — лихо вскинув руку к пилотке и пристукнув каблуками, отчеканила Таня.

— Ну, Никита Кузьмич, до встречи на Мурманском, — пожимая руку Комлева, сказал Хмара.

— Скоро наш черед, — ответил Комлев. — До встречи у норвежских друзей.

Глава III

1

Между скалистыми сопками, вдоль берега озера, похожего с высоты на огромного головастика, вытянулся передовой аэродром. В юго-восточном углу его, прижавшись к могучей сосне, стоит дощатый домик.

В лунную ночь, когда все кругом погружается в сон, он кажется заброшенным. Днем же здесь бурлит жизнь: раздаются телефонные звонки, отдаются приказы. Это — командный пункт эскадрильи гвардии майора Комлева.

С того дня, как полк вновь «воссоединился» в единую семью, на прифронтовом аэродроме чувствуется подъем. Личный состав знает, что готовится удар, который решит исход битвы на крайнем правом фланге фронта. К передовым позициям тянется непрерывный поток войск и техники. Веселее стало в воздухе: армады бомбардировщиков, штурмовщиков и истребителей непрерывно бороздят небо Заполярья.

В полку и эскадрильях проведены партийные и комсомольские собрания. Коммунисты и комсомольцы клялись бить врагов по-гвардейски. Боевые листки и стенгазеты посвящены подготовке к предстоящим боям. Больше трех лет ждал солдат Заполярья дня наступления. Ради этого победил бури и ветры, осенние дожди и жгучие морозы. Ради этого ходил в глухие ночи в тыл врага «за языком», разрезал проволочные заграждения, лежал на снегу, стыл в ледяной воде под ураганным огнем противника, тонул в трясины, питался сухарями, размоченными в болотной жиже, таранил вражеские самолеты, горел в воздухе. Солдатской кровью обильно орошены серые безмолвные камни.

...Седьмое октября 1944 года. Черные тучи заполнили лощины. Временами сыплет снег.

Еще темно, но полк стоит в сомкнутом строю под гвардейским знаменем. Боевые друзья, прижавшись плечом к плечу, слушают приказ командующего фронтом.

— Товарищи! — звонко сказал Дедов, когда командир полка кончил читать. — Наступает час расплаты с врагом за все злодеяния, совершенные на Крайнем Севере священной русской земли. Ветераны Заполярья! Молодежь, пришедшая на смену погибшим!

Донеслись глухие раскаты артиллерийской канонады. Все прислушались, Дедов посмотрел на часы.

— Вы слышите, друзья! Слышите? Началось! Такие дадим фашистским выродкам уйти от расплаты! Пусть эти скалистые сопки и непроходимые топи станут могилой фашистскому зверю!

Инженер полка Голубев говорил спокойно, негромко, но в каждом его слове чувствовалась уверенность в подчиненных.

— Товарищи летчики! Сейчас вы полетите в последний решительный бой. На своих крыльях вы понесете свободу и счастье советскому народу и народам Норвегии. Машины проверены, оружие будет работать безотказно. Удачного вам боя и благополучного возвращения!

2

Но ожидаемых боевых вылетов в этот день не произошло: помешала погода. Как переживали и нервничали летчики! Наземные войска дерутся, а они сидят, словно беспомощные старухи. Летчики грозили «богу погоды», полковому синоптику, что если и завтра будет то же, с ним рассчитаются по-своему. Но только на третий день наступления выдалась летная погода, и в воздухе сразу стало тесно. Небо Заполярья еще не видело такого количества самолетов.

Утром летчики были вызваны в штаб полка, Локтев объяснил задачу: полк сопровождает штурмовиков. Объект штурмовки — аэродром противника.

Перед пилотами проплыло алое полотнище гвардейского знамени. Отеческим взглядом Ильич проводил летчиков на смертный, решительный бой.

Выше и выше поднимаются самолеты, светлее становится окрест. Эскадрильи заняли места в боевом порядке полка, легли на курс.

На юго-востоке из-за горизонта показалась корона солнечных лучей, через минуту раскаленным колом выкатилось и само солнце. Оно казалось помолодевшим, улыбочивым.

— Сила, сила-то какая! — восхищаются пилоты, осматривая пространство. Всюду, куда хватает глаз, видны советские самолеты.

Чуть выше, севернее, плывут бомбардировщики в сопровождении «яков». Еще севернее прошел полк Ла-5. А пониже, впереди, вытянулись в правом пеленге эскадрильи штурмовиков Ил-2. Локтевцы сопровождают их.

Внизу показалась знакомая горная цепь. Вдоль нее лощина, расширяющаяся с востока на запад. Комлев увидел скалы, у которых шел неравный бой. Вспомнились Машенька, Блажко, Ванюшка, Оскар Мунсен. А Мирзоев не выдержал и, нарушая дисциплину в эфире, воскликнул:

— Видите! Знакомые места!

— Все вижу, все помню! — ответил Комлев.

По горизонту пологом стелется пыль. Это взлетели вражеские истребители. Через несколько минут между аэродромом и приближающимися к нему штурмовиками поднялась стена из огня и стали: ударили сто десять стволов зенитной артиллерии. Окружив аэродром, стена эта поднялась до самого небосвода. Попробуй-ка пробить ее!

Истребители обтекают огненное море с севера и юга. Первая эскадрилья штурмовиков ударила по зениткам. Пушки бьют по самолетам, а те по пушкам. В воздухе смерч из огненно-дымчатых шаров, на земле грохот из взрывов реактивных снарядов, бомб, рвущихся боеприпасов. Громадные стволы пушек отлетают на десятки метров и с грохотом падают. Пылающие штурмовики врезаются в скалы. Первая эскадрилья ценою жизни героев сделала свое дело: смертоносная «стена» дала трещину и осела. В этот «пролом» ринулись остальные эскадрильи штурмовиков. Рушатся перекрытия капониров и блиндажей, взлетают бензозаправщики и маслозаправщики, рвутся на мелкие куски бомбардировщики, пылают осиное гнездо врага.

Тем временем воздушное сражение, приняв очаговый характер, с каждой минутой становится ожесточеннее и напористее. Немецкое командование подбросило подкрепления с других аэродромов, но и это не спасло гитлеровцев от разгрома.

Локтев неистовствует. Его самолет метеором носится среди вращающегося во всех плоскостях огромного клубка истребителей. Удивительна способность этого человека охватывать взглядом весь бой в целом, немедленно оценивать обстановку, отдавать приказы командирам эскадрилий. И сам он бьет без промаха.

— Прикрой! — крикнул Локтев ведомому и бросил машину в атаку на шестерку «Фокке-Вульфов-190».

Головной вспыхнул, остальные бросились врассыпную, но наткнулись на огонь первой эскадрильи. Один истребитель, не успев выйти из пикирования, врезался в скалу, другой горит факелом.

...У командного пункта полка тихо колышется гвардейское знамя. Ильич приветливо улыбается, встречая победителей.

3

Батальон гвардии капитана Хмары занял позицию на берегу озера Сальми-ярви, вытянувшегося на много километров с севера на юг. По центру озера проходит государственная граница Советского Союза с Норвегией. Частям предоставлена кратковременная передышка: надо подтянуть тылы, перегруппировать силы, дать людям отдохнуть.

— Сегодня баня, — передали командиры отделений своим солдатам.

— Баня? — одни с удивлением, другие с восторгом встретили это известие. — Ну и старшина, ну и Сомов! Придумал! Где это он будет нас парить? — слышались возгласы, смех, шутки.

Баню организовали под открытым небом.

Сомов раздобыл где-то большой котел, бойцы установили его на три камня, как на большущую таганку, и наполнили водой. Вскоре под котлом запылал костер.

Подошло первое отделение. Солдаты сбросили обмундирование, нижнее белье. Снегом разбавили кипяток. Быстро намыливали головы, терли друг другу спины.

— Три сильнее, — попросил один и тут же, ойкнув, взмолился:

— Хватит, хватит! Хорошо получилось. Кровь не выступила?

— Пока нет.

— Давай, теперь я тебя.

— Эх, красота! — восклицает сухощавый боец, опрокидывая на себя котелок воды.

— Не угореешь! — вторит ему другой.

Отделению выдают чистое белье, портянки. Бойцы быстро одеваются. Сомов, внимательно оглядывая солдат, приказывает одному пуговицу пришить, второму подворотничок сменить, а третьему — побриться.

— Теперь не зазорно и в Осло войти, — прихорашиваясь перед обломком зеркала, говорит Тихон Юков.

— Сначала освободим норвежцев, а там через море на берег Франции, — положив руку на плечо друга, уточняет Сомов.

— Вот здорово получится! И то правда — запурхались наши союзнички. Помочь им надо раздвинуть второй фронт. Неужели будет дан такой приказ?

— Этого знать нам не дано. Но я хочу, чтобы такой приказ был.

— И я тоже, — искренне признается Тиша. Подтянутые, чистые, побритые, в теплых ватниках, в добротных кирзовых сапогах, с автоматами на груди, бойцы выстроились на поверку.

К строю подошел солдат из дозора с гражданским мужчиной.

— Оскар! Как сюда попал? — воскликнул Хмара.

— Лодка, ногой, — ответил Мунсен.

Ветераны батальона узнали норвежца, тепло и радостно его приветствовали. А Сомов не сдержался, и два богатыря схватили друг друга в объятия.

Приближался час атаки.

— С чем пришел? — спросил Хмара.

Мунсен вытащил из-за голенища карту, развернул ее и рассказал об укреплениях противника, указал брод.

Хмара, взглянув на часы, отдал приказ занять исходные позиции для переправы.

Едва последний солдат залег в кустарнике, над батальоном в сопровождении истребителей пронеслись штурмовики. За озером самолеты начали обрабатывать берег, на котором укрепился враг. Красноармейцам хорошо видны дома населенного пункта. Сомов переживает: опасается как бы не пострадали мирные граждане. Ведь немцы и между домами понаделали доты, прорыли ходы сообщения.

Однако опасения старшины напрасны: удары точны, только один телеграфный столб разбило бомбой. Когда последний штурмовик вышел из пике, Хмара скомандовал:

— Вперед! За партию! За Родину!

— Из огня да в воду! — первым бросаясь в озеро, обронил шутку Сомов.

Низкорослый Тихон Юков, оступившись в вымоине, погрузился до самого подбородка. Держа высоко над головой руку с автоматом, он делал отчаянные усилия выкарабкаться на мелководье. Сомов, взяв Тишу под мышку, с силой толкнул вперед.

Тиша только отфыркнулся.

Таня Лебедева с группой солдат переправилась на лодке с Мунсенем.
Вот и берег.
Батальон залег для решительного штурма.

4

Когда Комлев узнал, где штурмовики будут разрушать укрепления врага, его охватили и радость, и тревога. Радовался близкой встрече с норвежскими друзьями, тревожился за их жизнь.

Вылетели под вечер. Точно в назначенное время самолеты появились над целью.

Разноцветные домики группами кустятся на берегу озера, вдоль черной ленты асфальтированной дороги. Вот знакомый ее изгиб, на котором произошла встреча с Мартином Вадсенем и его юным другом. В ближнем к озеру доме, где он нашел приют, блестит на солнце стекло. Хочется крикнуть так, чтобы услышали друзья.

На шоссе и в поселке ни души. На мысе, глубоко вдавшемся в озеро, где раньше стоял одинокий шалаш рыбака, появились насыпи. Со стороны озера дома окружены траншеями, ходами сообщения.

— Понастроили, собаки! — со злобой думает Комлев.

Штурмовики начали обработку цели. Комлев с удовлетворением отмечает точные попадания бомб и реактивных снарядов.

Мирзоев внимательно приглядывается к подножию сопки, где стоит барак номер семь. Барак прикрыт тенью, и Мирзоев ничего не видит. Вдруг, как ножом в сердце кольнули: над баракom поднялось пламя.

— Барак номер семь подожгли! — кричит Мирзоев. К этому времени штурмовики выполнили задание и взяли курс на свой аэродром. Комлев передает командование Реброву, а сам с Мирзоевым летит к месту, где тихо вибрирует высокий огненный столб. Огонь охватил весь барак, караульное и служебное помещения. Пилоты опустились ниже, сделали круг.

— Вот они, звери полосатые! — Мирзоев вводит самолет в пикирование, открывает огонь.

«Неужели это зверье живыми сожгло людей?» — с гневом думает Комлев и начинает поливать свинцом удирающих гитлеровцев.

5

После штурмовки поселок был взят батальоном без потерь. В обвалившихся окопах, в полусасыпанных ходах сообщения валялись трупы гитлеровцев. Немногие, оставшиеся в живых, сдавались. Бойцы отбирали у врага оружие, складывали его на берегу озера.

Солнце уже закатилось, но на западе еще стояла пурпурная заря. Сомов вместе с товарищами просматривал траншеи, «выковыривал» из укрытий фрицев. Ход сообщения ломаной линией уперся в двери одного подъезда. Из дверей щелкнул глухой пистолетный выстрел. Сомов увидел, как, взмахнув руками, упал Виктор Хмара.

Старшина в два прыжка оказался возле своего командира. Одновременно с ним подбежала и Таня. Сомов приподнял голову Хмары.

— Товарищ командир! Витя! Тебе нельзя умирать, понимаешь, нельзя. Мы в Норвегии, впереди победа! Витя, очнись! — жалобно просил гвардеец.

Сомов слышал брань бойцов.

Он положил на Танины колени голову друга и поднялся. Бойцы вывели из дома эсэсовца.

— Это он убил, он убил нашего командира! В расход его! — злобно кричали солдаты.

Под суровым взглядом старшины гестаповец поежился. С трудом сдерживая желание пристрелить фашиста, Сомов приказал отвести его на сборный пункт пленных. — Командир! Беда! Наци пленный барак огонь! Барак номер семь огонь! — сбивчиво говорит подбежавший Мунсен.

К седьмому бараку Сомов с бойцами подбежал уже в темноте. Как скелеты, стоят потрескавшиеся от жары печи. Слабый ветерок кое-где раздувает огоньки, они то злоеще засветятся, то потухнут. Порывы ветра доносят до солдат запах сгоревших тел.

Воины сняли шапки. И долго стояли молча, до боли стиснув зубы.

6

Батальон Хмары встретил яростное сопротивление врага. Гитлеровцы укрепились на сопке, прикрывающей подступы к фиорду. Одна за другой захлебнулись три атаки. Соседи слева и справа уже вышли к берегу, и было не понятно, почему с такой обреченностью фашисты защищают этот клочок земли. На помощь батальону под прикрытием истребителей подошла группа штурмовиков. Над сопкой поднялась пелена огня и дыма. С криком «ура!» батальон пошел в атаку.

...Истребители возвращаются с боевого задания. Зveno Мирзоева подлетает к фиорду с изрезанными скалистыми берегами. Бозору вспомнились слова из последнего Таниного письма: «Скоро ты, Боренька, будешь папой. Как только закончатся бои на севере, я рапортом доложу командиру и тогда буду ждать тебя дома с победой».

...Удар. Машина вздрогнула. Из левой плоскости вырвался язык пламени, и тут же огонь охватил весь самолет. Бозор понял: спастись невозможно. Нет высоты для раскрытия парашюта. Так и так смерть.

— Прощайте! — крикнул он и сделал переворот через крыло. Мелькнул кусок голубого неба, огненный диск солнца, наполовину погружившийся в море, блеснули окна незнакомого норвежского городка. Бозор отжал от себя ручку, самолет вошел в пикирование. Вскоре на том месте, где стоял фашистский транспорт, притаившийся под нависшей скалой, тихо покачивались на волнах масляные пятна...

Немецкий ас надеется скрыться от расплаты в тучах. Он отчаянно маневрирует: то пикирует чуть не до земли, то свечой уходит в облачность. Однако стальные клещи сжимаются. Вот Локтев подошел к врагу вплотную и расстрелял в упор.

Тем временем группа под командованием Комлева уничтожала фашистских солдат на земле. Враги копошились в ущелье, как в ловушке. Летчики били без промаха.

Комлев вывел самолет из последней атаки. Над фиордом, который стал могилой Бозора, друзья выполнили крутую горку и дали три прощальных залпа.

...Советский летчик погиб на глазах Тани Лебедевой, которая в тот миг перевязывала рану бойцу. Через несколько минут офицер связи от авиации сообщил в батальон, что этим летчиком был гвардии лейтенант Бозор Мирзоев. Бойцы пытались скрыть от Тани трагическую весть, да как можно это сделать?

Таня лишилась сознания. Когда ее привели в чувство, медленно переступая, побрела в гору, туда, где находился командный пункт батальона. Натыкаясь на камни, оступаясь, она поднялась на вершину. Со стороны фиорда гора обрывается отвесной, скалистой стеной. В изнеможении Таня опустилась на холодную гранитную плиту.

— Боренька, как я жить-то без тебя буду? — простонала она.

Дует сильный порывистый ветер. Но Таня не ощущает ни ветра, ни холода. Она смотрит вниз, туда, где ее Бозор. Закрыв глаза, подумала: «Чуть качнусь вперед, и буду вместе с ним». Но в этот миг ощутила под сердцем сладостное давление и отшатнулась от пропасти. Там растет ее любовь, его кровинка.

Таня беззвучно заплакала. Она не заметила, как подошел Сомов, накрыл ее плечи теплым полушубком. Сел рядом, закурил. Старшина не находил слов, чтобы утешить подругу. Сидел молча.

— Пойдем, Таня, — сказал наконец Сомов. — Нам жить надо.

— Что? — встрепелась Таня. — Ах, да, да, нам жить надо.

В темном небе заиграла полярная заря.

Комлев только остановил самолет, а гвардии подполковник Дедов уже взобрался на

плоскость и сдвинул колпак. У машины комэска собрались механики, оружейники, стрелки, подходили разгоряченные боем летчики.

Комлев выключил зажигание, трехлопастный винт сделал еще несколько оборотов и остановился.

— Никита Кузьмич! Приятная новость: получен приказ о прекращении военных действий в Заполярье, — сообщил замполит полка.

Комлев поднялся в кабине, сорвал с головы шлемофон, глубоко вздохнул, словно бы свалив с плеч тяжелую ношу.

— Ну вот и хорошо, ясное море. Теперь можно сказать, что с фашистами мы расплатились, — и в его сердце слились воедино и горечь утрат, и радость победы.

Над аэродромом бездонное бледно-голубое небо. Тишина.

Эпилог

Смолкли артиллерийские залпы в Заполярье. Отдыхает небо от гула моторов, треска пушечно-пулеметных очередей. Так тихо, что кажется, земля спит после пережитого. Даже солнце, как будто стесняясь тревожить ее отдых, опустилось за зубчатый горизонт и не появляется много-много дней. Земля окуталась полярной ночью.

Февральским днем 1945 года гвардии майор Комлев со своими боевыми друзьями отправился в небольшой пограничный норвежский поселок. У дома Мартина Вадсена Комлев увидел мальчика лет четырех и совсем малюсенькую, только что вставшую на ножки девочку. Одетый в теплый вязаный костюм мальчуган неуклюже карабкался на горку и уверенно скатывался на лыжах. Девочка громко визжала, глядя ему вслед.

— Турик! — нерешительно произнес Комлев, подходя ближе.

Юный лыжник посмотрел на незнакомого человека, опустил голову и молча начал передвигать из стороны в сторону лыжу.

— Турик! — повторил Никита Кузьмич и, схватив ребенка на руки, расцеловал его в пухлые щеки.

Из дома выбежала женщина в свитере с красной полосой на груди, в радостном изумлении всплеснула руками.

— Русеиск флюгер! Кузьммш! Мы ждали вас!

— Ранди, ты! А я боялся даже спрашивать Турика... Ранди кинулась к Комлеву, расцеловала его, потом повернулась лицом к дому и что-то громко начала кричать и махать руками. На крыльце появился мужчина на костылях.

— Мой муж, Кнут Танг, вернулся, — Ранди потащила Комлева к нему. Комлеву не терпелось узнать, как Ранди удалось ускользнуть от погони.

— О, я тогда много боялась... Оскар ушел вперед, сзади наци, лыжа сломана... Поправила, побежала, свернула другой сторона. Наци след потерял. Ушла.

Из домов выходят люди, возбужденно переговариваются между собой, жмут летчикам руки, хлопают по плечам, улыбаются.

Прибежал Мартин Вадсен. Он, казалось, помолодел.

— Э-о-о! Гость! Прощу, прошу, — не устает он твердить. — Мой дом — ваш дом.

Шумною гурьбою ввалились в дом Мартина.

Вот памятная для Комлева комната. Плетеного кресла и круглого столика нет. Полупустой выглядит и гостиная. Видя удивление русского друга, Мартин объяснил:

— Наци бежал, все хватал, домой не нес — рубил, ломал. Будем жить сначала.

Норвежцы о чем-то заговорили между собой и, подталкивая друг друга, вышли из дома, а через несколько минут вернулись неся стол, стулья, кресла.

Весть о прибытии русских гостей долетела до одинокого домика на берегу озера. В комнату вошли Эдгарди Лотта Хансен.

— Не забыли? — спросил Эдгард, пожимая руку Комлева.

— Никогда!

— Посмотри, моя жена моложе стала. У нас радость. Большая радость! Ждем домой сына.

Когда гости и хозяева расселись и в рюмки было налито вино, в комнату ввалился Оскар Мунсен.

— Я тут! — звучно возвестил он.

Комлев вышел из-за стола навстречу другу. Они крепко обнялись.

— Друзья! — обратился к летчикам Никита. — Этот человек — тот самый Оскар Мунсен, о котором я так много вам рассказывал.

Оскар сбросил с себя шляпу, кожаную куртку, поздоровался со всеми за руку и занял место между Комлевым и Локтевым. Рядом с Локтевым — Дедов. Справа от Комлева занял место Кнут Танг. Комлев взял с рук отца маленького Турика и посадил к себе на колени. Мальчик, ласкаясь, прижался к его груди.

Выпили за свободу Норвегии, за победу Красной Армии, за радостную встречу.

Хозяева угощали дорогих гостей чем могли. Советские офицеры не оставались в долгу.

За обедом много и оживленно разговаривали, хорошо понимая друг друга. Летчики поведали норвежским друзьям о судьбе Бозора Мирзоева, Сомова, Тиши маленького. С грустью узнали, что Петер Лихтсен в 1944 году был схвачен гестаповцами на явочной квартире в Осло и следы его затерялись.

— Оскар, а не знаешь о судьбе Малыша? — спросил Комлев.

— Россию увез на лодке. Ищи дома, — ответил тот.

— Как же я его найду, коли никогда не видел, да и имя и фамилию не знаю.

— Такой, — проговорил Оскар и одновременно обеими руками показал приметы: левую руку вытянул вперед, дескать, невысокого роста, а указательным пальцем правой руки приподнял кончик носа: курносый.

За столом все весело засмеялись, а Локтев заметил:

— В России половина курносых и среднего роста. За столом присутствует незнакомый Комлеву человек.

Это управляющий только что организованного государственного хозяйства. Он спросил, большую ли часть норвежской территории возьмут русские и как долго их армия будет находиться в Норвегии. Дедов ответил, смеясь:

— У нас достаточно своей земли. Вывод частей из Норвегии начнется на днях.

— Я всегда говорил, что русским наша земля не нужна. Мы никогда не забудем, что они сделали для нас, сколько пролили крови ради нашей свободы, — сказал Эдгард Хансен.

Долго длилась душевная беседа. Стемнело, когда стали прощаться. У автомашины, принимая из рук Комлева уснувшего Турика, Ранди тихо проговорила:

— Кузьмиш! Отца Турика русские спасли от наци. Передай своему сыну, что Туре никогда не поднимет руки на русского парня.

— Передам, обязательно передам, Ранди! Машина вышла со двора. Вслед за ней шли норвежские патриоты, прощально махали руками.

...Тихо бьется о берег фиорда волна. На скале, нависшей над водой, высечена огромная пятиконечная звезда. Ниже звезды — слова: «НОРВЕГИЯ БЛАГОДАРИТ ВАС!».

Примечания

{1}Спасибо (тадж.).

{2}Злая собака (тадж.).

{3}Негодяй (тадж.).

{4}Разрешите закурить (тадж.)

{5}Дорогие друзья (тадж.).

{6}Реактивные снаряды.

{7}Непревзойденный мастер, строгий наставник, внимательный учитель (тадж.).

{8}Дивизионная партийная комиссия.

{9}Батальон аэродромного обслуживания.

{10}Дорога, идущая вдоль линии фронта

{11}Большое спасибо русскому летчику.

{12}За ваше здоровье (норвеж.).

{13}«Рамой» называли немецкий самолет «Фокке-Вульф-189».